

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

ЧЕЛОВЕК:

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
И НАКАЗАНИЕ

E-mail: editor62@yandex.ru

Т. 28 (1–4), 2020
№ 2

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

2020. Т. 28(1–4). № 2

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

Научный журнал.

Издается с июля 1993 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – [федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» \(Академия ФСИН России\)](#).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ [ПИ № ФС 77-74889 от 11.02.2019](#).

Главный редактор [А. А. Крымов](#)

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.

E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

<https://mcp.editorum.ru>

Дата выхода в свет 30.03.2020. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Подписные индексы:

объединенный каталог «Пресса России» – 73800;

интернет-каталог «Российская периодика» (www.arpk.org) – [73800](#).

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

[Российский индекс научного цитирования;](#)

[КиберЛенинка;](#)

[Перечень рецензируемых научных изданий.](#)

[в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.](#)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Крымов Александр Александрович,
главный редактор, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Аксенова Галина Ивановна,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Антонян Юрий Миранович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Блинков Олег Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Гаврилов Борис Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Кашуба Юрий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Лебедев Семен Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Наумов Анатолий Валентинович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Огородников Владимир Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Плешаков Владимир Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Поздняков Вячеслав Михайлович,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Полищук Николай Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Поникаров Владимир Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)

Ромашов Роман Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Старостин Сергей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сухов Анатолий Николаевич,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Тюгаева Нина Алексеевна,
доктор педагогических наук, профессор (Россия, Рязань)

Черемисова Ирина Валерьяновна,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Черный Евгений Владимирович,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Чистяков Алексей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Шаталов Александр Семенович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Юнусов Абдулжабар Агабалаевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

EDITORIAL BOARD

- Krymov Aleksandr Aleksandrovich,**
Editor-in-chief, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Aksenova Galina Ivanovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Antonjan Jurij Miranovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Blinkov Oleg Evgen'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Gavrilov Boris Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Kashuba Jurij Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Lebedev Semen Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Naumov Anatolij Valentinovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Ogorodnikov Vladimir Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Pleshakov Vladimir Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Pozdnjakov Vjacheslav Mihajlovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Polishhuk Nikolaj Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Ponikarov Vladimir Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Romashov Roman Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, St. Petersburg)
- Starostin Sergej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Suhov Anatolij Nikolaevich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Tjugueva Nina Alekseevna,**
Doctor of Pedagogic Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Cheremisova Irina Valer'janovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Volgograd)
- Chernyj Evgenij Vladimirovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Simferopol)
- Chistjakov Aleksej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Shatalov Aleksandr Semenovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Junusov Abdulzhabar Agabalaevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

В фокусе приоритетного внимания любого государства постоянно находится проблема преступности. Она очень давняя и чрезвычайно серьезная, в силу этого постоянно требует научного осмысления. Разумный человек всегда властен над своими поступками. Но иногда, особенно в условиях социальной неустроенности, разламывающих общество противоречий и конфликтов, он совершает поступки, противоречащие закону. Предупредить, уберечь, помочь – в этом и состоит цель, во имя и ради которой создан журнал «Человек: преступление и наказание». Слово «человек» в его наименовании не является терминологической новацией. Человек в сфере действия уголовной юстиции в широком смысле – вот магистральная и основная проблематика журнала. К ее освещению и раскрытию во всем многообразии возможных аспектов приглашаются праведы, управленцы, психологи, педагоги, философы, социологи, религиозные деятели, медики-психиатры – все, кого интересуют и волнуют человеческие проблемы в таком их специфическом понимании. Важными направлениями деятельности журнала являются публикация результатов междисциплинарных исследований по вопросам модернизации систем исполнения наказаний, уголовно-исполнительной политики, участия в этом процессе гражданского общества, защиты прав и законных интересов осужденных, объединение усилий ученых различных стран в решении общих пенитенциарных проблем.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций; свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями;

соблюдение международных этических редакционных правил.

Journal mission

The problem of crime is always in the focus of priority attention of any state. It is very old and extremely serious, that is why it constantly requires scientific understanding. A reasonable man can always control his actions. But sometimes, especially in conditions of social disorder, breaking the society of contradictions and conflicts, he commits acts against the law. To warn, to protect, to help is the purpose for which the journal “Man: crime and punishment” was created. The word “man” is not a terminological innovation. A man in the sphere of criminal justice in a broad sense is the main problem of the journal. Lawyers, managers, psychologists, teachers, philosophers, sociologists, religious leaders, physicians, psychiatrists and all who are interested and concerned about human problems in such specific understanding are invited to cover and disclose it in a variety of possible aspects. Important activities of the journal are the publication of the interdisciplinary research results on the modernization of penal systems, penal policy, participation of civil society in this process, the protection of the rights and legitimate interests of convicts and combining the efforts of scientists from different countries in solving common prison problems.

Publication Frequency

Quarterly

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement;

free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange;

compliance with international ethical editorial rules.

Publication fee

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Не допускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 166** *Геранин В. В., Мальцева С. Н.* Цели наказания: легитимные и латентные
- 177** *Маликов Б. З., Маликова Н. Б.* Уголовно-исполнительное право – процессуально-процедурная отрасль российского права
- 185** *Селиверстов В. И.* Социальная реабилитация лиц, освобожденных от отбывания лишения свободы: мнение представителей правозащитных и общественных организаций
- 200** *Южанин В. Е.* О позитивной уголовной ответственности
- 207** *Сысов А. М.* К вопросу об определении приоритетной цели уголовно-исполнительного законодательства и средствах ее достижения

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- 220** *Шнарбаев Б. К.* Организация социально-психологической работы с кадрами службы пробации
- 226** *Малолеткина Н. С.* Правовые основы и организационное обеспечение совершенствования исполнения уголовных наказаний в России (с учетом зарубежного опыта пробации)

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 231** *Смирнова И. Н., Буданова Л. Ю., Шабанов В. Б.* Организационно-правовое обеспечение правоохранительной деятельности уголовно-исполнительных инспекций в сфере исполнения мер пресечения
- 237** *Долинин А. Ю.* Проблемы применения методов управления в работе с кадрами уголовно-исполнительной системы

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 251** *Артемов Н. С., Багнычев М. Ю.* Криминологическое исследование рецидивной профессиональной преступности
- 264** *Нестерова О. И.* Предупреждение групповых преступлений осужденных в исправительных учреждениях
- 268** *Дегтерев А. А.* Предупреждение преступности против основ политической системы

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

- 276** *Белова Т. Н., Слюняев Д. В.* Моделирование товарной стратегии производственной деятельности исправительного учреждения

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 284** *Ганишина И. С., Ильиных Н. А.* Личностные особенности тубинфицированных осужденных молодежного возраста
- 296** *Сухов А. Н.* Традиционные и современные средства криминогенного общения

ПЕРСОНАЛИИ

- 304** *Сыч К. А.* Теоретико-правовой взгляд профессора А. С. Михлина на общественно полезные работы в системе наказаний и практику их исполнения

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

SCIENCE FORUM

- 311** *Geranin V. V., Mal'tseva S. N.* Purposes of punishment: legitimate and latent
313 *Malikov B. Z., Malikova N. B.* Penal law – procedural branch of Russian law
314 *Seliverstov V. I.* Social rehabilitation of persons released from prison: opinion of representatives of human rights and public organizations
316 *Yuzhanin V. E.* On positive criminal liability
318 *Sysoev A. M.* On the issue of determining the priority goal of the Penal legislation and means to achieve it

ABROAD

- 320** *Shnarbaev B. K.* Organization of social and psychological work with probation service personnel
321 *Maloletkina N. S.* Legal bases and organizational support for improving criminal penalties execution in Russia (taking into account the international experience of probation)

MANAGEMENT VECTOR

- 323** *Smirnova I. N., Budanova L. Yu., Shabanov V. B.* Organizational and legal support of law enforcement activities of Penal inspections in the field of preventive measures enforcement
325 *Dolinin A. Yu.* Problems of applying management methods in work with the personnel of the Penal system

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 327** *Artem'ev N. S., Bagnychev M. Yu.* Criminological research of recidivists' professional crime
328 *Nesterova O. I.* Prevention of group crimes committed in correctional institutions
330 *Degterev A. A.* Crime prevention against political system's foundations

COMPETITIVENESS ANALYSIS

- 331** *Belova T. N., Slyunyaev D. V.* Modeling of the product strategy of production activity of a correctional institution

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

- 333** *Ganishina I. S., Il'inykh N. A.* Personal characteristics of TB-infected convicts of youth age
335 *Sukhov A. N.* Traditional and modern means of criminal communication

PERSONALIA

- 337** *Sych K. A.* Theoretical and legal view of Professor A. S. Mikhlin on socially useful work in the system of punishment and the practice of its execution

УДК 343.241

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.166-176

ВИТАЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГЕРАНИН,

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой уголовного права и процесса,
Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Рязани,
г. Рязань, Российская Федерация, ORCID 0000-0003-0251-2002,
e-mail: gvvrzn@mail.ru;

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА МАЛЬЦЕВА,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права и процесса,
Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Рязани,
г. Рязань, Российская Федерация, ORCID 0000-0001-9252-284X,
e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru

ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ: ЛЕГИТИМНЫЕ И ЛАТЕНТНЫЕ

Для цитирования

Геранин, В. В. Цели наказания: легитимные и латентные / В. В. Геранин, С. Н. Мальцева // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 2. – С. 166–176. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.166-176.

Аннотация. В период переработки законодательства и начала подготовки проектов новых кодексов, который переживает страна в настоящее время, возобновилась дискуссия относительно целей, стоящих перед наказанием, возможности их достижения и постановки иных, более утилитарных целей. Данная статья находится в русле этой дискуссии, но посвящена не поиску аргументов в поддержку замены такой цели, как исправление осужденных, а рассмотрению проблем целей наказания с иной стороны, исследуя их с позиции легитимности и латентности. На протяжении всего периода развития мировой пенитенциарной науки и практики процесс исполнения (отбывания) наказания сопровождался привлечением, а можно сказать, и принуждением осужденных к труду. На примере нашей страны в статье прослеживается изменение позиции законодателя в отношении роли и цели трудового использования осужденных. Эволюция от прямого закрепления в законодательстве до постепенного перехода в категорию латентных – путь, который пройден рассматриваемой в статье целью наказания – самокупаемостью. Как известно, ни одна крупнейшая стройка в довоенный период не обходилась без использования труда осужденных: от Беломорканала до Магнитки – миллионы осужденных создавали будущую стратегическую основу Советского государства. Однако с переходом страны к рыночной экономике и обусловленной ею безработицей экстенсивный путь развития, по которому развивалась экономика

© Геранин В. В., Мальцева С. Н., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

страны и на которой в первую очередь основывалась экономическая деятельность уголовно-исполнительной системы, завершился. С ним пришло и осознание необходимости замены концептуального подхода к трудовому использованию осужденных. Собственное производство как экономическая основа уголовно-исполнительной системы с его изношенным, устаревшим морально и материально оборудованием более не могло конкурировать с государственными промышленными предприятиями, даже несмотря на относительно невысокую себестоимость выпускаемой продукции. Из донора государственного бюджета Федеральной службы исполнения наказаний стала одним из его крупнейших потребителей. В ходе поиска новой концепции трудового использования осужденных ставка была сделана на постепенную замену лишения свободы альтернативными наказаниями. Их главное достоинство в действительности заключается не столько в отсутствии «эффекта изоляции», имманентно присущего лишению свободы, сколько в минимизации затрат на содержание осужденных, то есть в реализации принципа самокупаемости наказания. В силу этого в систему основных наказаний, помимо имевшихся исправительных работ, были введены обязательные, а затем и принудительные работы. Последние изменения в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве свидетельствуют о том, что акцент сделан на принудительные работы как наиболее соответствующие самокупаемости наказания. При достаточно высоком уровне карательного содержания наказания (обязательность постоянного пребывания в пределах исправительного центра) не только осужденные возмещают расходы на свое содержание, но и из их заработка производятся удержания в доход государства. Следовательно, необходимо вывести латентную в настоящее время цель – самокупаемость наказания – из тени и сделать ее легитимной, закрепив в соответствующих статьях Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации.

Ключевые слова: цели наказания, самокупаемость наказания, трудовое использование осужденных, собственное производство, контрагентские работы.

Вопрос о целях уголовного наказания и его исполнения, несомненно, относится к одному из наиболее дискуссионных в теории уголовного и уголовно-исполнительного права. И это не случайно, поскольку человечество всегда волновало то, как обезопасить себя от преступлений и как поступать с преступником.

Один из мыслителей древности Платон полагал, что цель наказания – это, во-первых, очищение души, запятнавшей себя преступлением, предупреждение его повторения в будущем посредством применения к преступнику наказания, являющегося для него лекарством, исцеляющим его нравственный недуг, во-вторых, устранение дурного влияния на сограждан, в-третьих, избавление государства от опасного, вредного члена. По существу, здесь сформулированы те цели, которые вот уже почти две с половиной тысячи лет закреплены в уголовных кодексах большинства государств.

Синтезируя идеи своих предшественников, один из известнейших представителей итальянского Просвещения XVIII в. Ч. Беккариа в своем знаменитом трактате «О преступлениях и наказаниях» указал, что «цель наказания... заключается... в предупреждении новых деяний преступника, наносящих вред его согражданам, и в удержании других от подобных действий» [1, с. 105].

Разумеется, вопрос о целях наказания не мог не найти отражения и в законодательстве России. Так, Соборное уложение 1649 г., считающееся первым печатным кодексом России, предусматривало четыре цели наказания:

1. Устрашение (чтобы иным неповадно было).
2. Возмездие со стороны государства.
3. Изоляция преступника (в случае ссылки или тюремного заключения).
4. Предупреждение совершения новых преступлений (клеймение, урезание носа, отсечение уха и т. д.).

Согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., справедливо оцениваемому в качестве первого уголовного кодекса России, наказания подразделялись на уголовные, исправительные и дополнительные. К ставшим уже привычными целям наказания: устрашение и предупреждение добавилась новая – исправление, под которой понималась необходимость возволить «нравственные и религиозные сознания из мертвенного усыпления» (<http://ivo.garant.ru/#/document/57791500/paragraph/35:0>).

В последнем по времени издания главном источнике уголовного права досоветского периода России – Уголовном уложении 1903 г. – одним из видов пенитенциарных заведений предусматривались исправительные дома. Согласно ст. 18 в них «приговоренные обязательно занимаются заведенными в исправительном доме работами... а лица мужского пола могут быть также назначаемы на работы и вне исправительного дома» (<http://library6.com/books/553030.pdf>). Название заведений прямо указывало на основное их назначение, а правовое регулирование деятельности непосредственно увязывалось с обязательным привлечением заключенных к труду.

Было бы заблуждением представлять, что в то время могла предполагаться цель получения существенной материальной выгоды от использования труда лиц, отбывающих наказание. Однако отметим, что труд стал применяться и к заключенным в тюрьмах, а за его выполнение, как устанавливала ст. 58 Уложения, начислялась сдельная плата (<http://library6.com/books/553030.pdf>). Использовался же он как одно из средств воздействия, главным образом, для предупреждения порока праздности.

В советский период уголовное законодательство (ст. 8 УК РСФСР 1922 г. и ст. 9 УК РСФСР 1926 г.) было дополнено характерной для того периода целью наказания – приспособлением преступника к условиям общежития государства трудящихся (<https://ru.wikisource.org/wiki>).

Однако уже в первом советском пенитенциарном кодексе (ИТК РСФСР 1924 г.) в общих положениях указывается цель, которой вскоре предстоит стать определяющей: «Каждое исправительно-трудовое учреждение должно стремиться возмещать трудом содержащихся в нем заключенных затрачиваемые на них издержки, не теряя, однако, из виду исправительных целей» (<https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071>). Впрочем, это скорее была задача, что называется, на перспективу, поскольку страна, только вышедшая из кровопролитной Гражданской войны, с разоренной экономикой и едва сформированным государственным аппаратом, была не в состоянии обеспечить всех лиц, отбывающих наказание, производительным трудом. К тому же присущая периоду нэпа безработица, достигшая к 1924 г. 1240 тыс. человек, не позволяла рассчитывать на предоставление сколько-нибудь значимых объемов работ пенитенциарной системе.

Ситуация в экономике СССР коренным образом изменилась начиная с 1930-х годов: форсированная индустриализация сменила безработицу на хронический дефицит трудовых ресурсов. К сожалению, подъем экономики не сопровождался созданием более

эффективного механизма использования рабочей силы. Главным инструментом регулирования трудовых отношений становится принуждение [2, с. 21].

Административно-мобилизационные меры управления экономикой, утвердившиеся в этот период в народном хозяйстве, не могли не сказаться и на ее пенитенциарной политике. Утвержденное СНК СССР в 1930 г. Положение об исправительно-трудовых лагерях на долгие годы определило стратегическое направление развития заведений, исполняющих лишение свободы, и главное – все исправительно-трудовые лагеря были переведены на самоокупаемость, что позволило снять с государства бремя расходов на содержание заключенных.

Не стоит заблуждаться, подневольный труд и в то время не оценивался производительнее труда добровольного, свободного. Однако для быстрее решения безусловно важнейшей задачи – индустриализации экономики (страна спешно готовилась к грядущей войне) – использовались все доступные средства и небогатые возможности. Колоссальные предвоенные стройки, такие как Норильский комбинат (ныне ОАО ГМК «Норильский никель» – крупнейший в мире производитель никеля и палладия), Магнитогорский комбинат, ставший крупнейшим металлургическим предприятием Советского Союза и внесший неоценимый вклад в победу, строительство Комсомольска-на-Амуре, начало строительства БАМа, наконец, знаменитый Беломорканал – обеспечивший выход к Балтийскому морю и Волго-Балтийскому водному пути, и многие иные, не столь грандиозные сооружения, возводились либо только заключенными, либо с их важнейшим участием.

Для повышения эффективности труда заключенных с 1931 г. начал применяться такой мощный стимул, как досрочное освобождение от отбывания наказания в связи с зачетом рабочих дней заключенным, перевыполнившим установленную норму: день работы засчитывался за полтора-два календарных дня срока, а на особо тяжелых работах – за три. Зачеты в целом показали свою эффективность для мотивирования заключенных к повышению производительности труда. Однако после высказывания И. В. Сталина в 1938 г. на заседании Президиума Верховного Совета СССР «О досрочном освобождении заключенных» о том, что подобные освобождения нарушают работу лагерей, поскольку уходят лучшие работники [3], Президиум Верховного Совета СССР в 1939 г. издал Указ «Об отмене условно-досрочного освобождения для осужденных, отбывающих наказание в ИТЛ НКВД СССР». Примечателен п. 4 этого Указа, согласно которому предписывается «лагерную рабочую силу снабжать продовольствием и производственной одеждой с таким расчетом, чтобы физические возможности лагерной рабочей силы можно было использовать максимально на любом производстве» (<https://ru.wikisource.org/wiki>).

«Лагерная рабочая сила» из бремени, которое вынуждено нести государство, превратилась в важное средство ускоренного подъема промышленности, а труд заключенных стал рассматриваться как значительный экономический ресурс. Недостаток объективно низкой эффективности труда окупался недоступно высокой для народного хозяйства мобильностью переброски огромных людских ресурсов к возводимым объектам, а также фактическим отсутствием потребности создания сопутствующей крупным стройкам инфраструктуры (жилье, больницы, школы, детские сады и т. д.), что, безусловно, позитивно сказывалось на темпах и стоимости строительства.

Вряд ли следует считать экономическую составляющую одной из основных причин поступательного повышения численности заключенных в России 30-х – 40-х годов XX в., однако и не учитывать ее было бы неверно. Только объемы капстроительства, осуществляемого ГУЛАГом, составляли около 10 % от общих государственных капитальных вложений [4].

Все более масштабному использованию труда заключенных способствовала и направленность карательной политики государства, в которой именно изоляции от общества отводилась главная роль в борьбе с противниками советской власти. Идеологической основой такого направления стала позиция И. В. Сталина, согласно которой по мере продвижения страны вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а советская власть будет проводить политику изоляции этих элементов [5, с. 171]. В силу этого если к концу Гражданской войны в СССР насчитывалось менее 80 тыс. заключенных, то ко времени создания ГУЛАГа (1930 г.) их содержалось уже 189 тыс. [6], и далее, вплоть до начала войны, число осужденных только возрастало, достигнув в 1941 г. 2 400 422 человек [6].

В послевоенный период, когда отпала острейшая необходимость прибегать к любым средствам и способам скорейшего подъема экономики, использование труда заключенных в качестве инструмента экстенсивного развития утратило свое прежнее значение.

Введенный в действие в 1960 г. УК РСФСР в целом отражал принятый государством курс на демократизацию общественных отношений. В частности, из системы наказаний были изъяты такие, как изгнание из пределов РСФСР и объявление врагом народа. Закрепленные в ст. 20 УК РСФСР цели наказания можно назвать традиционными: исправление и перевоспитание, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Вместе с тем неудачно сформулированное положение о роли и месте кары в целях наказания породило многолетнюю научную дискуссию. Ее суть сводилась к двум взаимоисключающим позициям относительно того, является кара целью или сущностью наказания. Результаты дискуссии, продолжавшейся вплоть до принятия нового УК РФ 1996 г., хотя и не убедили ни одну из сторон, значительно обогатили теорию уголовного права глубокой разработкой проблем института наказания.

Принятый спустя 10 лет ИТК РСФСР в ст. 1 воспроизвел закрепленные в УК РСФСР цели наказания, дополнив их неосуществимой мечтой об искоренении преступности. При этом положение о том, что «...наказание не только является карой...», сказалось на содержании других разделов Кодекса. В частности, ч. 2 ст. 37 ИТК РСФСР, устанавливавшая общее правило использования осужденных, содержащихся в исправительно-трудовых колониях особого режима, как правило, на тяжелых работах, изменила для этих лиц сущность труда: из средства исправления он трансформировался в карательный элемент наказания. Однако данное требование ИТК РСФСР, изначально противоречащее основным законам экономики, на практике реализовывалось непросто, учитывая, что к предприятиям исправительных учреждений предъявлялись требования, аналогичные обычным промышленным предприятиям. Впоследствии эта норма из ИТК РСФСР была изъята.

В послевоенный период, когда экономика страны начала динамично модернизироваться, а административно-мобилизационные методы управления экономикой постепенно стали замещаться экономическими методами, перед отечественной пенитенциарной системой встал вопрос о дальнейшем пути развития. Экстенсивный путь, когда миллионы осужденных предоставлялись, главным образом, на контрагентские работы, себя исчерпал, но приоритетная цель – самообеспечение системы, тем не менее, не снималась. При выборе оптимальной модели использования труда осужденных было решено создавать собственное производство – предприятия при исправительно-трудовых колониях. Такой подход имел, по меньшей мере, три основных преимущества. Во-первых, он соответствовал основной легитимно закрепленной цели наказания – исправлению и перевоспитанию осужденных в духе честного отношения к труду. Во-вто-

рых, в условиях плановой экономики наличие собственного предприятия гарантировало обеспечение осужденных постоянным объемом работ. В-третьих, это практически снимало проблемы обеспечения режима и охраны на производственном объекте, характерные для контрагентских предприятий при выводе туда на работу осужденных.

Несмотря на то что задача создания собственных предприятий в условиях административно-территориального размещения решалась исключительно трудно, а созданные предприятия ИТУ были технически отсталыми, низкоэффективными и малоперспективными, их общий объем производства со временем сравнялся с объемами некоторых промышленных министерств, а МВД СССР вошло в первую пятерку крупнейших промышленных министерств по выпуску товарной продукции [7]. С точки зрения соотношения затрат и полученных результатов лишение свободы продолжало оставаться приемлемым, несмотря на все издержки.

По мере либерализации политической, экономической, социальной жизни общества уже в конце XX в. все чаще начал ставиться вопрос о необходимости снижения числа «сидельцев». Основывались такие предложения, прежде всего, на закреплении в правовой политике государства ценностного (аксиологического) подхода и необходимости гуманизации криминального законодательства. Предпринимались также попытки снизить число осужденных, отбывающих лишение свободы. Периоду конца XX в. характерно изменение числа лиц, лишенных свободы, по синусоиде: 1970 г. – 1 146 882; 1986 г. – 2 356 933; 1991 г. – 1 254 247 осужденных [6]. Такие волнообразные колебательные движения свидетельствовали о целенаправленных действиях государства в его стремлении «регулировать» преступности.

Численность лишенных свободы, необходимость и способы ее снижения неоднократно становились предметом дискуссий ученых-криминалистов, обсуждались на правительственном уровне, однако существенных успехов достичь не удавалось, и к началу XXI в. (2000 г.) в местах лишения свободы продолжало находиться около миллиона осужденных – 925,1 тыс. (<https://rosinfostat.ru/prestupnost/#i-6>). Как представляется, тому были две основные причины – разные для советского и постсоветского периода развития нашего государства. Для советского периода проблема снижения численности «сидельцев» не была столь актуальной, поскольку Советский Союз был значительно мощнее России и содержание исправительно-трудовой системы (отметим, весьма разветвленной в тот период) не могло оказать заметное негативное влияние на экономику страны. Более того, как отмечалось, исправительно-трудовая система была не просто самокупаемой, а выступала в качестве одного из основных спонсоров государственного бюджета.

В постсоветский период, когда уголовно-исполнительная система не только не пополняет государственный бюджет, но и полностью из него финансируется, содержание сотен тысяч в подавляющем большинстве своем неработающих осужденных становится ощутимым бременем. Так, согласно федеральному бюджету на 2020 г. (Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов») расходы на ФСИН России запланированы в размере 293 896 977,6 тыс. рублей, что лишь немногим меньше расходов, выделенных на вместе взятых Министерство культуры и Министерство просвещения (соответственно – 135 900 018,3 и 174 091 610,2 тыс. рублей).

Как выяснилось, экономический фактор оказался гораздо действеннее ставших привычными, но неэффективных призывов к снижению «тюремного населения». Однако и его воздействие не сразу сказалось на снижении численности лиц, отбывающих лише-

ние свободы. Резкий всплеск преступности, последовавший за происшедшей в России социальной революцией 1989–1991 гг., объективно не позволял судам назначать наказания, не связанные с изоляцией от общества. В силу этого, несмотря на все усилия, на рубеже веков численность лишенных свободы по-прежнему колебалась в пределах миллиона осужденных.

Однако если в так называемые тучные годы при профицитном бюджете растущие расходы на уголовно-исполнительную систему не вызывали особой тревоги, то финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. потребовал принятия незамедлительных мер.

Для решительного снижения расходов на ФСИН России в уголовной политике государства акцент был сделан на расширение применения наказаний, альтернативных лишению свободы. Одновременно с этим при совершенствовании действующих и разработке новых уголовных наказаний законодатель задумался о возрождении принципа самокупаемости деятельности учреждений, исполняющих эти наказания.

Как результат, в 2005 г. к осужденным впервые за совершение преступлений небольшой и средней тяжести наконец-то стало применяться наказание в виде обязательных работ, откладывавшееся на протяжении предыдущих 9 лет.

В 2010 г. после радикального изменения содержания было введено в действие наказание в виде ограничения свободы, до этого также «висевшее» в течение 14 лет.

В 2011 г. согласно изменениям, внесенным в ст. 50 УК РФ, вновь стало возможным назначать исправительные работы осужденным, имеющим основное место работы. До этого начиная с 2003 г. из-за непродуманных изменений этой же статьи исправительные работы применялись лишь к осужденным, не имеющим основного места работы, что едва не погубило столь эффективный с точки зрения самокупаемости вид наказания.

Наконец, с 2017 г. начало применяться наказание в виде принудительных работ, ранее также откладывавшееся в течение 6 лет в связи с отсутствием мест исполнения наказания – исправительных центров.

Нельзя не заметить, что все упомянутые изменения, внесенные в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, объединяет общее.

Во-первых, стремление законодателя максимально расширить перечень наказаний, не просто альтернативных лишению свободы, а отвечающих главному критерию – самокупаемости, то есть чтобы осужденные своим трудом, как минимум, компенсировали расходы государства, затраченные на исполнение данного наказания, возмещали причиненный ущерб, а при благоприятных условиях еще и пополняли бы бюджет.

Как нередко бывает, желание одновременно «убить» нескольких зайцев приносит обратный результат. Так, ст. 49 УК РФ, принятого в июне 1996 г., предусматривала бесплатность выполняемых осужденными к обязательным работам общественно полезных работ, что, собственно, и являлось важнейшей отличительной особенностью нового наказания, и должна была обеспечить ему «популярность». Однако первоначальная редакция ст. 25 и ст. 28 принятого спустя полгода УИК РФ неожиданно «усовершенствовала» это наказание, установив, что труд бесплатен только для осужденных. Работодатели же, как и обычно, должны перечислять финансовые средства за использование труда осужденных в соответствующие бюджеты. Разумеется, для предприятий и организаций, трудоустраивающих таких осужденных и обязующихся при этом осуществлять за ними контроль, вести учет выполненных работ, начислять им заработную плату и перечислять ее в бюджет, все перечисленное выглядит только как дополнительные и при этом ничем не компенсируемые обязанности, поэтому не случайно, что в таком виде наказание в течение 9 лет не применялось. Лишь после того, как труд стал бесплатным не

только для осужденных, но и для работодателя (Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ), обязательные работы стали все более часто назначаться судами, и по итогам 2018 г. их удельный вес составил уже 8,7 % от всех основных наказаний (<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>).

Расширение перечня наказаний, в названиях которых упоминается слово «работа» – исправительная, обязательная, принудительная, подчеркивает их главную особенность: использование труда осужденных.

Думается, если бы появилась возможность отменить концептуальное назначение наказания в виде ареста – содержание в условиях строгой изоляции, по существу исключая возможность какого-либо производительного труда осужденных, мы бы не готовились отмечать в следующем году 25-летний юбилей неприменения этого наказания.

Во-вторых, в последнее десятилетие с очевидностью прослеживается тенденция снижения применения наказания в виде лишения свободы: на 1 января 2020 г. в учреждениях УИС содержалось 523 928 чел., что на 39 238 чел. меньше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (<http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS>), то есть за 10 лет число лиц, отбывающих лишение свободы, снизилось более чем на 300 тыс. человек (падение почти на 40 %). Это своеобразный рекорд – достигнут исторический минимум числа лиц, содержащихся в исправительных учреждениях.

Сохранятся ли такие темпы снижения и на следующее десятилетие? Это представляется маловероятным.

Как справедливо полагают некоторые специалисты, возможности введения новых альтернатив лишению свободы исчерпаны [8] и в дальнейшем сокращение его доли можно будет осуществлять только за счет расширения использования уже существующих наказаний.

Кроме того, у судов сокращается вероятность назначать иное, чем лишение свободы, наказание в связи со всевозрастающей долей ранее судимых лиц в общей их структуре. Так, по сравнению с предыдущим годом в 2017 г. доля лиц, имеющих неснятую или непогашенную судимость среди всех, кому назначено уголовное наказание, возросла на 2,3 % (http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/Statisticheskijobzor_po_sudimosti_2017.pdf), а среди лиц, отбывающих лишение свободы, за период 2009–2018 гг. доля рецидивистов выросла с 47,8 до 54,2 % (<http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS>), причем удельный вес осужденных к лишению свободы в третий и более раз вдвое превышает число осужденных дважды.

Как подчеркивалось на расширенном заседании коллегии ФСИН России, концентрация в местах лишения свободы лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, в настоящее время превысила 80 % от общей численности (http://фсин.рф/news/index.php?element_id=448262). Это непосредственно сказывается на возможности снижать численность лишенных свободы посредством их досрочного освобождения от отбывания наказания. Так, за последние 10 лет число освобожденных условно-досрочно или в связи с заменой наказания более мягким наказанием уменьшилось от общего числа освобожденных от отбывания наказания на 12 % (с 42,8 % в 2009 г. до 30,8 % в 2018 г.).

Перевод же на самоокупаемость исправительных учреждений невозможен не только в нынешних условиях, но и в среднесрочной перспективе. Главным к тому препятствием выступает низкий уровень трудоустройства осужденных. Несмотря на все усилия, которые ФСИН России предпринимает для увеличения числа рабочих мест, в испра-

вительных учреждениях полезным трудом занято только около 37 % осужденных. Как отметил председатель Комитета Совета Федерации по регламенту и организации парламентской деятельности А. Кутепов на совещании по вопросам социальной адаптации заключенных, состоявшемся 4 июля 2018 г., в исправительных учреждениях содержатся 264 тыс. осужденных, не обеспеченных работой (<http://council.gov.ru/events/news/94024>).

В результате эти осужденные не только не возмещают расходы, затраченные на их содержание, не возмещают причиненный вред, но и после освобождения от наказания не могут трудоустроиться, поскольку у них отсутствуют трудовые навыки, а имевшиеся утрачиваются за время пребывания в местах лишения свободы. Отчасти и поэтому в стране столь высокий уровень рецидивной преступности, который к тому же год от года растет [9, с. 225].

На наш взгляд, происходит смена концепции трудоустройства осужденных: от собственного производства, организованного, главным образом, в местах лишения свободы, ФСИН России переходит к контрагентским отношениям, предполагающим предоставление потенциальному партнеру пусть и не очень квалифицированные, зато недорогие рабочие руки, причем акцент делается на наказании, пограничном между лишением свободы и альтернативными наказаниями. Речь идет о принудительных работах, исполняемых исправительными центрами.

С точки зрения самоокупаемости это весьма перспективный институт: притом что карательное содержание наказания достаточно высокое (обязанность постоянного пребывания в пределах исправительного центра), осужденные вместе с тем достаточно свободны в трудоустройстве. Главное же, они оплачивают расходы на свое содержание, из их заработка производятся удержания в размере от 5 до 20 % в доход государства, кроме того, они обязаны погашать назначенные судом иски, например, на возмещение ущерба потерпевшим. Широкому развитию его применения препятствует лишь отсутствие необходимого количества самих исправительных центров. По сути, наказание начали применять даже вопреки общему правилу: вначале создается учреждение, исполняющее наказание, а затем к этому наказанию суды приговаривают осужденных. В данном случае эти процессы стали идти параллельно, причем поспешность была такова, что при отсутствии должных финансирования и времени исправительные центры не строились, как говорится, с нуля (то есть с учетом требований установленного режима, созданием необходимой инфраструктуры и т. д.), а под них срочно начали приспособлять имеющиеся сооружения.

Желание сделать принудительные работы основной альтернативой лишению свободы натолкнулось на реальные возможности уголовно-исполнительной системы. В силу этого за 2018 г. принудительные работы составили лишь 0,5 % от назначенного судами лишения свободы. Для сравнения: исправительные работы – 29 % (<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>), за первое полугодие 2019 г. принудительные работы – 0,9 %, исправительные работы – 28,3 % (<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5083>).

Однако стратегия уже избрана и для увеличения числа лиц, отбывающих принудительные работы, в декабре 2018 г. вносятся изменения в ст. 53.1 и 80 УК РФ (Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 540-ФЗ), создавшие механизм, в соответствии с которым у осужденного в первую очередь возникает возможность замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами, и только после этого – возможность условно-досрочно освободиться. При этом с учетом скромных возможностей УИС по созданию новых исправительных центров с 1 января 2020 г. вступили в силу изменения, внесенные в ст. 60.1 УИК РФ (Федеральный закон от 18 июля 2019 г. № 179-ФЗ),

позволившие создавать участки исправительных центров на базе имущества, предоставляемого в безвозмездное пользование организациями, использующими труд осужденных к принудительным работам.

Что касается использования труда лиц, содержащихся в местах лишения свободы, то перспективы необнадлежающие. На сегодняшний день в состав УИС входят 31 федеральное государственное унитарное предприятие, 569 центров трудовой адаптации осужденных, 71 производственная мастерская. Все они нуждаются в кардинальном обновлении оборудования, поскольку только 20 % из имеющегося, по словам заместителя директора ФСИН России Р. Степаненко, пригодно для работы. При этом даже такое морально и физически устаревшее оборудование из-за отсутствия заказов используется лишь на 58 % (<http://council.gov.ru/events/news/94024>). Кроме того, наблюдается низкая мотивация и заинтересованность работающих осужденных (<http://фсин.рф/budget/info.php>). Самым очевидным способом для повышения интенсификации их труда является значительное, как минимум, вдвое, увеличение зачисляемой на их лицевой счет заработной платы. Не вызывает сомнений, что 4,8 тыс. рублей, которые, по словам на тот момент врио начальника управления организации производственной деятельности и трудовой адаптации осужденных ФСИН России В. А. Пантелеева, работающим осужденным в среднем за месяц зачисляются на лицевой счет (<https://rg.ru/2018/10/08/stalalizvestna-sredniaia-zarplata-zakliuchennogo-v-rossii.html>), не в состоянии стимулировать их не то что к производительному, но даже просто к труду.

Учитывая опыт последних, как минимум, 30 лет, вряд ли можно ожидать значительного увеличения финансирования УИС, необходимого для масштабного обновления промышленного оборудования, создания новых производственных площадей, то есть перевод «тюремного населения» на самообеспечение в современных условиях – чрезвычайно трудно реализуемая задача. Этим во многом и обусловлено резкое сокращение числа осужденных к лишению свободы, с одной стороны, и пристальное внимание к альтернативным ему наказаниям – с другой.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что трудовое использование осужденных всегда шло параллельно с отбываемым ими наказанием. Более того, в отдельные периоды оно приобретало приоритет, а самоокупаемость в деятельности исправительных учреждений становилась самоцелью. Однако если для первоначального этапа Советского государства эта цель открыто провозглашалась и закреплялась в законодательстве (ИТК РСФСР 1924 г.), то в последующих кодексах она вначале была завуалирована (ИТК РСФСР 1933 г.), а затем по разным причинам перешла в категорию латентных.

Действующий УК РФ в ст. 43 закрепляет три цели наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденных и предупреждение новых преступлений, объединяя в последней общую и частную превенцию. УИК РФ в ст. 1, по существу, воспроизводит те же цели, за исключением первой. Предполагается, что она достигается на этапе назначения наказания. Авторы проекта нового УИК РФ предлагают исправить этот недостаток и включить восстановление социальной справедливости в качестве четвертой цели уголовно-исполнительного законодательства [10, с. 43].

На наш взгляд, цели уголовного и уголовно-исполнительного законодательства могут не совпадать, учитывая различия предметов правового регулирования данных отраслей, их место и назначение в системе отраслей российского права и законодательства. В таком случае, а также опираясь на обязательность труда осужденных, предусмотренную нормами как российского, так и международного права, мы полагаем не только возможным, но и необходимым вывести цель самоокупаемости наказания из тени

и восстановить ее легитимность. Трудности, которые возникнут при ее реализации в условиях исполнения наказания в виде лишения свободы, ожидаемы, но вряд ли они значительнее тех, с которыми сталкивается уголовно-исполнительная система, реализуя цель исправления осужденных. Цель исправления служит своеобразным барьером, фильтром, не позволяющим принимать и применять к осужденным любые, в том числе противоречащие ей, средства воздействия. Самоокупаемость же должна нацеливать администрацию учреждений, исполняющих наказание, не просто на трудоустройство как можно большего числа осужденных к оплачиваемым работам, но и на их эффективное трудоустройство.

В качестве компромиссного решения можно предложить самоокупаемость как дополнительную цель только для учреждений, исполняющих альтернативные лишению свободы наказания. Для этого необходимо в раздел УИК РФ, регулирующий исполнение альтернативных наказаний, внести главу, аналогичную той, которая в нынешнем УИК РФ предваряет регламентирование исполнения лишения свободы, назвав ее «Общие положения исполнения альтернативных наказаний» (если такое их название получит закрепление в законе) либо назвав так, как наказания именуются в настоящее время: «Общие положения исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества». В данной главе помимо целей, стоящих перед этой группой наказаний, необходимо изложить и другие общие особенности, послужившие основанием их выделения. Как уже отмечалось, именно самоокупаемость лежала в основе введения в УК РФ и УИК РФ наказаний, использующих в своем наименовании слово «работа».

Библиографический список

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2004. 184 с.
2. Богданов С. В. Безработица в истории России XX века: причины, особенности, последствия : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2002. 23 с.
3. История СССР. Хроника великой страны. 1917–1991. URL : <https://books.google.ru/books?id=KWoDDgAAQBAJ&pg=PA225&lpg=PA225&dq> (дата обращения: 19.01.2020).
4. Вклад заключенных ГУЛАГа в экономику СССР. Справка. URL : <https://ria.ru/20090415/168168878.html> (дата обращения: 19.01.2020).
5. Сталин И. В. Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь 9 июля 1928 г. на пленуме ЦК ВКП(б) // Сталин И. В. Сочинения : в 13 т. М. : Политиздат, 1953. Т. 11. 423 с.
6. Лунеев В. Преступление и наказание в России. URL : <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0239/tema07.php> (дата обращения: 19.01.2020).
7. Матвеева Н. С. Экономическая история развития производственного сектора пенитенциарной системы России // Историко-экономические исследования. 2009. № 1. С. 14–39.
8. Круглый стол на тему «Основные направления развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на современном этапе». 2011. URL : <http://csr.ru/news/kak-uluchshit-sistemu-ispolneniya-nakazaniy> (дата обращения: 19.12.2019).
9. Геранин В. В., Мальцева С. Н., Кузьмин С. С. Самоокупаемость как основной признак эффективности уголовных наказаний // Евразийский юридический журнал. 2019. № 3. С. 224–226.
10. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2017. 328 с.

УДК 343.8

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.177-184

БОРИС ЗУФАРОВИЧ МАЛИКОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Уфимский юридический институт МВД России,
г. Уфа, Российская Федерация,
e-mail: malikov_bz@mail.ru;

НАДЕЖДА БОРИСОВНА МАЛИКОВА,

кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела разработки методологий
исполнения наказаний, связанных с лишением свободы,
и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем
обеспечения безопасности в уголовно-исполнительной системе,
НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: malikova26@mail.ru

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО – ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРОЦЕДУРНАЯ ОТРАСЛЬ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Для цитирования

Маликов, Б. З. Уголовно-исполнительное право – процессуально-процедурная отрасль российского права / Б. З. Маликов, Н. Б. Маликова // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 2. – С. 177–184. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.179-186.

Аннотация. В статье предлагаются новые подходы к оценке содержания нормативно-правового материала отрасли уголовно-исполнительного права, так как данное отраслевое правовое направление проходит новый этап своего развития и научного осмысления. На основании анализа задач данной отрасли права, во главу угла которой ставится правовое регулирование исполнения приговоров суда, уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера, обосновывается положение о том, что уголовно-исполнительное право является процедурно-процессуальной отраслью российского права. Отмеченные вопросы теории уголовно-исполнительного права и проблемы кодификации, а также современные социальные реалии делают востребованной в ближайшей перспективе модернизацию данной отрасли права, так как ею пройдены два важных этапа своего формирования – советский (начальный) и постсоветский (переходный).

© Маликов Б. З., Маликова Н. Б., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право, исполнение уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера, императивный метод, властные полномочия, кодифицированное законодательство, некодифицированные правовые образования.

Нормы отраслевого права призваны регулировать конкретную группу общественных отношений, четко определенных и объединенных единым предметом правового регулирования. Как правило, в таких случаях большому массиву норм отрасли права придается кодифицированная форма путем их систематизации – объединения всех или значительной их части в основной для правоприменения источник – кодекс.

Пенитенциарное законодательство России как новая отрасль права советской России начало формироваться практически сразу в кодифицированной форме. Уже в 1924 г. был принят первый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, ставший основным нормативно-правовым источником всей дальнейшей правотворческой и научной работы по осмыслению и законодательному выражению политики государства в сфере исполнения уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера.

Кодификация отраслей советского права оказалась удачной формой систематизации норм нового социалистического права, так как позволяла закрепить и выразить в нормах сущность и содержание социалистического правопорядка и законности, а также стать удобной для усвоения широких полуграмотных масс трудящихся требований закона. Следует отметить, что кодексы РСФСР также сыграли важнейшую роль в организации нового правопорядка: обеспечили оптимальный для своего времени уровень законности в правоприменении в условиях отсутствия специалистов в области права, острого дефицита служащих-юристов по всем направлениям юрисдикции государства, включая деятельность судов, трибуналов, органов прокуратуры, милиции, мест лишения свободы. Кодексы РСФСР стали также проводником в жизнь идей организации социалистической экономики, гражданско-правовых отношений и всего социалистического уклада жизни.

Говоря о позитивной роли права как объективного и неотъемлемого инструмента социальной организации и особенно советских кодексов в становлении социалистического права, мы не игнорируем факты и события беззакония того периода. Однако у них есть своя историческая и социальная обусловленность и закономерность, ставшие отражением проявления остроты борьбы за утверждение советской власти в России, новой экономики и уклада жизни, того уровня социальной зрелости масс и проявлений персоналий, которые по объективным и субъективным причинам не могли быть другими в тех условиях. Оценка этого беззакония и советского принуждения всегда будет не в полной мере адекватной при попытке измерить их масштабами сегодняшнего дня, взглядом из теплого кабинета и сытой жизни, без ощущения реальных угроз потерять все в одночасье, что обрели впервые трудящиеся России. Тогда не всем представителям народной власти было ясно: как удержать власть? Как распорядиться властью? До каких пределов возможно применять принуждение? Как поступать с противниками советской власти? Как преодолеть разруху и организовать социалистическую экономику? Как наполнить жизнь трудящихся новым социальным и духовным содержанием? Как защитить нестандартную и слабую страну своими силами от агрессии и нападков мощи мира капитализма, милитаризма, колониального противоборства и территориальных претензий?

Россия прошла испытания социалистического строительства, став сильной державой, заложив значимые теоретические и организационные основы для развития современного права.

В настоящее время кодификация норм права, в том числе уголовно-исполнительного, осуществляется по правилам, отражающим единство и специфику предмета, целей и задач, принципов внутренней организации отрасли, метода правового регулирования, особой внутренней структуры систематизации норм. Цели и задачи, стоящие перед отраслью права и ее содержанием, имеют сложные комбинации закрепления в нормативных предписаниях, опосредованных особенностями оснований и критериями систематизации норм, их институциональных конструкций. Одним из основных критериев дифференциации норм уголовно-исполнительного права на две основные качественные составляющие правовой материи являются свойства, отражающие их функциональное предназначение и предопределяющее внутриотраслевое различие норм на материальные и процессуальные (процедурные).

Для более полного понимания проблемы соотношения в уголовно-исполнительном праве наличия материальных и процессуальных (процедурных) норм и значения такового в механизме правового регулирования, а также в интересах оценки качества самой отрасли права есть необходимость оценить и законодательную практику России в области отраслевого кодифицированного правотворчества.

Исследуя проблему дифференциации отраслей права по признаку их функциональной и сущностной определенности, мы обнаруживаем наличие групп отраслей права – правовых образований, обеспечивающих регулирование общественных отношений по определенному направлению деятельности государства. Например, антикриминальное правосудие своей правовой основой имеет такие отраслевые образования, как уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Уголовное законодательство: 1) обеспечивает функции уголовно-правовой охраны наиболее значимых социальных ценностей от преступных посягательств (ч. 1 ст. 2 УК РФ); 2) определяет основания и принципы уголовной ответственности, закрепляет исчерпывающий перечень опасных для личности, общества или государства деяний – преступлений, а также устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за их совершение (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Тем самым его нормы несут в себе властные правоустанавливающие предписания, позволяющие среди правонарушений выделить (криминализировать) общественно опасные деяния – преступления и установить запрет на их совершение под угрозой наказания (санкции за конкретные преступления). Уголовное право формулирует правовую абстракцию деяния субъекта преступления. Такой по содержанию и характеру формат правоустановления основным вектором правового посыла обращен к неопределенному кругу лиц, предупреждая всех о запрете совершения общественно опасных деяний. С момента совершения общественно опасного деяния физическим лицом нормы уголовного законодательства своими материальными предписаниями запускают и приводят в движение процедуру реализации уголовной ответственности в отношении виновных лиц. Осуществляется это в строго процессуальной форме, на основании требований норм уголовно-процессуального законодательства. Правосудие с предъявлением обвинения, как правило, осуществляется в форме уголовного процесса, итогом которого является вынесение обвинительного приговора.

Исполнение вступившего в законную силу приговора суда порождает начало уголовно-исполнительной деятельности (ст. 7 УИК РФ). Если уголовное законодательство своими материальными нормами воздействует непосредственно на общественные

отношения, а точнее, дифференцирует поведение физических лиц на допустимое – одобряемое, частично одобряемое и недопустимое (запрещенное) – общественно опасное (криминальное), то нормы уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства формируют производные правоотношения (второго порядка). В уголовном процессе поводом уголовно-процессуального принуждения могут служить различного рода обстоятельства криминального характера: а) вероятные явления, порождающие у компетентных органов подозрение на причастность к совершению конкретного преступления; б) реальные посягательства – наличие признаков противоправного деяния; в) объективные последствия криминального характера (смерть человека как событие, как факт); г) заявления о преступлении; д) материалы проверок компетентных органов и др.

С нормами уголовно-процессуального законодательства взаимодействуют и нормы неcodифицированных правовых актов, которые обеспечивают регулирование специфических общественных отношений в следующих сферах: 1) организация оперативно-розыскной деятельности (Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»); 2) исполнение содержания под стражей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений (Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»); 3) экспертно-криминалистическая деятельность (Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство сосредоточивает в своем содержании преимущественно процедурные нормы, отражающие весь уголовный процесс как направление государственной деятельности – правосудие. Вместе с тем УПК РФ содержит и материальные нормы: а) нормы-дефиниции (ч. 1 ст. 46 и др.); б) нормы, определяющие статус субъектов и участников уголовного процесса (ч. 2–4 ст. 46 и др.).

Законодатель все нормативное содержание процедур органов правосудия по уголовным делам отразил в УПК РФ, сделав акцент на том, что уголовный процесс – это вид деятельности в обязательной процедурной форме, несоблюдение которой ставит под сомнение решения компетентных органов. Обязательная процедурная форма в уголовном процессе – требование принципа законности, основа гарантии прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных, это официальный формат предъявления претензий государства и общества к виновному лицу и выражения обоснования избрания меры ответственности.

Особенный и упорядоченный вид государственной деятельности – это исполнение судебных решений по реализации назначенных наказаний и мер принуждения уголовно-правового характера, который конкретизируется в нормах уголовно-исполнительного законодательства. Такая деятельность в части персонализации уголовно-исполнительного принуждения урегулирована материальными нормами (статус конкретного осужденного, условия отбывания наказания, применяемые меры поощрения и взыскания). Сам же процесс исполнения наказания состоит из конкретных процедур (изменение условий отбывания наказания в ИУ, применение поощрений и взысканий, водворение и содержание осужденного в штрафном изоляторе). Отдельные изменения в порядке отбывания наказания обеспечиваются в уголовно-процессуальной форме (изменение вида исправительного учреждения, смягчение наказания, досрочное освобождение от отбывания наказания). Однако, как мы отметили выше, уголовно-процессуальная форма и в уголовно-исполнительной деятельности состоит из конкретных процедур, поэтому исполнение наказания – это урегулированный нормами уголовно-исполнительного законодательства

и подзаконными актами вид исполнительно-процедурной деятельности, основанный на нормативности, отражающей императивный характер правоотношений (императивный метод), реализующих сущность и содержание конкретного вида наказания или меры уголовно-правового характера, конкретизированных и индивидуализированных в приговоре суда. Посредством системы компетентно-статусного блока материальных и процедурных норм уголовно-исполнительного законодательства определяется круг правомочий компетентного органа (персонала) по исполнению конкретного вида наказания. Императивный характер правомочий персонала органов и учреждений закреплён в нормах уголовно-исполнительного законодательства, отражающих сущность и содержание правоограничений конкретного вида наказания путем формулирования признаков, элементов, процедур и понятий: «правоограничения», «изоляция», «режим», «охрана», «конвоирование», «надзор», «водворение в штрафной изолятор или одиночную камеру», «запреты», «обязанности осужденных», «ответственность за правонарушения», «законные требования персонала» и др. Материальные нормы по характеру регулирования уголовно-исполнительных отношений отражают различные требования к субъектам: для персонала – властные правомочия; для осужденных – обязанности, рекомендации, запреты, права и интересы. Чтобы привести в движение предписание материальных норм, следует иметь специальные процедурные нормы, отражающие императивный метод правового регулирования, – реализацию властных правомочий, механизмы обеспечения исполнения осужденными обязанностей и запретов, поэтому нормы уголовно-исполнительного права предусматривают множество процедур реализации материальных норм. Например, перевод осужденных из одного вида условий содержания в другой в исправительном учреждении проводится по решению комиссии исправительного учреждения (ч. 3 ст. 87 УИК РФ), однако порядок формирования такой комиссии, ее полномочия, процедурность работы нормативно в полной мере не определены. Следует отметить, что до настоящего времени нормативная основа значительной части процедур в уголовно-исполнительном праве еще должным образом не сформирована и не урегулирована, что приводит к ослаблению реализации материальных норм, отсутствию единообразия уголовно-исполнительной практики, нарушениям прав и свободы осужденных и нестабильности всего уголовно-исполнительного процесса.

Нормы уголовно-исполнительного права отражают принципы, характер и пределы реализации властных полномочий, являются основой уголовно-исполнительных правоотношений, отражая должный, законный и правосудный формат назначенного судом наказания или иной меры уголовно-правового характера: а) правоограничений; б) исправительного воздействия; в) взаимодействия «персонал – осужденный». Значимая часть материальных норм уголовно-исполнительного права – это нормы статусно-обязывающего и ограничивающего характера. Эта группа норм: а) определяет правовое положение осужденных к различным видам наказаний; б) обозначает осужденного в качестве субъекта отбывания наказания; в) наделяет осужденных правами; г) очерчивает круг их законных интересов; д) закрепляет правоограничения, запреты, обязанности осужденных, характерные для конкретного вида наказания и обозначенные в приговоре суда.

Императивный характер уголовно-исполнительных правоотношений позиционирует осужденного в качестве субъекта, обязанного действовать определенным образом, выполнять властные предписания закона. Материальные нормы уголовно-исполнительного права являются нормативно-правовой основой гарантии защиты прав и интересов осужденных, так как они не позволяют нарушать закон, предъявлять к осужденным незаконные требования, ограничивать их права более, чем это предусмотрено нормативно-правовыми

и судебными установлениями, и не унижать их человеческое достоинство. Сама уголовно-исполнительная деятельность, являясь производной, обязательной, встроенной в систему правосудия, посткриминальной, социально определенной и необходимой, есть последовательный процесс применения правоограничений исправительного воздействия, который обеспечивается правомочным органом государства и состоит из множества нормативно определенных конкретных процедур.

Нормы уголовно-исполнительного законодательства систематизированы и представляют собой самостоятельную отрасль права. Они также тесно связаны с нормами уголовного права и уголовно-процессуального законодательства.

Специфика уголовно-исполнительного права проявляется в его структуре и содержательном наполнении его норм. Дифференциация отраслей права на материальные и процессуальные связана в основном с особенностями предмета правового регулирования, спецификой методов регулирования общественных отношений, выделением субъектов правоприменения и направленностью юрисдикции решений правомочных органов и должностных лиц.

Уголовно-исполнительное право имеет двойственную правовую природу. Как отрасль права характеризуется наличием кодифицированного законодательства, дополняемого нормами иных федеральных законов и подзаконных нормативно-правовых актов. Кроме того, уголовно-исполнительное право России интегрировано в международную правовую систему взаимодействия по обеспечению прав человека в сфере применения посткриминального принуждения (ст. 3 УИК РФ). Исходя из оценок основных подходов к организации отрасли уголовно-исполнительного права и систематизации норм можно отметить, что данная отрасль права является составной частью правового мегаобразования, именуемого системой норм антикриминальной защиты и правосудия.

Как отмечено выше, уголовно-исполнительное право, обладая в целом чертами процессуального права (исполнительно-процедурного), в своем содержании имеет материальные и процедурно-процессуальные нормы.

По сути, материальная норма закрепляет правило поведения субъектов правоотношений в абстрактном неконкретном проявлении, а четкое направление и определенность ей придает процедура ее реализации и претворения в жизнь. Регламентированная процедура запускает процесс реализации материальной нормы, без которой материальная норма не имеет смысла. Без соответствующей процедуры материальная норма формальна и безжизненна. Уголовно-исполнительный процесс, состоящий из ряда процедур, логически связанных между собой, имеет цели – исполнение кары (наказания) в отношении признанных виновными в совершении преступлений и исправление осужденных, поэтому формально определенные правила поведения субъектов уголовно-исполнительных правоотношений (материальное) реализуются посредством установленной процедуры (процессуальное).

Уголовно-исполнительное право представляет совокупность юридических норм, закрепляющих волю государства в области исполнения уголовных наказаний и образующих отрасль российского права. При этом, как и во многих иных отраслях, ведущая роль принадлежит материальным нормам уголовно-исполнительного права, с помощью которых обеспечивается государственное принуждение и ограничение прав личности в процессе исполнения уголовных наказаний.

Однако материальные нормы не могут реализовываться без соответствующей процессуальной или процедурной формы [1, с. 52; 2, с. 25], и эти свойства отрасли уголовно-исполнительного права позволяют рассматривать ее в качестве материально-

процессуальной отрасли. Эту идею рассматривали и развивали ряд авторов [1, с. 52; 3, с. 61] на протяжении более 30 лет, а сегодня она активно совершенствуется в соответствии с современными реалиями и потребностями уголовно-исполнительного законодательства.

По-разному ряд ученых-специалистов в области теории уголовно-исполнительного права подходят к оценке данной отрасли права в целом и всей совокупности «...нематериальных норм, относя их к категории процессуальных либо к категории процедурных... Полярность подходов представителей науки уголовно-исполнительного права к определению рассматриваемой разновидности норм уголовно-исполнительного права объясняется сложностью и неодинаковым пониманием сущности категорий «процесс» и «процедура» и, следовательно, понятий «уголовно-исполнительный процесс» и «уголовно-исполнительная процедура». Данные два понятия не получили должной разработки в науке уголовно-исполнительного права» [5, с. 390]. Такая оценка заслуживает внимания, она сформулирована в монографии Ю. А. Головастовой «Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система» [5].

Вопрос о наличии процессуальных норм в различных отраслях права (за исключением уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права) носит дискуссионный характер уже многие десятилетия [6, с. 98; 7, с. 7; 8, с. 19; 9, с. 7; 10, с. 11]. Применительно к конкретной отрасли права проблема внутриотраслевого юридического процесса решается по-разному и является актуальной. В теории права идея о наличии внутриотраслевого и специально-отраслевого процесса поддерживается многими авторами, при этом внутриотраслевой юридический процесс понимается как комплекс всех возможных организационных и других процедур, производств, то есть всех процессуальных проявлений права на уровне конкретной правовой отрасли [11, с. 60–61], но учитывая специфику как регулируемых правоотношений, так и методов правового регулирования.

Проблема процессуальных норм тесно взаимосвязана с пониманием в теории права категории «юридический процесс». Первые идеи о процессе и процессуальных нормах в «непроцессуальных отраслях» появились в начале 1950-х годов прошлого века (А. Ф. Клейман, С. С. Студенкин, Г. И. Петров и др.). Было обнаружено, что эти нормы по своей «специализации» и регулятивной направленности правовых предписаний неоднородны и подразделяются на две большие группы – материальные и процессуально-процедурные [12, с. 5].

Не вступая в научную полемику по поводу того, каких черт больше в содержании уголовно-исполнительного права – процессуальных или процедурных, следует еще раз отметить, что уголовно-исполнительное право – это отрасль, которая уже в своем наименовании, в нормативности своих целей и задач предполагает сочетание материальных, процессуальных и процедурных начал. В целом же эту отрасль на основании вышеуказанных оценок норм, предмета и метода правового регулирования можно признать процессуально-процедурной отраслью права. Исполнение приговора суда, наказания и иных мер уголовно-правового характера предвещает ее и материальные, и процессуальные начала, а процедурность в процессе их исполнения – это основа уголовно-исполнительной деятельности и правовая гарантия законности и допустимости применения ограничений и государственного принуждения к осужденным.

Обозначенные в статье проблемы теории и законодательного регулирования процедур исполнения уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера требуют нового осмысления с учетом современных социальных реалий в России. Модернизация уголовно-исполнительного права назрела, так как данная отрасль прошла два важных

этапа своего формирования и развития в кодифицированной законодательной форме – советский (начальный) и постсоветский (переходный).

Библиографический список

1. Мелентьев М. П. **Функции и структура** советского исправительно-трудового права : учеб. пособие. Рязань, 1977. 89 с.
2. Южанин В. Е. Уголовно-исполнительные правоотношения : лекция. Рязань, 2000. 45 с.
3. Перков И. М. Соотношение материальных и процессуальных норм исправительно-трудового права в теории и практике исполнения уголовных наказаний. М., 1980. 89 с.
4. Севрюгин А. С. Исправительно-трудовые правоотношения. Рязань, 1988. 37 с.
5. Головастова Ю. А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система : монография / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2019. 560 с.
6. Байтин М. И., Яковенко О. В. Теоретические вопросы правовой процедуры // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 93–102.
7. Бахрах Д. Н. Юридический процесс и административное судопроизводство // Журнал российского права. 2000. № 9. С. 6–17.
8. Гурвич М. А. Советское гражданское процессуальное право. М., 1964. 370 с.
9. Мельников Ю. И. Природа и содержание норм процессуального права в социалистическом обществе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1976. 22 с.
10. Основин В. С. Процессуальные отношения в советском государственном праве // Советское государство и право. 1982. № 8. С. 11–15.
11. Баландин В. Н. Принципы юридического процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 1998. 188 с.
12. Процессуальные нормы и отношения в советском праве (в «непроцессуальных» отраслях). Воронеж, 1985. 208 с.

УДК 343.848

DOI DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.185-199

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ СЕЛИВЕРСТОВ,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: office@law.msu.ru

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ЛИЦ, ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ ОТБЫВАНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: МНЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРАВООЩИТНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Для цитирования

Селиверстов, В. И. Социальная реабилитация лиц, освобожденных от отбывания лишения свободы: мнение представителей правозащитных и общественных организаций / В. И. Селиверстов // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 2. – С. 185–199. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.185-199.

Аннотация. Статья посвящена анализу результатов социологического опроса представителей правозащитных и общественных организаций, проведенных Научно-образовательным центром «Проблемы уголовно-исполнительного права» имени Ю. М. Ткачевского Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в рамках научного исследования проблем социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений. Анализируются мнения указанных категорий респондентов по вопросам достижения цели исправления осужденных, социальных ценностей, которые могут обеспечить успех социальной реабилитации, ее субъектов, трудностей социальной реабилитации и мер по ее совершенствованию.

Ключевые слова: осужденный, социальная реабилитация, исправление, лишение свободы, исправительные учреждения, общественное мнение, правозащитные организации, общественные организации.

Теоретические и прикладные вопросы социальной реабилитации лиц, освобожденных от отбывания лишения свободы, довольно продолжительное время исследуются в науке уголовно-исполнительного права, в пенитенциарной педагогике и пенитенциарной психологии. За это время была проведена острая полемика о понятии и структуре таких

© Селиверстов В. И., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

явлений, как «социальная адаптация», «социальная реабилитация», «социализация», «ресоциализация», «десоциализация», «интеграция», «деинтеграция», «реинтеграция» «закрепление результатов исправительного воздействия», «трудовое и бытовое устройство» [1, с. 14–24], подготовлено более десятка кандидатских и несколько докторских диссертаций, ряд монографий и учебных пособий. Однако внимание юридической науки к процессам закрепления бывших осужденных к лишению свободы в социуме после их освобождения не ослабевает [7]. В современный период проблемы социальной реабилитации вновь волнуют исследователей как в плане разрешения общих фундаментальных вопросов, так и в плане совершенствования прикладных, практических основ деятельности исправительных учреждений, полиции, органов социальной защиты населения, благотворительных и иных общественных организаций. В качестве примера разрешения фундаментальных вопросов следует привести предпринятую учеными Самарского государственного исследовательского университета имени академика С. П. Королева попытку ответа с помощью научного грантового исследования на трилемму: «Лица, отбывшие лишение свободы и освобожденные от него, кто они: рецидивисты, получатели услуг или сограждане?» [10, с. 65–73].

В качестве примера разрешения прикладных проблем социальной реабилитации бывших осужденных следует привести научно-исследовательский проект создания теоретической базы социальной поддержки и защиты граждан, освобожденных из пенитенциарных учреждений, разработанный в 2019–2020 гг. Научно-образовательным центром «Проблемы уголовно-исполнительного права» имени Ю. М. Ткачевского МГУ имени М. В. Ломоносова (проект разрабатывается на средства пожертвования Фонда поддержки социальных инноваций «Вольное Дело» при организационной поддержке Фонда развития юридического образования). В процессе реализации проекта было изучено мнение 101 представителя правозащитных (72 респондента) и общественных (29 респондентов) организаций по рассматриваемой проблеме. В категорию «представители правозащитных организаций» попали сотрудники аппаратов Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации, а также лица, занимающиеся правозащитной деятельностью на общественных началах. В категорию «представители общественных организаций» попали руководители и сотрудники благотворительных общественных организаций, фондов, председатели и члены общественных наблюдательных комиссий (ОНК), действующие в субъектах Российской Федерации. Вот как они ответили на вопрос о соприкосновении своей профессиональной и общественной деятельности с социальной реабилитацией осужденных (рис. 1).

Как видно из ответов, у каждого четвертого (39,6 %) из числа опрошенных социальная реабилитация бывших осужденных входит в круг их профессиональных или общественных обязанностей. Большинство остальных опрошенных, исходя из содержания следующих ответов и комментариев респондентов, также занимаются вопросами, связанными с уголовно-исполнительной системой Российской Федерации (защита прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных, потерпевших от преступлений, оказание содействия пенитенциарным учреждениям в различных сферах их деятельности).

В процессе исследования выявлена высокая заинтересованность респондентов в решении проблем социальной реабилитации (рис. 2).

Так, большинство из числа опрошенных (95,0 %) волнует проблема социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений (тюрем) России.

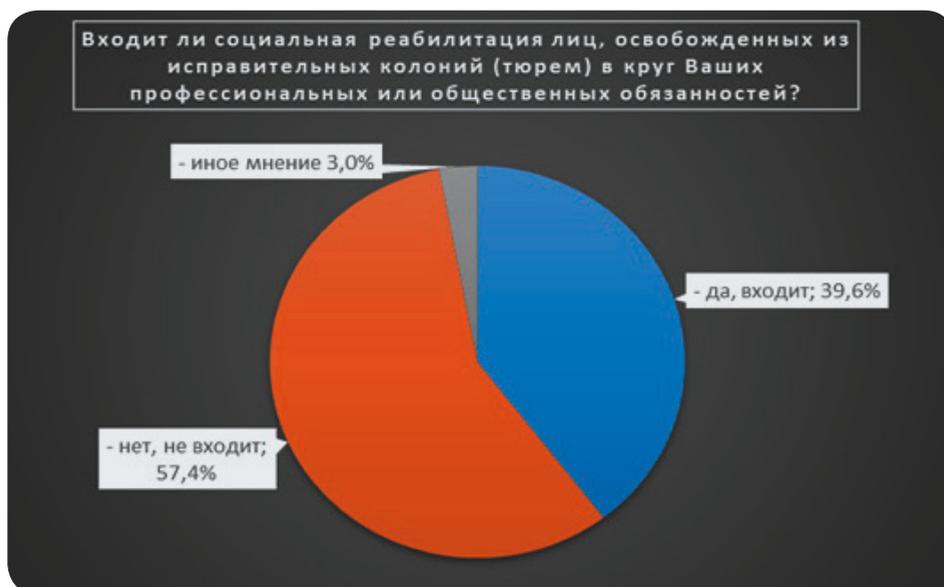

Рис. 1

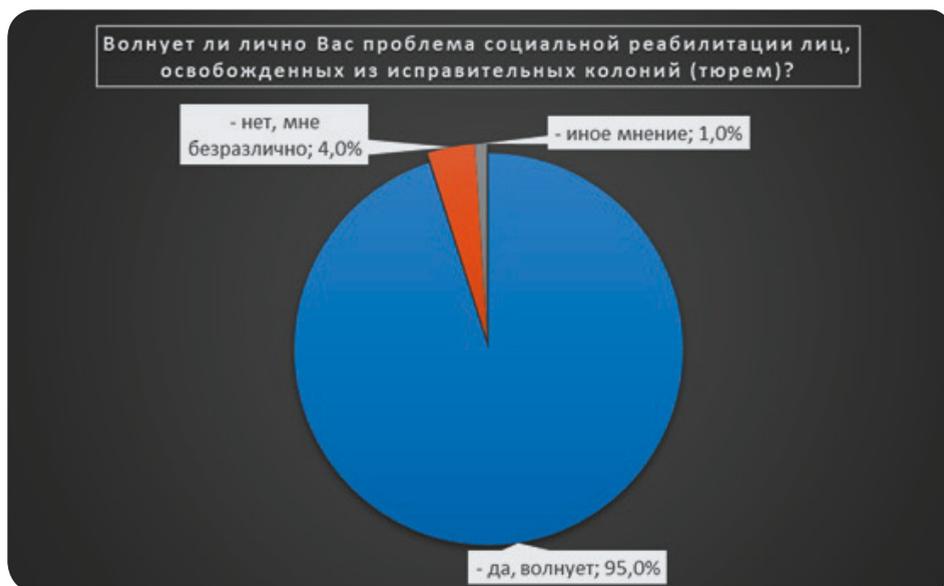

Рис. 2

Безразлично к ним относится лишь 4,0 % опрошенных респондентов и 1,0 % – высказал иное мнение. Такой высокий интерес в обществе к данной проблеме вполне объясним: и на личном опыте, и путем ознакомления с информацией в средствах массовой коммуникации представители правозащитных и общественных организаций убедились в том, что от результативности этой работы зависит их личная безопасность.

Следует также предположить, что определенная степень их волнения вызвана не вполне благополучным положением дел в сфере социальной реабилитации бывших осужденных. В 2020 г. заканчивается действие Концепции развития уголовно-исполни-

тельной системы Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р, в которой предполагалось проведение мероприятий, направленных на подготовку осужденного к освобождению и последующей адаптации в обществе, включая создание и деятельность в России службы пробации.

Разговоров и планов по реализации данных положений Концепции и улучшению положения в этой сфере социальной деятельности было много, а результатов нет, служба пробации не создана. Все это, видимо, вызывает тревогу у граждан, правозащитного и общественного секторов.

Исследователей интересовал вопрос о том, из каких источников респонденты получают информацию о проблемах социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений (рис. 3).

Результаты оказались весьма интересными, особенно в сравнении с ответами на аналогичный вопрос, который был задан в рамках проведения анкетирования граждан по названной проблеме. Так, на указанный вопрос (можно было отметить несколько ответов или предложить свой) более половины представителей общественных и правозащитных организаций, а именно 52,5 % указали на Интернет, 34,6 – на программы телевидения, 25,7 % – на газеты и журналы. В качестве источника информации 12,9 % опрошенных указали также на личный опыт, 75,3 – на обращения осужденных и их близких родственников, 18,8 % – на рассказы знакомых. Обращает на себя внимание то, что довольно большая часть респондентов имеют информацию из непосредственных источников (личный опыт, рассказы знакомых и особенно обращения осужденных и их близких родственников). Информация, полученная из СМИ (пресса и телевидение, отчасти Интернет), не цензурируется, поскольку цензура в России запрещена. Однако эта информация подается в соответствии с редакционной политикой того или иного печатного органа или телевизионного канала. Это создает препятствия (возможно, даже более серьезные, чем ранее существовавшая государственная цензура) для публикации позитивных материалов об исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в России в общем и социальной реабилитации бывших осужденных в частности. Это подтверждается опытом участия в подведении итогов проводимых Общественной палатой РФ, ООО «Совет общественных наблюдательных комиссий» и Фондом поддержки социальных инноваций «Вольное Дело» ежегодных общероссийских конкурсов среди журналистов под общим названием «Слово ранит, слово лечит». Прошедшие в 2016–2019 гг. четыре конкурса были посвящены освещению передовых практик социальной адаптации бывших осужденных [8, с. 99–105]. Они вызвали большой интерес печатных, телевизионных и радиовещательных СМИ, а также интернет-сообщества к проблемам оказания помощи лицам, освобожденным от отбывания наказания в виде лишения свободы, стимулирования мотивации этих лиц к правомерному поведению. Однако на протяжении этих лет неоднократно журналисты указывали, с каким трудом им удавалось преодолеть стереотипы редакционной политики, диктующие исходя из чисто коммерческих интересов публикацию в первую очередь негативных, а не позитивных фактов закрепления бывших осужденных в обществе. В силу этого получение большинством опрошенных в рамках настоящего анкетирования нескорректированной и недозированной информации о социальной реабилитации бывших осужденных придает особую ценность данному исследованию.

В отличие от правозащитников и представителей общественных организаций меньшая доля опрошенных граждан указала на то, что в числе источников была информация

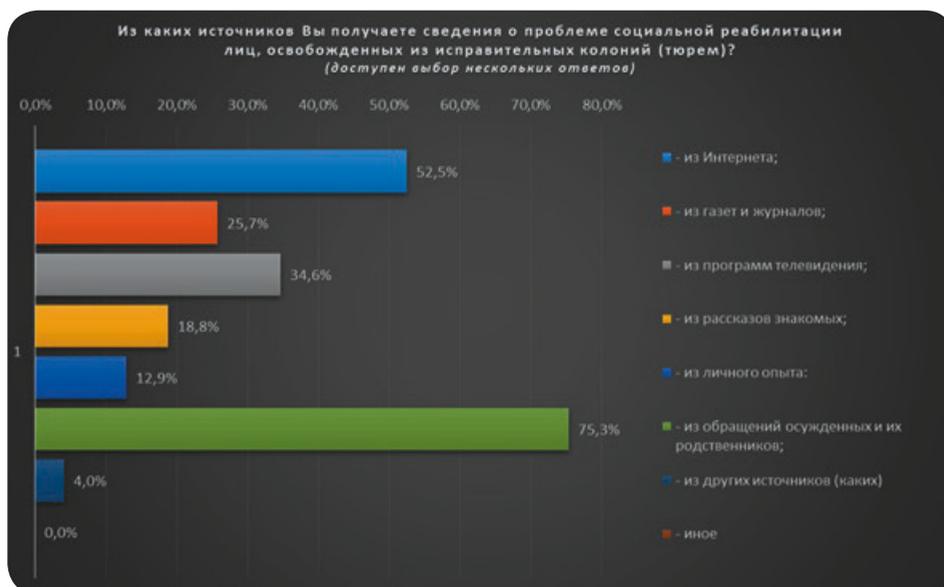

Рис. 3

Рис. 4

о социальной реабилитации граждан из непосредственных источников (из рассказов знакомых – 26,9 %, из личного опыта – 4,6 %). В то же время 67,5 % указали на Интернет, 31,9 – на газеты и журналы, 49,8 % – на программы телевидения. Все это подчеркивает роль, которую играют СМИ в формировании общественного мнения. Одновременно это свидетельствует об ответственности СМИ за объективное освещение процессов социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений.

Респондентам был задан вопрос: «Верите ли Вы в то, что осужденного в исправительных колониях (тюрем) России можно исправить?». Необходимость выяснения

мнения респондентов была обусловлена желанием узнать среди правозащитников и представителей общественных организаций долю так называемых радикалов, которые отрицают саму возможность того, что после отбытия лишения свободы человек может отказаться от преступной деятельности вследствие пересмотра своих нравственных установок. Ответы представлены на рисунке 4.

Примечательно то, что 70,3 % опрошенных относятся к безграничным и умеренным оптимистам, поскольку указали, что в той или иной степени верят в то, что осужденных в исправительных колониях и тюрьмах России можно исправить: 21,8 % – об этом заявили с уверенностью, а 48,5 % – допустили такую возможность, указав, что исправление зависит от конкретного осужденного и вида совершенного преступления. К первой категории оптимистов относится и автор настоящей статьи [4, с. 11–14, 42–46; 9, с. 30–37]. В то же время каждый пятый (21,8 %) заявил о своих сомнениях в достижении такого результата в исправительных учреждениях, доля респондентов-радикалов, не верящих в достижение этой цели, составила 7,9 %.

Причинами такого положения являются, во-первых, то неблагоприятное положение, которое имеет место в уголовно-исполнительной деятельности нашего государства. Провал тюремной реформы 2010–2016 гг., периодически вскрываемые факты коррупции, применения физической силы и иных нарушений прав осужденных накладывают отпечаток на оценку правозащитным и общественным сектором способности уголовно-исполнительной системы исправить любого осужденного в местах лишения свободы. Во-вторых, нельзя отрицать влияния на правозащитное и общественное мнение феномена «дурных вестей». Он проявляется в результате действия своеобразного информационного фильтра, через который в средства массовой информации, включая Интернет, как правило, попадает информация о повторных преступлениях осужденных, о чрезвычайных происшествиях в уголовно-исполнительной системе и т. п. И это не проявление злого умысла, а действие законов рыночной экономики, поскольку СМИ, находясь в условиях жесткой конкуренции, необходимо выгодно продать свой информационный материал, а наибольшим спросом, к сожалению, в наше время пользуются как раз «дурные вести».

Интересные данные были получены при выяснении вопроса о том, какие социальные ценности могут удержать лицо, освобожденное из исправительной колонии (тюрьмы), от совершения повторного преступления (можно было отметить несколько ответов). Результаты отражены на рисунке 5.

Оказалось, что, несмотря на идущие в России процессы глобализации, основными ценностями для осужденных в понимании респондентов должны оставаться семья и работа. Именно семья (на нее указали 71,3 %) и работа (68,3 %), по мнению опрошенных, должны обеспечить успех социальной реабилитации бывших осужденных. Приоритетную роль семьи в социальной адаптации лиц, освобожденных из исправительных учреждений, отмечают и другие исследователи [5, с. 159]. На третьем месте (55,4 %), но с достаточным отрывом от остальных, идет наличие жилья; на четвертом (35,6 %) – наличие материальных средств (имущества, денег), что представляется важным в условиях рыночной экономики, но не определяющим, по мнению опрошенных. На пятое место респонденты поставили образование (21,7 %), видимо, имея в виду как общее, так и профессиональное. Действительно наличие специальности при освобождении из исправительных учреждений – важная гарантия трудоустройства после освобождения, а, как указано выше, именно наличие работы, по мнению опрошенных, является перво-степенной ценностью для освобожденных из мест лишения свободы лиц.

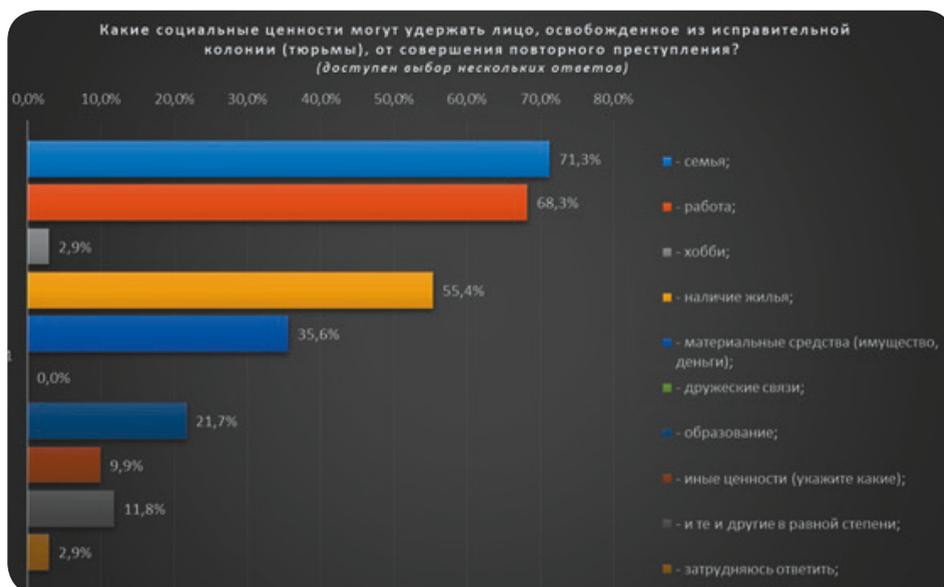

Рис. 5

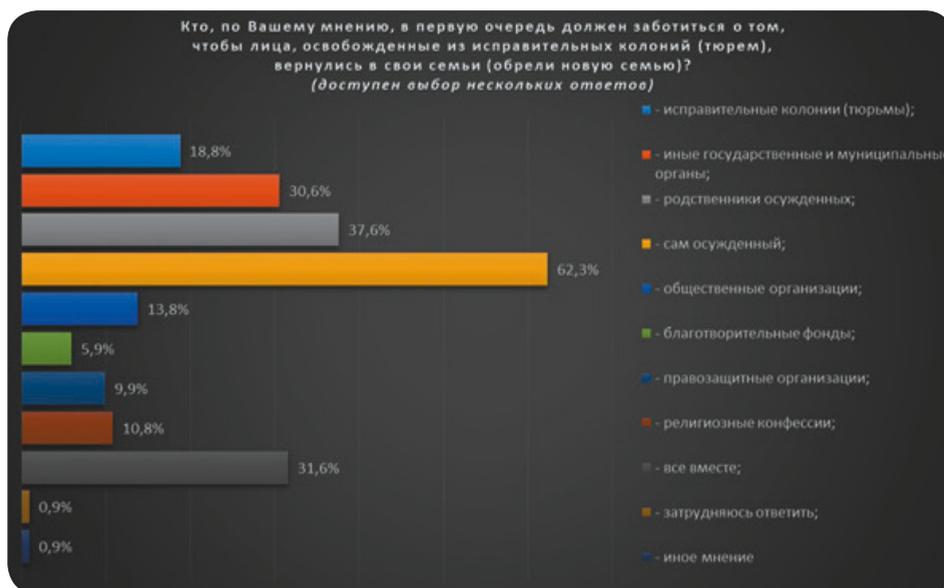

Рис. 6

Шестое место в предпочтениях респондентов отдано наличию у освобождаемого лица дружеских связей (18,8 %). Под ними следует понимать обширный круг связей лица, имеющихся или возникших у бывшего осужденного по профессиональному, земляческому, национальному (национальные диаспоры) и другим демографическим признакам. Не следует исключать из этих связей и те из них, которые возникли во время отбывания наказания. Не все они, вопреки расхожему мнению обывателей, направлены на организацию дальнейшей преступной деятельности. Можно привести множество примеров (и в среде правозащитников и членов общественных организаций они известны), когда

бывшие осужденные помогают своим «сокамерникам» обустроиться на свободе, что снижает риск повторного совершения преступлений.

Последующие места заняли те позиции, которые не получили высокого рейтинга среди опрошенных лиц. Это наличие хобби (2,9 %), а также предложенные респондентами вера в законы и справедливость (0,9 %), мораль (0,9 %), религия (0,9 %).

Интересовал исследователей вопрос о том, кто в первую очередь должен заботиться о сохранении или обретении указанных выше ценностей (рис. 6).

Так, на вопрос, кто, по мнению респондентов, в первую очередь должен заботиться о том, чтобы лица, освобожденные из исправительных колоний (тюрем), вернулись в свои семьи или обрели новую семью (можно было отметить несколько ответов), около трети опрошенных (31,6 %) заявили о равной ответственности за это всех субъектов социальной реабилитации бывших осужденных. В качестве примера равной ответственности опрошенные привели зарубежный опыт Королевства Норвегии, где роль по подготовке к освобождению и сопровождению после отбывания лишения свободы выполняет общественная организация, к которой существует особое доверие, – это Норвежский Красный Крест. Она действует совместно со всеми заинтересованными государственными организациями. Данная работа финансируется за счет государства.

Вместе с тем респонденты дифференцировали ответственность за возвращение бывшего осужденного в свои семьи или обретение новой семьи, указав на первом месте самого осужденного (62,3 %), на втором – родственников осужденного (37,6 %), на третьем – государственные и муниципальные органы (30,6 %), а на четвертом – администрацию исправительных учреждений (18,8 %).

Четвертое место исправительных учреждений в числе субъектов оказания содействия осужденному в сохранении или обретении новой семьи несколько удивляет, учитывая имеющуюся практику деятельности подразделений уголовно-исполнительной системы в расширении контактов с семьями и налаживании семейных отношений. Те же дни открытых дверей для близких родственников в воспитательных колониях, создание своеобразных клубов знакомств (г. Красноярск), деятельность воспитательных и психологических служб по разъяснению позитивного значения семейных отношений являются свидетельствами активности исправительных учреждений в этом вопросе. Однако следует признать, что деятельность сотрудников исправительных учреждений по сохранению семейных отношений, их налаживанию в кризисных для семьи моментах, особенно в первоначальный период отбывания наказания, могла бы быть более значимой. Видимо, это недостаточное участие и отразили результаты этого исследования.

Определенные надежды на возвращение бывших осужденных в свои семьи возлагаются респондентами на общественный сектор: общественные организации (13,8 %), религиозные конфессии (10,8 %), правозащитные организации (9,9 %), благотворительные фонды (5,9 %).

Ответили респонденты и на вопрос о том, кто в первую очередь должен заботиться, чтобы лица, освобожденные из исправительных колоний (тюрем), были трудоустроены (можно было отметить несколько ответов). Результаты отражены на рисунке 7.

На первом месте оказались государственные (кроме исправительных учреждений) и муниципальные органы (54,4 %), на втором – сам осужденный (49,5 %). С незначительным отрывом на третьем, четвертом и пятом местах следуют родственники осужденных (17,8 %), общественные организации (14,8 %), работодатели (13,8 %). Администрация исправительных учреждений (9,9 %) и правозащитные организации (9,9 %) разделили шестое и седьмое места.

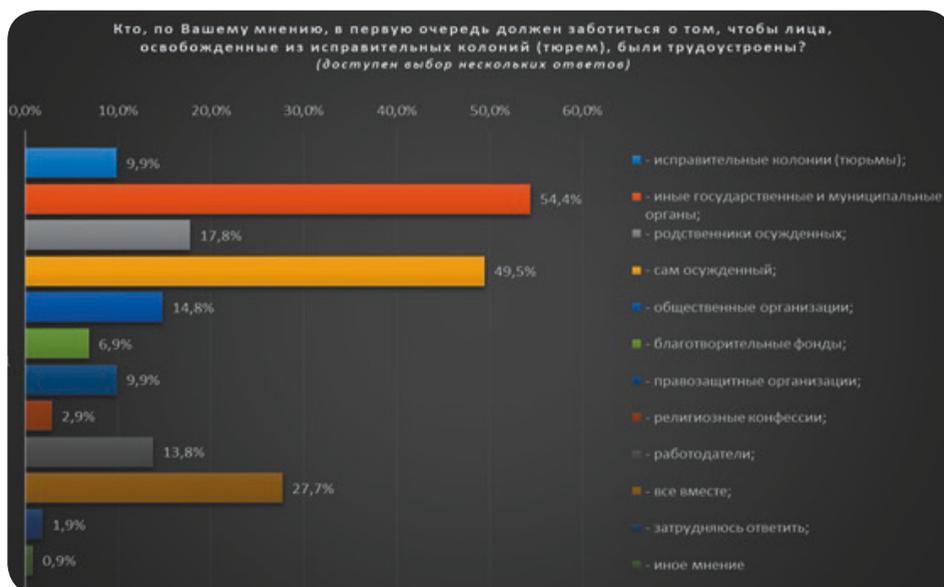

Рис. 7

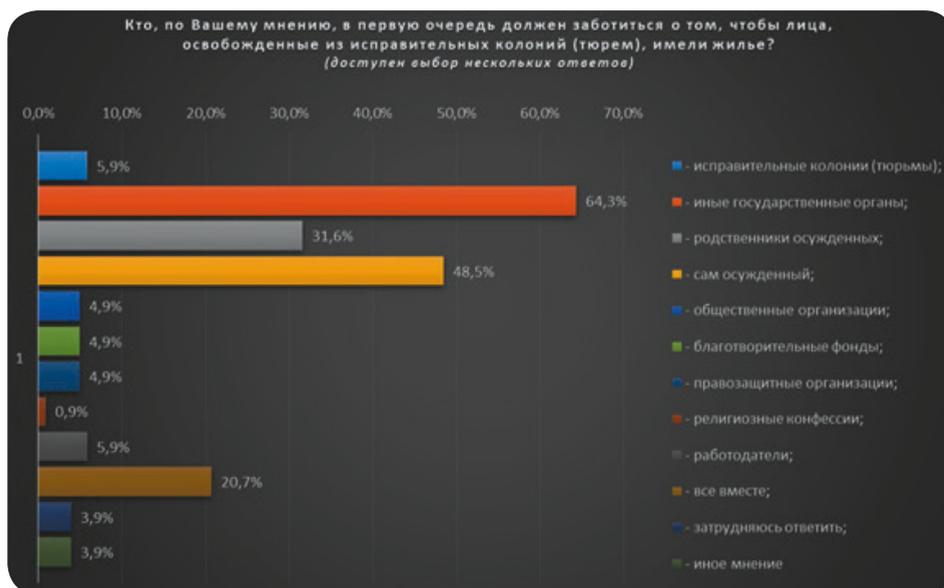

Рис. 8

Проанкетированные лица отметили также благотворительные фонды (6,9 %) и религиозные конфессии (2,9 %). В то же время более одной четвертой респондентов (27,7 %) указали, что трудоустройство освобожденных от наказания лиц является общим делом и все указанные органы и организации должны принимать в нем участие.

Анализ ответов позволяет прийти к выводу о том, что основную заботу о трудоустройстве представители правозащитных и общественных организаций возлагают на государственный и муниципальный секторы. Неожиданно низкий рейтинг получили работодатели, что связано с имеющим место традиционным недоверием к соци-

альной роли бизнеса, его участием в решении злободневных проблем государства и общества.

Оценивая мнения респондентов о том, кто в первую очередь должен заботиться о том, чтобы лица, освобожденные из исправительных колоний (тюрем), имели жилье (можно было отметить несколько ответов), следует обратить внимание на рисунок 8.

Как и при ответе на аналогичный вопрос по трудоустройству бывших осужденных, на первом месте оказались государственные и муниципальные органы (64,3 %), на втором – сам осужденный (48,5 %). Вполне ожидаемо на третьем месте оказались родственники осужденных (31,6 %), поскольку осужденный, как правило, попадает в места лишения свободы из места постоянного жительства (дома, квартиры и пр.). Забота родственников и членов семьи состоит в том, что не усугублять положение осужденного, не отбирать квартиру и не создавать иных препятствий для возврата его по прежнему месту жительства.

Работодатели и администрация исправительных учреждений получили равный рейтинг (по 5,9 %), что, на наш взгляд, не отражает имеющихся в политической элите надежд на придание социальной направленности как бизнесу, так и деятельности уголовно-исполнительной системы в России.

Остальные субъекты, указанные в анкете, получили достаточно низкий рейтинг в 4,9 %. Речь идет о общественных организациях, благотворительных фондах и правозащитных организациях. Позиции о том, что заботиться о жилье для освобождаемых из исправительных учреждений лиц должны все указанные в анкете субъекты вместе, придерживается каждый пятый (20, 7 %) респондент.

Опрашиваемым лицам было предложено указать на трудности в решении проблемы социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений, которые существуют в настоящее время (можно было отметить несколько ответов). Обобщение ответов на данный вопрос дано на рисунке 9.

Бюрократизм и равнодушие к лицам, освобожденным из исправительных учреждений, отметили более половины опрошенных (51,4 %). Это существенный недостаток, который даже при наличии надлежащей правовой базы, экономических и организационных ресурсов может свести на нет предпринимаемые государством меры по улучшению положения в этой сфере. Истоки бюрократизма и равнодушия кроются в недостатке правовой и иной культуры наших чиновников в целом, проявляющемся в бюрократизме и равнодушии применительно ко всем гражданам, а тем более к освобожденным от отбывания лишения свободы. Они проистекают из исторической памяти, которая передается от поколения к поколению, о том, что осужденный – это «враг народа», о том, что «горбатого только могила исправит» и «сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит». Такая идеология имеет место не только в бытовом сознании, но и в ряде научных работ [2, с. 14–19].

На втором месте, по мнению респондентов, находится то, что в общественном сознании нет понимания важности этой работы (45,5 %), того, что от успеха усилий по социальной реабилитации бывших осужденных зависит не только их судьба, но и судьба других людей, которые могут быть бывшими осужденными втянуты в преступные действия или стать жертвами новых преступлений с их стороны. Устранение указанного недостатка представляется невозможным без широкого общественного обсуждения проблем социальной реабилитации, причем с участием средств массовой информации. В связи с этим проведение Общественной палатой Российской Федерации, Фондом поддержки социальных инноваций «Вольное Дело» и Советом общественных наблюда-

Рис. 9

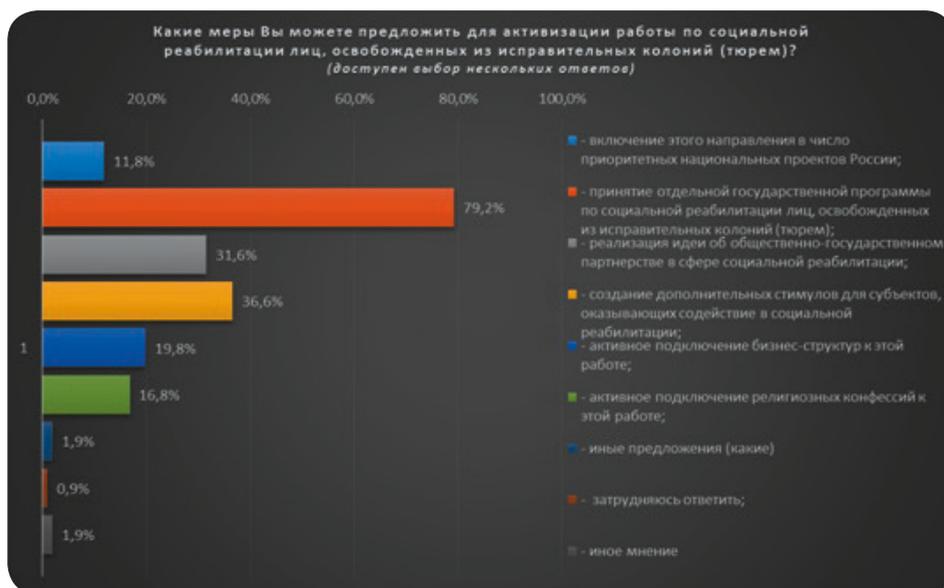

Рис. 10

тельных комиссий ежегодных конкурсов среди журналистов «Слово ранит, слово лечит» является важным, но чуть ли не единственным мероприятием в сфере корректировки общественного сознания, а их должно быть значительно больше.

Отсутствие политической воли в решении этой проблемы отметили 44,5 % опрошенных. Действительно, в централизованном с президентской формой правления государстве, каким является Россия, большинство инициатив исходит от главы государства. Это в полной мере соответствует положению Конституции Российской Федерации о том, что Президент Российской Федерации определяет внешнюю и внутреннюю политику госу-

дарства (ст. 80), поэтому в понимании опрошенных лиц под отсутствием политической воли уже традиционно понимают отсутствие соответствующих инициатив (с постоянным контролем за их исполнением) со стороны первого лица государства – Президента Российской Федерации. Конечно, следует четко представлять, что политическая воля Президента Российской Федерации формируется под воздействием политических инициатив других субъектов: политических партий, органов государственной власти и местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих организаций, уполномоченных по правам человека, по правам ребенка и по защите прав предпринимателей, профсоюзов, церкви, общественных организаций, граждан и т. д. [3, с. 22–30].

Отсутствие экономических стимулов для участия в социальной реабилитации тормозит решение проблем в названной сфере. На это указали 39,6 % опрошенных. Вопрос об экономических стимулах участия в социальной реабилитации неоднократно поднимался на различных форумах, совещаниях, семинарах и круглых столах. Он актуален по сегодняшний день применительно к экономическим стимулам для организаций, трудоустраивающих бывших осужденных, для общественных организаций, занимающихся оказанием помощи этим лицам, для физических лиц, задействованных в этой сфере. Однако его решение зависит от общего экономического положения государства и от расстановки приоритетов в социальной политике, о чем далее пойдет речь.

Больше трети респондентов (32,6 %) указали на то, что сами бывшие осужденные не проявляют стремления к правопослушному образу жизни. Действительно, часть осужденных имеет твердую установку на продолжение своей криминальной деятельности либо просто ведет антиобщественный образ жизни. Однако задача состоит в том, чтобы помочь хотя бы тем, кто решил не возвращаться в места лишения свободы.

Завершающим пунктом анкетирования была просьба к респондентам предложить меры для активизации работы по социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений (можно было отметить несколько мер). Их оценка респондентами приведена на рисунке 10.

Респондентам было предложено выбрать между двумя конкурирующими политико-правовыми мерами: включением социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений, в число приоритетных национальных проектов России и принятием отдельной государственной программы по данному направлению. Большинство опрошенных несомненный приоритет отдали принятию отдельной государственной программы (79,2 %). Первое направление получило лишь 11,8 %, хотя у опрашиваемых при заполнении анкеты, несомненно, был соблазн усилить значимость той сферы, которая у правозащитников и членов общественных организаций вызывает особую озабоченность. Кроме того, следует учитывать проявляющийся у этих категорий определенный радикализм в суждениях о практике нарушений прав человека и усилиях государства в этой сфере. Опираясь на этот радикализм и критический настрой, опрашиваемые лица могли бы просто «приподнять планку», предложив первый вариант ответа, а именно включение социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений, в число приоритетных национальных проектов России. Однако этого не произошло, и это является довольно интересным результатом исследования. Видимо, сказалось не то, что указанная проблема не дотягивает до уровня национального проекта, а то, что пока еще не пришло время для ее включения в число национальных проектов, а для отдельной государственной программы решение указанной проблемы, по мнению большинства респондентов, вполне подходит.

Респонденты предложили ряд частных мер в решении проблемы социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений. В их числе: создание дополнительных стимулов для субъектов, оказывающих помощь в социальной реабилитации лиц, освобожденных от отбывания лишения свободы (36,6 %). В данном случае речь идет не только о материальных, но и о моральных стимулах. Например, известны случаи награждения, в том числе государственными наградами, активных граждан, оказывающих помощь социально незащищенным категориям: беженцам, инвалидам, сиротам, мигрантам и т. п. Однако нет ни единого случая такого высокого поощрения за работу с бывшими осужденными, за возвращение их в число правопослушных граждан.

Реализацию давно высказанной и нашедшей отражение в некоторых политико-правовых документах государства идеи об общественно-государственном партнерстве в социальной реабилитации бывших осужденных отмечает лишь треть (31,6 %) опрошенных. Такой низкий рейтинг можно объяснить лишь тем, что данная идея, несмотря на ее проработку и закрепление в концептуальных документах, по-прежнему не нашла своей реализации на практике, что свидетельствует, по мнению респондентов, о ее нежизнеспособности.

Каждый пятый (19,8 %) предложил активнее подключать к работе с бывшими осужденными бизнес-структуры. При этом речь должна идти не только о трудоустройстве осужденных на предприятиях, но и об обучении новым профессиям непосредственно в исправительных учреждениях, об участии бизнеса в различных проектах по снижению негативного восприятия гражданами бывших осужденных, поощрению новых креативных форм и методов социальной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы. В этом направлении в России предпринимаются явно недостаточные усилия, хотя имеются отдельные и довольно интересные примеры участия бизнеса в обучении осужденных профессии с последующим трудоустройством на частных промышленных предприятиях и в сфере обслуживания [6, с. 50–52].

Подключение к работе с бывшими осужденными религиозных конфессий отметили 16,8 % респондентов. Это вполне ожидаемый результат, учитывая то, что религиозные конфессии, традиционные для населения России и представляющие православие, ислам, иудаизм и буддизм, активно взаимодействуют в нравственном воспитании осужденных с сотрудниками исправительных учреждений. Участвуют они и в оказании помощи лицам, освобождаемым из исправительных учреждений. Например, Русская православная церковь предоставляет им место для временного проживания в монастырях, духовные представители ислама оказывают помощь освобожденным из исправительных учреждений мусульманам, в том числе с привлечением национальных диаспор. Однако до конца их роль и место в этой работе законодательством не определены.

Респондентами были предложены и иные меры по активизации работы по социальной реабилитации лиц, освобожденных от отбывания наказания. В их числе: законодательное закрепление создания государственной службы пробации и социальной реабилитации (0,9 %), обязательное трудоустройство и обеспечение жильем (0,9 %).

Таким образом, по результатам исследования мнения представителей общественных и правозащитных организаций можно прийти к следующим выводам.

1. Проблема социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений, по-прежнему находится в орбите общественных и правозащитных интересов. Указанная проблема ненадуманна, она не эфемерная, а реальная. Об этом свидетельствует то, что довольно большая часть респондентов имеет информацию из

непосредственных источников (личный опыт общения с бывшими осужденными, рассказы знакомых, обращения осужденных и их близких родственников).

2. В оценке общественного и правозащитного сектора остаются неизменными те материальные и духовные ценности, помощь в приобретении и обладании которыми является основой для социальной реабилитации лиц, освобожденных от отбывания наказания. В центре этих ценностей находится триада: семья, работа, жилье. Именно на сохранение (приобретение) указанных ценностей необходимо обратить особое внимание в правотворческой и правоприменительной деятельности государства, в общественной и правозащитной работе.

3. По оценке респондентов, в приобретении или сохранении указанных ценностей в зависимости от их вида на первый план выходят разные субъекты. Однако следует отметить, что среди представителей общественных и правозащитных организаций приходит осознание того, что не только государство и общество ответственны за социальную реабилитацию бывших осужденных (ранее эта точка зрения была преобладающей), но и сам бывший осужденный должен вносить свой вклад в реализацию намерения отказа от продолжения преступной деятельности.

4. Следует обратить внимание на реалистичный взгляд представителей общественных и правозащитных организаций на те общие меры, которые необходимо предпринять для решения проблемы социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных учреждений. Отказ от поддержки предложения о включении этой проблемы в число национальных проектов в России свидетельствует не о принижении значимости проблемы социальной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, а о сложностях ее решения в современных социально-экономических условиях функционирования нашего государства.

5. Среди частных мер по активизации работы в сфере социальной реабилитации следует особое внимание уделить созданию материальных и моральных стимулов для субъектов социальной реабилитации, привлечению бизнес-структур, религиозных конфессий и национальных диаспор к оказанию помощи бывшим осужденным.

Библиографический список

1. Белова Е. Ю. Социальная адаптация несовершеннолетних осужденных в льготных условиях отбывания наказания: проблемы теории и практики : монография / под ред. В. И. Селиверстова. М. : Юрайт, 2020. 156 с.

2. Белоносов В. О. О цели уголовно-исполнительного права // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4(26). С. 14–19.

3. Грушин Ф. В. Влияние системы факторов на развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации : монография / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М. : ИНФРА-М, 2017. 208 с.

4. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2017. 328 с.

5. Попова Е. Э. Общественное воздействие как основное средство исправления осужденных : монография. М. : Юрлитинформ, 2015. 200 с.

6. Посмаков П. Н. Опыт реализации благотворительным фондом Олега Дерипаски «Вольное Дело» программы «Возвращение» по ресоциализации осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы, для включения в дорожную карту проекта руководства УНП ООН по вопросам внедрения, улучшения и управления реабилитаци-

онными программами в тюрьмах // Взаимодействие государственных, общественных и некоммерческих организаций в вопросах ресоциализации и адаптации заключенных : сб. материалов конф. М. : Общественная палата Российской Федерации, 2018. 118 с.

7. Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных : монография / под ред. Т. В. Кленовой. М. : Юрлитинформ, 2019. 432 с.

8. «Слово ранит, слово лечит»: об успешных моделях постпенитенциарной ресоциализации граждан как важного фактора профилактики повторных нарушений : сб. материалов 4-го Всерос. конкурса среди журналистов. М. : Общественная палата Российской Федерации, 2019. 105 с.

9. Селиверстов В. И. Коррекция целеполагания уголовного наказания в виде лишения свободы: миф или реальность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2. С. 30–37.

10. Селиверстов В. И. Исправительная доктрина и ее влияние на положение лиц, освобожденных от отбывания наказания // Юридический вестник Самарского государственного университета. 2018. № 2. С. 65–73.

УДК 343.222.3

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.200-206

ВЯЧЕСЛАВ ЕФИМОВИЧ ЮЖАНИН,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного права и процесса,
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина;
профессор кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: yuzanin@mail.ru

О ПОЗИТИВНОЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Для цитирования

Южанин, В. Е. О позитивной уголовной ответственности / В. Е. Южанин // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 2. – С. 200–206. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.200-206.

Аннотация. В статье обосновывается существование позитивной уголовной ответственности, которую многие ученые не воспринимают. Она понимается как обязанность правосубъектного гражданина не нарушать запреты, установленные в уголовном законе. Позитивная ответственность неравнозначна уголовно-правовому запрету (статичная стадия), она проявляется в правоотношениях (динамичная стадия). Утверждается, что позитивная ответственность хотя и определяет поведение человека с внутренней стороны, но не может должным образом реализовываться без внешнего воздействия: определения государством уголовно-правовых запретов и способствования усвоению и соблюдению гражданами этих запретов. Это происходит посредством реализации общепреventивной и воспитательной функций, информирования граждан об уголовном законе, правоохранительной и судебной практике, исполнении наказаний, поощрительных нормах уголовного законодательства и пр. Уголовно-правовые запреты оказывают регулирующее воздействие на всех людей, а не только на так называемых неустойчивых граждан. Перед государством стоит задача максимально реализовать действие запрещающих норм уголовного права, создать правовые и организационные условия для этого. Обосновывается существование позитивной уголовной ответственности посредством использования учения об охранительных нормах права, согласно которому эта норма воспринимается как единая норма, но действующая в двух режимах: а) правосубъектном, оказывающим общепредупредительное воздействие на граждан (состояние позитивной ответственности); б) охранительном, связанном с правоприменительной деятельностью правоохранительных органов (ретроспективная ответственность).

© Южанин В. Е., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: позитивная уголовная ответственность, ретроспективная уголовная ответственность, уголовно-правовые запреты, соблюдение запретов, общее предупреждение преступлений, информирование государства о запретах, страх перед наказанием, охранительные правоотношения.

В литературе по уголовному праву уголовная ответственность рассматривается в виде позитивной или ретроспективной (негативной) ответственности. Ни та, ни другая не получили определения в законодательстве, более того, многие ученые ставят под сомнение само существование так называемой позитивной ответственности. Так, по мнению И. Я. Козаченко, «попытка втиснуть практически необъятные формы проявления социальной ответственности через модную идею позитивной ответственности в узкие рамки уголовного права, как в прокрустово ложе, в своей исходной предпосылке малоперспективна, так как уголовно-правовая действительность негативна изначально. Известно, что в отношении правопослушных граждан уголовный закон не применяется, а ответственность (даже если она позитивная) без применения уголовного закона нонсенс» [10, с. 93].

Однако многие ученые все-таки признают позитивную уголовную ответственность. Они считают, что основанием ее существования является наличие в уголовном законе запретов, соблюдение которых обеспечивается угрозой наказанием. Юридическую сущность позитивной уголовной ответственности составляет обязанность соблюдать уголовно-правовые запреты. В силу этого она является ответственностью без нарушения, ее субъектами выступают правопослушные граждане, она как бы сопровождает граждан изнутри, а не с внешней стороны при применении мер принуждения.

Свою точку зрения об актуальности познания уголовной ответственности высказал Ю. В. Голик: «Наш законодатель едва ли не единственный в мире, кто в Уголовном кодексе наряду с термином «наказание» оперирует термином «ответственность». Возможно, это шаг вперед, который мы сделали, не осознав его еще в полной мере» [3, с. 26].

Особо острая дискуссия о позитивной уголовной ответственности развернулась в 60–70 годы прошлого столетия. В настоящее время она поутихла. Если заглянуть в научные издания последних лет, то в них, как правило, утверждается, что по данной проблеме имеется дискуссия, и, не углубляясь в нее, авторы сразу занимают ту или иную позицию. Ранее дискуссия в основном сводилась к признанию или непризнанию позитивной уголовной ответственности. По ее определению споров не возникало, с небольшими расхождениями она понималась как обязанность уголовно ответственного субъекта не нарушать запретов, установленных уголовным законом.

Следует отметить, что, по мнению большинства авторов, подобная обязанность возникает с момента принятия норм права о запретах [7, с. 146–147]. Все это верно, если не принимать во внимание еще один аспект позитивной уголовной ответственности – ее реализацию. Иначе говоря, надо всегда иметь в виду, что позитивная уголовная ответственность появляется с момента издания уголовного закона и реализуется при соблюдении правосубъектными гражданами норм этого закона. То же самое происходит с ретроспективной уголовной ответственностью: она возникает с момента совершения преступления (образуется общее уголовно-правовое отношение) и реализуется (с момента вступления приговора суда в законную силу) в рамках уголовно-исполнительных правоотношений. «Определение круга наказуемых деяний – это объективная предпосылка позитивной уголовной ответственности. Ответственность неравнозначна уголовно-правовому запрету, то есть установленной в уголовном законе обязанности, но

и не может без нее существовать как без своего объективного основания». В данном случае авторами этой цитаты подчеркивается, что позитивная уголовная ответственность имеет свое существование и содержание, которое, на наш взгляд, выражается в соблюдении субъектами уголовно-правовых запретов.

Однако данная трактовка содержания позитивной ответственности носит односторонний характер, которая имеет отношение к одному субъекту – правопослушным гражданам, обязанным воздерживаться от нарушений норм уголовного закона. Как известно, любая ответственность не может быть содержательной и реализована без другого уполномоченного субъекта – государства в лице соответствующих органов. Так, если иметь в виду ретроспективную уголовную ответственность, то она реализуется путем наделения правами и обязанностями лица, совершившего преступление (обязанность понести ответ за содеянное и право требовать, чтобы совершенное им деяние было правильно квалифицировано и назначено наказание в соответствии с законом), а также государства, имеющего не только право применить наказание, но и обязанность сделать это в рамках закона.

Для реализации позитивной уголовной ответственности также нужна воля государства, проявление которой способствовало бы реализации гражданами обязанности воздержаться от нарушения уголовно-правовых запретов. Позитивная ответственность хотя и сопровождает личность постоянно в течение ее жизни, определяет ее поведение с внутренней стороны, но она не может полноценно реализоваться без внешнего воздействия, без обязанности государства поддерживать и обеспечивать ее.

Это внешнее воздействие связано, с одной стороны, со статичными факторами, то есть с наличием в уголовном законе запрещенных норм права, и, с другой стороны, динамичными процессами, которые способствуют усвоению и соблюдению этих норм. К последним можно отнести: информирование граждан об уголовном законе, правоохранительную и судебную практику, исполнение наказаний, стимулирование правомерного поведения в виде добровольного отказа от преступления деятельного раскаяния, возмещения вреда и пр. Речь идет об общепревентивной и воспитательной функциях уголовной ответственности, которые реализуют свой удерживающий от совершения преступления потенциал. С. В. Максимов отмечает, что «если рассматривать общее предупреждение как свойство (функцию) уголовной ответственности, то под ним допустимо понимать способность уголовного наказания и иных мер уголовной ответственности удерживать неопределенный круг дееспособных в уголовно-правовом смысле людей от совершения преступлений посредством угрозы наказанием, усиления морального запрета или поощрения правомерного поведения» [9, с. 424].

Круг факторов, удерживающих от преступлений, должен исходить от государства и способствовать тому, чтобы граждане соблюдали уголовно-правовые запреты. Такое возможно как в предупредительном, так и в воспитательном плане – не важно, главное, чтобы граждане не совершали криминальных деяний. В этом видится перспективный путь преодоления наметившегося нигилизма граждан по отношению к справедливости уголовного законодательства и практике его применения.

Что касается общей превенции, то она за последние годы изменилась: если в 1990-е годы она во многом исходила от организованной преступности, то в настоящее время – от государства, причем по выборочному варианту, так как информируют население в основном о социально значимых преступлениях: коррупции в высших эшелонах власти, подготовке террористических актов, массовых убийствах и т. п. Все это способствует трансформации общей превенции в квазипревенцию, так как абсолютное большинство

населения далеко от этих опасных преступлений, их следует ограждать от совершения наиболее распространенных криминальных деяний.

Необходимо знание различных слоев населения на назначаемое наказание, использовать все доступные каналы его информирования о разоблачении преступников, их справедливом наказании, тягот его отбывания. Особенно, на наш взгляд, важно показывать лишения, которые испытывают осужденные при отбывании различных наказаний, распространять интервью с осужденными, рассказывающими о невыгодности пребывания в местах лишения свободы, и т. п. Особенно важно, когда это касается ответственности за наиболее распространенные преступления: кражи, грабежи, разбои, хулиганство, причинение вреда здоровью, изнасилование и пр.

Есть такое мнение, что уголовно-правовые запреты оказывают регулирующее воздействие не на всех людей. По характеру воздействия запретов людей обычно делят на три группы: 1) лица, поведение которых не вызывает необходимости установления уголовно-правовых запретов; 2) лица, для которых существование угрозы наказания недостаточно, они совершают преступления; 3) лица, не совершающие преступления, потому что опасаются уголовного наказания. Юристы и социологи даже пробовали определить процент лиц, которых удерживает от совершения преступлений угроза наказанием. Одни его определили в 17,2 % [4, с. 185], другие – в 22 % [9, с. 342], но тем не менее это значительная группа лиц, относящаяся к правопослушным гражданам. Если сюда еще добавить лиц, которые совершили преступление, отбывают наказание, но удерживаются от рецидивного преступления из-за страха перед новым наказанием, то получится довольно внушительное число людей, удерживаемых от преступлений угрозой получения судимости.

По данному раскладу выходит, что первая группа лиц не испытывает страха перед наказанием, соблюдает уголовно-правовые запреты по нравственным соображениям, на них данные запреты не оказывают регулирующего воздействия. Однако это не совсем так. В научной литературе имеется иное мнение по этому вопросу: наказание может воздействовать на всех граждан [11, с. 96] или на лиц, способных совершать преступление [8, с. 384], или объективно – на всех граждан, подлежащих уголовной ответственности, а субъективно – на лиц с антиобщественной направленностью [6, с. 88].

Мы считаем, что страх перед наказанием играет важнейшую роль в соблюдении запретов, его испытывает каждый житель нашей страны. Как бы ни был нравственно воспитан человек, он непременно чувствует и воспринимает, что можно, а что нельзя. Например, каждый водитель автомобиля знает, что нельзя нарушать правила дорожного движения и что это может привести к преступным последствиям, а в последующем и к ответственности, и он не нарушает их, хотя при отсутствии запретов мог бы их нарушить. Большинство законопослушного населения, будучи на должностном положении, не отказались бы от денежного вознаграждения за оказанные услуги, но предпочли бы воздержаться от этого, так как за подобное последует наказание.

Известно, что наука криминология выделяет случайного преступника. Таковым он является «именно потому, – замечает Ю. В. Голик, – что совершенное им деяние противоречит основной направленности его личности. Необходимым и обычным результатом всей предшествовавшей преступлению жизни являлось правомерное поведение. Подобное поведение и базировалось на основной направленности личности, что позволяет говорить о совершении таким лицом преступления как о проявлении внешней случайности: внешней по отношению к личности» [3, с. 15]. Не зря в России существует поговорка «От сумы да от тюрьмы не зарекайся».

Конечно, данное явление во многом определяется моральными устоями общества, и чем они ниже, тем ярвственнее проявляется регулирующее воздействие на поведение не морального запрета, а уголовно-правового. Мораль куда-то исчезает, когда атрофируется реализация уголовно-правовых запретов, ослабляется их регулирующее начало, исходящее от государственных органов, и тогда усиливается соблазн нарушить уголовно-правовую норму. В связи с этим государство должно максимально стараться реализовать запрещающие нормы уголовного права, создавать правовые и организационные условия для этого. Правоотношения, возникающие под действием уголовно-правовых запретов, – это не абсолютные правоотношения, основанные на обязанности каждого гражданина их соблюдать и праве государства определять эти запреты, требовать их соблюдения, они имеют двухстороннюю основу: граждане должны иметь право требовать довести эти запреты до них, а государство обязано информировать население о содержании запретов, ответственности за их нарушение и практике реализации этой ответственности и т. п. В таком случае не может возникнуть вопрос: возможно ли в принципе правоотношение, в рамках которого один субъект обладает одними правами и не несет никаких обязанностей, а другой, противостоящий ему субъект, наделен только обязанностями и лишен всяких прав?

Каждый субъект обладает правами и обязанностями, только у одного они проявляются в большей мере, у другого – в меньшей. Государство в лице соответствующих органов должно иметь полноценную обязанность способствовать гражданам в соблюдении уголовно-правовых запретов. Как это сделать – это другой вопрос. Например, в структуре государственных органов предусмотреть юридический субъект, который бы информировал граждан о содержании уголовного закона, создать телевизионную программу, где бы доводились до граждан не только нормы уголовного закона, но и все решения местных судов по уголовным делам и пр. В общем, нужен всеобщий просветительский институт. Возможно, сначала следует провести подобный эксперимент в некоторых субъектах РФ.

В советский период подобную функцию выполняло общество «Знание», когда его члены доводили до трудовых и учебных коллективов знания по праву. В работе этого общества принимали участие преподаватели вузов, следователи, сотрудники милиции и прокуратуры, адвокаты, судьи и др.

При таком раскладе можно было бы частично отойти от римской формулы: незнание закона не является оправданием. Не каждый человек может разбираться в законах, особенно если эти законы часто меняются, что и происходит в последнее время с УК РФ. Многие страны уже пошли на отмену этой формулы с определенными оговорками, связанными с тем, что лицо обладает ошибочной информацией, представленной административным органом до совершения преступления (ст. 122.3 УК Франции), с письменным толкованием закона уполномоченным органом (ст. 8.03 УК штата Техас), с отсутствием понимания того, что оно действует противоправно (ст. 17 УК ФРГ). Так или иначе все эти оговорки имеют отношение к информированию граждан относительно законов и их толкованию.

Как замечает В. В. Лунеев, введение в формулу вины признака сознания уголовной противоправности является одним из способов преодоления элементов объективного вменения. Однако для этого придется отказаться от фактической презумпции «никто не может отговариваться незнанием закона». По мнению ученого, сознание противоправности следует ввести в формулу вины, и уголовный закон должен содержать норму об ошибке в запрете. Он считает, что введение подобной нормы в УК РФ существенно осложнит доказывание вины, но подобные трудности подвигнут к широкому правовому

обучению и воспитанию населения вместо пропаганды насилия и других форм преступного поведения в телевизионных экранах [5, с. 36].

Таким образом, позитивная уголовная ответственность имеет право на существование, как и любая иная ответственность, она динамична, реализуется через правоотношения. Она так же, как и ретроспективная уголовная ответственность, способствует поддержанию правопорядка в стране.

Объяснить позитивную ответственность можно и в рамках учения об охранительных нормах и правоотношениях. Согласно этому учению санкция нормы Особенной части УК рассматривается как диспозиция особого вида правовой нормы, чья гипотеза указывает на наличие состава преступления. Эта охранительная норма связана с запрещающей нормой, и вместе они образуют логическую четырехчленную норму права, состоящую из двух гипотез и двух диспозиций. Запрещающая норма в виде диспозиции статей Особенной части УК признается регулятивной нормой уголовного права. Названная логическая норма действует как бы в двух режимах: а) правосубъектном, оказывающем общепредупредительное воздействие на правосубъектных лиц (состояние позитивной уголовной ответственности); б) охранительном, связанном с правоприменительной деятельностью правоохранительных органов (ретроспективная ответственность) [2, с. 19–22].

В действии уголовно-правовой нормы в этих двух режимах прослеживается весь механизм уголовно-правового регулирования. Роль охранительной нормы заключается в том, что она восстанавливает запрещающую норму, выполняет по отношению к ней служебную, «ремонтно-восстановительную» функцию. Наказание, исправление осужденного стремятся к тому, чтобы он больше не совершал новых преступлений, то есть соблюдал запрещающую уголовно-правовую норму. Так, В. А. Якушин пишет, что «...уголовная ответственность едина. Лишь в рамках единого целого можно различать диалектически противоположные стороны: первую – выполнение нормативных требований, диктующих должное, соответствующее потребностям общества поведение, и вторую – выполнение должного, также диктуемого уголовно-правовой нормой, но уже в результате государственного принуждения как реакции на правонарушение» [12, с. 9].

Можно еще привести слова известного итальянского философа права Дж. Дель Веккио, подтверждающие наличие позитивного права: «Понятие права и противоправности взаимозависимы и взаимодополняемы. Хотя это покажется на первый взгляд странным, право в точном смысле нарушаемо по своей сущности, и оно является правом благодаря своей нарушаемости» [1, с. 722].

В реализации позитивной уголовной ответственности движущим механизмом (активным центром) является поведение граждан, основанное на соблюдении уголовно-правовых запретов, при реализации ретроспективной ответственности превалирует право государства привлечь к ответственности и назначить наказание. В позитивной уголовной ответственности активные обязанности граждан преобладают над обязанностями органов государства обеспечивать их соблюдение, в этом состоит сущность их отношений. Наше общество еще не готово к тому, чтобы активным центром в этих отношениях выступало государство. Чем развитее государство, тем в большей мере оно будет стремиться к выполнению активных функций по обеспечению действительности уголовно-правовых запретов.

Библиографический список

1. Антология мировой правовой мысли : в 5 т. М., 1999. Т. 3 : Европа, Америка: XVII–XX вв. 829 с.

2. Васильченко А. Общерегулятивные (общие) уголовно-правовые отношения // Уголовное право. 2005. № 4. С. 19–22.
3. Философия уголовного права. СПб., 2004. 348 с.
4. Кондратюк Л. Б. Криминологическое измерение. М., 2008. 272 с.
5. Лунеев В. В. Субъективное вменение. М., 2000. 70 с.
6. Марцев А. И. Теоретические основы общего и специального предупреждения преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 1975. 353 с.
7. Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. Красноярск, 1989. 203 с.
8. Ременсон А. Л. Наказание и его цели в советском уголовном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1950. 401 с.
9. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики : сб. очерков / под ред. В. В. Лунеева. М., 2010. 779 с.
10. Уголовное право. Общая часть / под ред. В. Н. Петрашева. М., 1999. 542 с.
11. Уголовное право. Часть Общая (словарь-справочник основных понятий). Рязань, 1988. 422 с.
12. Якушин В. А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия : монография. Тольятти, 2018. 337 с.

УДК 343.8

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.207-219

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ СЫСОЕВ,

кандидат психологических наук, доцент,

начальник факультета повышения квалификации и первоначальной подготовки,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

e-mail: sam3110@rambler.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРИОРИТЕТНОЙ ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРЕДСТВАХ ЕЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Для цитирования

Сысоев, А. М. К вопросу об определении приоритетной цели уголовно-исполнительного законодательства и средствах ее достижения / А. М. Сысоев // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 2. – С. 207–219. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.207-219.

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции уголовно-исполнительной политики в целом и пенитенциарной политики в частности как закономерного продолжения развития основных принципов исправительно-трудового права Советского государства, сложившегося в ходе своего эволюционного развития и определившего особенности подхода к исправительно-му воздействию на личность преступника. В ходе анализа современного определения законодателем целей наказания и рассмотрения их соотношения с целями уголовно-исполнительного законодательства отмечается их несовпадение. В связи с этим рассмотрена такая цель наказания, как восстановление социальной справедливости и возможность ее закрепления в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации. В ходе анализа научных источников делается вывод о том, что прямой перенос целей наказания из Уголовного кодекса Российской Федерации в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации не является обоснованным решением. С учетом возникшей в последние годы научной дискуссии о пересмотре целей, достигаемых в процессе исполнения наказания, задач, преследуемых этим процессом, а также его конечной недостижимости в условиях изоляции, определяемых режимом пенитенциарного учреждения, обосновывается отсутствие необходимости выделения в качестве единой цели уголовно-исполнительного законодательства такого направления деятельности, как ресоциализация осужденного. Вместе с тем отмечается высокий потенциал процесса социальной адаптации осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, к условиям жизни после их освобождения при условии определения эффективных средств и методов такой

© Сысоев А. М., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

деятельности – необходимого элемента пенитенциарной практики, направленной на достижение цели специальной превенции. Предлагается рассматривать исправление и ресоциализацию осужденных как два взаимосвязанных процесса, направленных на достижение одной цели – специальной превенции, однако имеющих отличие по своей направленности и преследуемым задачам.

Ключевые слова: цели наказания, уголовно-исполнительная политика, исправление, ресоциализация, общая превенция, частная превенция, лишение свободы.

Механизм принуждения как необходимый институт любой общественной формации во многом определяется особенностями государственного устройства и социально-экономического развития общества и, как следствие, нуждается в регламентации общественных отношений путем установления нормативных предписаний. Исторически сложилось представление, что наказание есть внешнее принуждение, следующее за нарушением правила уголовного закона, субъектом которого является государство и объектом – преступник, а признаком наказания, определенного в санкции уголовного закона, является угроза лишением либо ограничением интересов и прав лиц, к которым оно обращено. Само определение преступного как категории общественной договоренности является социальным фактом, служащим основанием применения мер воздействия, характеризующих негативные последствия такого социально неодобряемого поведения. Необходимость закрепления принуждения в обществе как меры государственного регулирования общественных отношений, а также легитимизации и регламентации механизма принуждения способствовала зарождению уголовного права, которое развивалось как нормативная мера, определяющая содержание и интенсивность вынужденного ответа на деяния, которые были способны приносить личности или обществу вред (в силу его определения в различные исторические периоды) и на основании этого объявлялись крайними формами неприемлемого поведения. При этом сам уголовный закон – это не только регламентирующий устав о наказании, определяющий границы проступка и степень ответственности лица за него, но и регулятор общественных отношений, служащий гарантией обеспечения свободы, защиты личности и ее деятельности.

Учитывая вышеизложенное, представляется закономерным взглянуть на самую сущность наказания и его цели с позиции социологии права, рассмотреть наказание в непосредственной связи с явлениями социальной действительности, общественными ожиданиями и желаемым эффектом от его применения. При этом уместно согласиться с Г. Радбрухом, что «обращение к понятиям цели и целесообразности выводит наказание одновременно за рамки специфической идеи права, справедливости, чтобы оно служило целям государства и общества» [1, с. 180].

Рассматривая наказание с позиции различных взглядов на его сущность и предназначение, мы можем выделить три взаимосвязанных и взаимообусловленных уровня: уровень социальных ожиданий, который определен общественным правосознанием; уровень состояния уголовно-правовой науки, который определен приоритетом охраны общественных отношений, перечнем эффективных видов наказания и иных мер уголовно-правового реагирования на преступные посяательства; уровень уголовной политики, определяемой государством с позиции достижения декларируемых законодателем целей и решения задач в указанной сфере.

Давно установлено, что «вопрос о цели, которую должна преследовать та или иная система мер уголовно-правового принуждения, является вопросом уголовной полити-

ки, представляющей ветвь науки уголовного права, призванную вырабатывать указания для наилучшей постановки в данной стране дела уголовного правосудия как путем социальных реформ, так и путем создания лучшего уголовного законодательства» [2, с. 6]. Вместе с тем очевидно, что цели, преследуемые законодателем при назначении наказания, нашли свое отражение и в уголовно-исполнительном законодательстве.

Рассматривая цели уголовного наказания и понимая УК РФ как основу и материальную базу по отношению к УИК РФ, а также представляя сам процесс исполнения наказаний как реализацию механизма государственного принуждения, логично исходить из теории, что уголовно-исполнительная политика является неотъемлемой частью уголовной политики. В процессе своей эволюции наказание, изначально воспринимаемое как необходимое зло и имевшее ярко выраженный карательный аспект, направленный на причинение физических страданий преступнику путем трансформации взглядов на природу преступности как негативного, но закономерного социального явления и осознания, что преступник является результатом общественного бытия, оказало влияние и на формирование основных положений, принципов и целей современной уголовно-исполнительной политики. Требования экономии уголовной репрессии, уменьшения ее карательной сущности и переход на исправительные начала, выдвинутые еще в XIX в., привели к переосмыслению взглядов на наказание в рамках гуманистического направления и в настоящее время находятся в основании современной модели уголовно-исполнительной политики.

Исследование тенденций развития советского уголовно-исполнительного законодательства и исправительно-трудовой политики позволяет констатировать, что Советское государство, провозглашая доминирование частной превенции, которая достигается путем исправительно-трудового воздействия, в целом рассматривало лиц, осужденных к лишению свободы, как граждан, временно изолированных от общества, которые после отбытия наказания должны вернуться в него. При этом обеспечение превенции достигалось различными средствами и методами: от устрашения наказанием и принудительной изоляцией лица в целях недопущения им совершения преступления до коррекции поведения осужденного путем исправительно-трудового воздействия, что нашло свое отражение в тенденциях исправительно-трудовой политики Советского государства в различные периоды:

1. Несмотря на заявленную в официальных документах первых лет советской власти реализацию идеи «экономии уголовной репрессии», наказание в виде лишения свободы рассматривалось как универсальное средство (эффективная мера социальной защиты), позволяющее не только изолировать лицо в целях недопущения совершения им новых преступлений, но и оказать на осужденного всю специфику карательно-воспитательного воздействия, необходимого для достижения целей наказания. При этом в 1920–1930-е годы доминировал классовый подход к наказанию, который предусматривал более строгие условия для «классово чуждых элементов», что наряду с практикой внедрения системы неопределенных приговоров в первые годы советской власти свидетельствовало о явном приоритете превенции как цели наказания, в которой устрашение наказанием играло важную роль.

2. Ужесточение уголовного законодательства, рост уголовной репрессии привели к наличию большого количества осужденных в местах лишения свободы, а стоящие перед государством социально-экономические задачи обусловили в 1930–1940-е годы развитие так называемого карательно-трудового элемента воздействия, при котором осужденный рассматривался как средство получения прибыли для государства, а сам

воспитательный процесс – как нечто второстепенное, достигаемое в процессе трудового перевоспитания.

3. Пересмотр принципов и приоритетов уголовной политики государства в конце 1950-х – начале 1960-х гг., смена ее ориентиров привели к определению в уголовно-исполнительной политике задачи по исправлению и перевоспитанию осужденных как важнейшего направления деятельности государства, в которой важную роль, помимо организации режима и труда, играла деятельность общественных организаций, в том числе в вопросах социальной реабилитации осужденного после освобождения из ИТУ. Внедрение принципов прогрессивной системы исполнения наказаний, наблюдаемое в ИТК РСФСР 1971 г., свидетельствовало о возвращении к пониманию правонарушителя не как чуждого элемента, требующего изоляции для пресечения преступной деятельности, а как продукта социальной среды, который может быть подвержен социальной коррекции в процессе исполнения наказания. Именно этот подход и находится в основе современной уголовно-исполнительной политики Российского государства. При этом советская исправительно-трудовая политика в указанный период исходила из следующих положений, которые нашли свое отражение и в современной политике государства в данном направлении:

- признание содержанием наказания кары имело важное значение и являлось необходимым элементом защиты общества от преступных посягательств;
- исправление и перевоспитание лиц, совершивших преступления, понималось как превращение осужденных в полезных членов общества, подготовленных к трудовой жизни и соблюдению правил общежития;
- лишение свободы соединялось с мерами исправительно-трудового воздействия, где главенствующая роль принадлежала общественно полезному труду как основному средству исправления и перевоспитания осужденных;
- осужденный рассматривался как субъект не только определенных обязанностей, но и прав;
- реализация исправительно-трудового воздействия привела к постановке закономерно необходимой реализации индивидуализации и дифференциации в процессе исполнения наказания.

После распада Советского государства и отречения от идеологии в духе марксизма-ленинизма новое государственное образование – Российская Федерация встало перед выбором своего развития на построении отношений нового типа, что не могло затронуть и основные направления отечественной уголовной политики. Провозглашая идеи демократизации и либерализации внутренней политики и объявив УК РФ 1996 г. самым гуманным, избегая даже употребления термина «кара» применительно к наказанию, государство по-прежнему продолжало прибегать к лишению свободы как к одному из наиболее широко применяемых видов уголовной репрессии. Высокий уровень преступности в обществе, характерный для эпохи перемен, сиквестирование бюджета в части финансирования деятельности органов и учреждений исполнения наказаний и правоохранительной системы в целом, наложенные на рыночные условия, в которых не мог существовать производственный комплекс исправительных учреждений, вызвали общий кризис не только уголовно-исполнительной системы, но и самой пенитенциарной идеи, заложенной в основе уголовно-исполнительной политики. Появление Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» должно было определить

основные принципы функционирования уголовно-исполнительной системы в условиях переходного периода.

Последующая реформа уголовного и уголовно-исполнительного законодательства привела к появлению Уголовного (1996) и Уголовно-исполнительного (1997) кодексов, где были определены цели назначения и исполнения наказаний. Согласно ст. 1 УИК РФ уголовно-исполнительное законодательство имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, а основными задачами уголовно-исполнительного законодательства являются, помимо регулирования порядка и условий исполнения и отбывания наказаний осужденных, охрана их прав, свобод и законных интересов, оказание осужденным помощи в социальной адаптации и определение средств исправления указанных лиц.

В Уголовном кодексе 1996 г. в ч. 2 ст. 43 определены цели уголовного наказания – восстановление социальной справедливости; исправление осужденного; предупреждение совершения новых преступлений. Сравнительный анализ целей наказаний, заявленных в УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г., демонстрирует, что:

– восстановление социальной справедливости как цель наказания ранее не выделялась, а ее содержание на сегодняшний день ввиду отсутствия раскрытия этого термина законодателем является абстрактным, а учитывая и различные подходы к ее пониманию в научных дискуссиях, и весьма спорным;

– заявленная в действующем УК РФ цель – исправление преступника трактуется более узко, по сравнению с УК РСФСР, где в качестве цели было заявлено еще и перевоспитание правонарушителя, при этом терминологическое содержание этих явлений, равно как и их критериев, свидетельствующих об их достижении, также не представляется.

Отсутствие раскрытия заявленных целей наказания в УК РФ свидетельствует о понимании законодателем указанных терминов как однозначных и не нуждающихся в дополнительной трактовке, а само «лексическое значение наименования целей уголовного наказания не сопоставляется с теми результатами, которые можно достигнуть при применении соответствующих уголовно-правовых мер государственного принуждения» [3, с. 159]. При этом научная дискуссия по поводу необходимости выделения целей наказания и их соотношения с целями уголовно-исполнительного законодательства носит разноплановый характер. Так, И. Я. Козаченко, исходя из целей наказания, заявленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ, полагает, что основная цель уголовного наказания – это устрашение лица возможностью подвергнуться каре в случае совершения им преступления, то есть речь идет прежде всего об общем предупреждении. Однако при этом, считает автор, ставить перед наказанием как уголовно-правовой категорией какие-либо цели является некорректным, так как наказание в своем статистическом состоянии никакой цели, кроме информационной, достичь не может. «Законодатель ближе к истине, замечая в тексте ч. 2 ст. 43 УК РФ – «наказание применяется в целях...». В связи с этим при соблюдении элементарной последовательности определенные цели можно ставить перед исполнением наказания, что является предметом регулирования Уголовно-исполнительного кодекса [4, с. 15–16]. Профессор И. Я. Козаченко сознательно выделяет именно «исполнение», подчеркивая, что цели отбывающего и цели исполняющих наказание чаще всего не только не совпадают, но и взаимоисключают друг друга.

Рассматривая ст. 1 УИК РФ, мы видим неопределенность подхода к целям назначения и исполнения наказаний – восстановление социальной справедливости не было упомянуто как цель уголовно-исполнительного законодательства. По мнению разработчиков действующего УИК РФ, осуждение лица за совершенное деяние олицетворяет

достижение такой цели наказания, как восстановление социальной справедливости, в то время как реализация таких целей, как исправление преступника и предупреждение совершения новых преступлений, достигается уже в процессе исполнения наказания, что формирует мнение о восстановлении справедливости не как о процессе, достижимом при исполнении наказания, а как об окончательном акте, определяемом судебным решением. С этой точкой зрения не согласен В. И. Селиверстов, который полагает, что уголовно-исполнительное законодательство направлено на обеспечение достижения целей, закрепленных уголовным законодательством, включая и восстановление социальной справедливости, а значит, ее достижение должно обеспечиваться в процессе исполнения уголовных наказаний [5, с. 15].

Рассматривая понятие «восстановление социальной справедливости», можно исходить из понимания, что указанная цель наказания достигается привлечением лица к уголовной ответственности за совершенное преступление и назначением ему наказания, но при таком упрощенном подходе, по мнению некоторых авторов, сама цель уголовного наказания подменяется целью процессуальной [6, с. 33]. При этом, если рассматривать восстановление социальной справедливости как приведение в исходное состояние нарушенных преступлением общественных отношений, такая цель довольно часто не может быть достигнута.

Спорность самого понимания, что собой представляет социальная справедливость и как она реализуется в процессе наказания, вызывает вполне понятные дискуссии. На сегодняшний день доминирует мнение, согласно которому под восстановлением социальной справедливости понимается кара или возмездие. Так, В. Е. Южанин полагает, что восстановление социальной справедливости как цели наказания требует, чтобы во время отбывания наказания «полноценно реализовывалась кара, а осужденный претерпевал все ограничения» [7, с. 11].

Автор согласен, что цели уголовно-исполнительного законодательства должны согласовываться с целями уголовного наказания, иное явно противоречит правовой логике, в то же время есть сомнение по поводу необходимости закрепления восстановления социальной справедливости как цели уголовного наказания ввиду спорности этого понятия и фактического его олицетворения с карой. Исходя из такой постановки вопроса представляется, что кара не может являться целью, а скорее есть содержание самого процесса наказания.

Рассматривая положение о возможности закрепления в УИК РФ такой цели, как восстановление социальной справедливости, и подразумевая под ним именно кару или возмездие, можно в определенной степени согласиться с М. Фуко, что именно лишение свободы наиболее ярко характеризует возмещение вреда за совершенное противоправное деяние [8, с. 280–281]. При этом есть вероятность и перекоса в мышлении при утверждении этого суждения, что именно лишение свободы выступает в качестве универсального вида наказания, некоего мерила между преступлением и наказанием, что уже имело место в нашей истории. Заявленный на государственном уровне принцип экономии уголовной репрессии предполагает «рациональный подход к использованию всей системы наказаний: не увлечение одним каким-либо видом наказания, например лишением свободы, а именно использование всей системы наказаний для достижения тех целей, которые стоят перед наказанием» [9, с. 91]. Экономия уголовной репрессии как важное направление уголовной политики должно основываться на оценке эффективности видов наказания, и здесь злободневными являются вопросы как о примене-

нии видов наказания – кратких сроков лишения свободы, штрафов, так и об оценке их назначения, в частности ввиду возможной излишней вариативности санкций.

Отождествляя восстановление социальной справедливости как заявленную цель наказания с возмездием или карой, стоит отметить, что в процессе либеральной эволюции взглядов на уголовное наказание произошел формальный отход в понимании приоритетов, преследуемых наказанием – от возмездия за совершенный проступок путем причинения страданий виновному лицу до исправления личности правонарушителя. Однако исправление личности, рассматриваемое с правовой точки зрения, представляет собой не более как прекращение его противоправной деятельности в дальнейшем, что свидетельствует об изменении взглядов на понимание идеи «самообороны общества» и о возвращении к идее о доминировании концепции специального предупреждения (в которой исправительное воздействие на преступника можно рассматривать с позиции реализации частной превенции) как основной цели наказания. Вместе с тем следует отметить, что в научной литературе иногда встречается мнение, что уголовное наказание не оказывает предупредительного эффекта на преступность. В связи с этим уместно вспомнить точку зрения М. П. Мелентьева, что если человек совершает преступление, то это прежде всего свидетельствует о том, что в отношении данного индивида общее предупреждение не дало результатов, но это не значит, что общая превенция неэффективна в отношении всех тех, кто преступления не совершил [10, с. 145].

Однако, рассматривая упомянутую в ст. 1 УИК РФ такую цель уголовно-исполнительного законодательства, как предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, представляется, что такая постановка проблемы не совсем логична, в первую очередь ввиду рассмотрения механизма общей превенции, которая достигается путем угрозы применения наказания, или, иначе говоря, психологическим устрашением наказанием (теория П. А. Фейербаха), а также путем повышения уровня правовой культуры и правосознания населения. С нашей позиции логичным было бы оставить упоминание об общей превенции наряду с частной как декларируемых целей наказания в Уголовном кодексе, но определив частную превенцию как основную цель, преследуемую уголовно-исполнительным законодательством. При этом возникают закономерные вопросы: возможно ли исправление в условиях принуждения, в частности в условиях мест лишения свободы, где изоляция – это ненормальное состояние, почти всегда переживаемое крайне болезненно и несущее угрозу самой жизни человека? Не является ли постановка такой цели наказания, как достижение исправления осужденных, фактически декларируемой, но практически недостижимой? Как оценить эффективность процесса исправления осужденных? Какие средства наиболее эффективны для достижения поставленного результата? Каковы критерии, свидетельствующие об успешности исправительного процесса?

Изначально цель исправления лица в процессе исполнения им наказания перед пенитенциарной системой не ставилась, основной задачей тюрьмы как наиболее жесткого и эффективного средства исполнения наказания являлось предупреждение новых преступлений лицом, ранее преступившим закон, и, конечно же, устрашение самим процессом наказания иных лиц, то есть речь шла о достижении частной и общей превенции. Появление в конце XVIII – начале XIX в. такой цели наказания, как исправление преступника, означало, что этот процесс рассматривался с точки зрения обеспечения государственной и общественной безопасности от дальнейших действий данного лица, то есть исправление преступника понималось как необходимое действие для достижения частной превенции. Отсюда и мнение ряда исследователей, что изначально име-

лось в виду «только юридическое исправление преступника, подчеркивая безразличное отношение государства к мотивам правопослушного поведения лица, отбывавшего наказание» [11, с. 41]. Вместе с тем очевидно, что достижение такой цели наказания, как исправление, является необходимым условием для реализации цели частного предупреждения. Еще А. А. Герцензон отмечал, что предупреждение совершения новых преступлений со стороны осужденного достигается путем исправления и перевоспитания, а, следовательно, цель частного предупреждения не имеет самостоятельного значения, так как она подчинена цели исправления и перевоспитания осужденного [12, с. 19–20].

Дискуссии по поводу определения целей уголовно-исполнительного законодательства продолжают иметь место. Существует точка зрения, что наличие нескольких целей наказания может затруднять их эффективность, поэтому требуется исходить из одной цели, наиболее достижимой. В частности, Ю. В. Баранов предлагает сделать такой единой целью уголовно-исполнительного законодательства ресоциализацию осужденного [13, с. 10]. Отмечая, что взгляд, по которому система исполнения наказаний должна базироваться на достижении цели ресоциализации преступников, не является новым и предлагается целым рядом авторов (С. А. Борсученко, Л. В. Яковлева и др.) для включения в качестве одной из целей, преследуемых процессом исполнения наказания, считаем спорным признание указанной цели как некоей универсальной и достижимой в процессе исполнения наказания. Во многом такой подход обусловлен развернувшейся в западной научной среде дискуссией о доминирующей роли ресоциализационной модели при реализации наказания, которая исходит из определения, что само назначение наказания является фактом, порицающим преступника, а, следовательно, исполнение наказания не должно добавлять зла, а должно быть направлено на повышение социальной ответственности лица и создание условий для его последующей успешной реинтеграции в общество путем привития необходимых умений и навыков.

Таким образом, традиционная концепция обеспечения охраны общественных отношений посредством превентивного заключения правонарушителя, в ходе которого и происходит коррекция его последующего поведения, для законопослушного образа жизни теряет свой смысл. В связи с этим преступник предстает не как опасная личность, деятельность которой пресекается путем применения наказания, а как «социальная единица», нуждающаяся в помощи, и наказание уже не кара или возмездие, а средство, через которое общество реализует такую помощь. Подобное понимание исходит из эволюции основных положений «социальной школы» уголовного права, в которой главным лозунгом явилось утверждение приоритета – «не преступление, а преступник», а следовательно, «понятие преступника приобрело различные социально-типологические черты в охранительно-исправительной теории» [1, с. 181].

Необходимость совершенствования деятельности по социальной адаптации и созданию предпосылок для успешной ресоциализации осужденных демонстрируют материалы специальной переписи осужденных в местах лишения свободы, согласно которым довольно высок удельный вес осужденных, утративших социально полезные связи с семьей. Так, по материалам переписи 2009 г., почти 53 % осужденных до осуждения не учились и не работали, только 2,2 % из них имели официальный статус безработного, еще 49,7 % – вели паразитический образ жизни, не имея трудовых навыков. Для сравнения: по результатам специальной переписи осужденных 1999 г. было зафиксировано 56,3 % таких лиц, что, по мнению некоторых авторов, было прямо связано с глубоким экономическим кризисом 1990-х годов [14, с. 3]. Таким образом, поддержание и восстановление социально полезных связей осужденных к лишению свободы с семьей и

иным социально позитивным окружением, равно как и овладение профессиональными трудовыми навыками и повышение уровня образования, может стать одним из важных критериев оценки эффективности деятельности исправительного учреждения.

Закрепление ресоциализации в уголовном законодательстве как одной из возможных целей наказания кажется весьма закономерным по следующим причинам:

– либеральными тенденциями в эволюции уголовного права, при которых встает вопрос о реализации гуманного подхода к преступнику, в котором карательный элемент наказания носит второстепенный характер, а приоритетом является восстановление правонарушителем в ходе отбытия им наказания нарушенных этим процессом социально полезных связей, привитие навыков и умений, способствующих его социализации вне стен исправительного учреждения;

– отсутствие видимой эффективности традиционного подхода к пониманию сущности исправления осужденного, проблемы выделения критериев, позволяющих говорить о достижимости исправительного процесса в условиях социальной изоляции.

Однако довольно часто, отмечая приоритет ресоциализации как цели наказания, многие авторы не разграничивают ее от исправления, смешивая и подменяя указанные процессы. Так, М. П. Мелентьев, говоря, что ресоциализация осужденных является основной целью исполнения наказания, понимает ее как «процесс, который стимулирует становление осужденного на жизненную позицию, отвечающую конституционным нормам, определяющим права, свободы и обязанности граждан» [10, с. 144]. С. А. Борсученко представляет ресоциализацию осужденных как ряд мер нравственно-социального характера, направленных на исправление личности с антиобщественной манерой поведения [15, с. 75]. Такой подход, имеющий место в научной литературе, обобщает два процесса, различных по своей направленности, – исправление осужденных, который ставит своей целью изменение поведения лиц для его последующей законопослушной жизни и непосредственно ресоциализацию, под которой мы понимаем приобретение навыков и умений, позволяющих успешно адаптироваться к жизни вне стен исправительного учреждения и тем самым минимизировать возможные риски в виде последующего рецидива. Такое обобщение во многом связано с наличием общих средств, реализуемых в ходе этих процессов. Так, реализацию процесса ресоциализации в условиях лишения свободы трудно представить без получения осужденным общего и профессионального образования, но эти средства согласно ч. 2 ст. 9 УИК РФ заявлены и как основные средства исправления.

В настоящее время в деятельности уголовно-исполнительной системы ресоциализация понимается более узко. Так, согласно п. 14 Положения о группе социальной защиты осужденных ИУ УИС определены следующие задачи, которые в той или иной степени относятся к ресоциализации осужденных:

– выявление и решение социальных проблем осужденных, оказание им дифференцированной социальной помощи, координирование деятельности других служб исправительного учреждения в решении данных вопросов;

– подготовка осужденных к освобождению, организация занятий в школе подготовки осужденных к освобождению, привлечение к их проведению заинтересованных служб учреждения, муниципальных социальных служб;

– содействие в становлении и укреплении социально полезных связей осужденных, их трудовом и бытовом устройстве после освобождения, решении вопросов, связанных с пенсионным обеспечением осужденных;

– оказание консультативной помощи осужденным в подготовке необходимых документов для получения паспорта, а также принятия мер по получению документов, подтверждающих их право на социальное обеспечение;

– привлечение специалистов различных служб социальной защиты населения к оказанию помощи осужденным, в том числе консультативной;

– привлечение общественности к решению социальных проблем осужденных, в том числе в трудовом и бытовом устройстве после освобождения из исправительного учреждения.

На наш взгляд, деятельность по ресоциализации лица можно разделить на следующие направления:

– образовательное – получение необходимых образовательных и профессиональных навыков и умений, необходимых в условиях внешней социальной среды;

– информационное – осуществляемое как доведение необходимой информации до сведения осужденного, которая может помочь ему успешно социализироваться после освобождения, так и оказание помощи в поиске работы и места проживания, восстановлении необходимых документов и т. д.;

– индивидуально-адаптационное – помощь в восстановлении социально положительных связей с близким кругом лиц, находящихся вне стен исправительного учреждения, могущих оказать устойчивое влияние на осужденного после выхода его на свободу, путем организации свиданий, проведения сеансов видеосвязи, участия в совместных мероприятиях, проводимых администрацией учреждения, и т. д.;

– терапевтическое – реализация медицинских и психотерапевтических программ при наличии у лица в анамнезе различного рода устойчивых зависимостей (наркомания, алкоголизм и т. д.).

Осуществление процесса ресоциализации осужденного предполагает наличие противоположных тенденций – изолируя правонарушителя в места лишения свободы, мы, с одной стороны, разрываем его связи, в том числе и положительные, принудительно изменяем его окружающую среду и, следовательно, сферу взаимодействия, с другой – ставим цель последующего его включения в эти положительные связи, нарушенные условиями изоляции.

Еще одной проблемой является то, что сам процесс исполнения наказания до сих пор во многом строится на инструментальном подходе к работе с осужденными. Осужденный в лучшем случае рассматривается как объект исправительного воздействия, а не как субъект, «который должен быть включен в процесс решения проблем, определяющих его дальнейшую судьбу» [16, с. 244].

Рассматривая постановку ресоциализации как единственной цели наказания, следует отметить, что этот процесс для осужденного не заканчивается моментом его выхода за пределы исправительного учреждения. Наряду с пенитенциарной ресоциализацией, реализуемой в условиях исправительного учреждения, важное место в системе профилактики рецидивной преступности занимает организация постпенитенциарной ресоциализации, которая включает в себя адаптацию лица к новым условиям жизни в обществе после отбытия им наказания. Сама сфера действия уголовно-исполнительного законодательства в этой части весьма ограничена, так как последнее регулирует только отношения, связанные с исполнением (отбыванием) наказания, в то время как процесс ресоциализации выходит за эти рамки. Определяя ресоциализацию осужденного к условиям жизни после отбытия им наказания как несомненно важное направление деятельности по профилактике рецидива, мы рассматриваем его лишь как одно из на-

правлений деятельности учреждения и органов исполнения наказаний, регламентированное в нормативно-правовых документах, которое не является полностью достижимым и завершенным в процессе проведения подобных мероприятий только в стенах исправительного учреждения.

Исходя из исследуемых целей наказания полагаем, что конечной и главенствующей целью уголовно-исполнительной политики является предупреждение совершения новых преступлений осужденным (специальная превенция), которое обеспечивается путем реализации комплекса наиболее эффективных мер в процессе индивидуально-исправительного воздействия на лицо, отбывающее уголовное наказание, что подразумевает наличие ряда частных целей, необходимых для достижения приоритетной. В качестве таких частных целей выступают организация исправительного воздействия и организация деятельности по ресоциализации осужденного, осуществляемая администрацией исправительного учреждения в ходе исполнения лицом наказания. Реализация частных целей способствует достижению приоритетной. На частное предупреждение ориентированы все нормы уголовно-исполнительного законодательства, устанавливая такое содержание правоотношений, которое затрудняло или исключало бы возможность совершения преступления (первоначальный этап), а в перспективе – достигало бы формирования социально одобряемых свойств и качеств личности осужденного как основы для формирования законопослушного образа жизни, создания предпосылок для процесса успешной социализации лица после его освобождения из мест лишения свободы.

Таким образом, понимая уголовно-исполнительную политику как комплекс эффективных и практикоориентированных мер государства по реализации целей уголовного наказания в деятельности учреждений и органов исполнения наказаний, в основе которой находится соблюдение баланса принуждения и убеждения, мы полагаем, что эффективность реализации этих мер основана на следующих взаимообусловленных «теоретических началах»:

– во-первых, признание карательной сущности наказания, обусловленной изоляцией правонарушителя от привычной социальной среды, что, с одной стороны, ведет к реализации частной превенции – предупреждению или по крайней мере минимизации дальнейшего криминального поведения конкретного осужденного, с другой – позволяет индивидуализировать и дифференцировать процесс исполнения наказания для достижения цели исправления лица;

– во-вторых, понимание сочетания мер убеждения и принуждения как основы исправительного воздействия на осужденного, осуществляемых посредством как ограничительных требований режима и надзора исправительного учреждения, так и иных мер воспитательного воздействия на осужденного;

– в-третьих, индивидуализация и дифференциация процесса исполнения наказания исходя из половозрастных особенностей, степени общественной опасности, уровня криминальной зараженности и т. д., которая отражается и на специфике мер исправительного воздействия осужденного;

– в-четвертых, наличие элементов прогрессивной системы (или системы социальных лифтов) исполнения наказаний, позволяющих осужденному изменить условия своего нахождения внутри пенитенциарного учреждения (переход на облегченные условия содержания или наоборот), а также предусматривающих досрочное освобождение из мест лишения свободы;

– в-пятых, признание длительности процесса ресоциализации правонарушителя, который, начинаясь в процессе исполнения наказания (освоение трудовой специальности, восстановление социально значимых связей, определение места жительства и возможного трудоустройства и т. д.), не завершается его выходом из пенитенциарного учреждения. Обеспечение планирования и контроля этого процесса в условиях общества вне стен исправительного учреждения как направления деятельности, позволяющей повысить эффективность социальной адаптации лица, позволит снизить риски возможного рецидива и будет способствовать реализации цели наказания, выделяемой нами в качестве приоритетной. Вместе с тем данное направление выходит за рамки деятельности уголовно-исполнительной системы на сегодняшний день, но в дальнейшем, возможно, получит свое развитие в рамках расширения деятельности службы пробации, если таковая будет создана на базе имеющейся системы уголовно-исполнительных инспекций.

Библиографический список

1. Радбрух Г. Философия права. М. : Междунар. отношения, 2004. 240 с.
2. Маннс Г. Ю. Общее и специальное предупреждение в уголовном праве. Иркутск : Власть труда, 1926. 82 с.
3. Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития : монография / под ред. В. Ф. Лапшина. М. : Юрлитинформ, 2018. 408 с.
4. Козаченко И. Я., Козаченко Е. Б. Уголовно-правовая калькуляция цели уголовного наказания // Наказания в условиях гуманизации уголовной политики России : сб. материалов межвед. науч.-практ. семинара. Вологда : Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2011. С. 15–16.
5. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснование теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2017. 80 с.
6. Быток С. Ю. Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания : монография. М. : РПА Минюста России, 2014. 136 с.
7. Южанин В. Е. О ресоциализации осужденных как цели процесса обеспечения реализации наказания в виде лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 32. С. 9–15.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 383 с.
9. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М. : Юридическая литература, 1973. 287 с.
10. Мелентьев М. П. Проблемы разработки Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации // Мелентьев М. П. Избранные труды. Рязань : Академия ФСИН России, 2007. 300 с.
11. Уголовно-исполнительное право : учебник : в 2 т. / под ред. Ю. И. Калинина. 2-е изд. М. : Логос, 2006. Т. 1 : Общая часть. 598 с.
12. Герцензон А. А. Основные положения Уголовного кодекса РСФСР 1960 года. М. : Госюриздат, 1961. 60 с.
13. Баранов Ю. В. О целях уголовного и уголовно-исполнительного законодательства // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1. С. 8–19.

14. Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы (по материалам специальной переписи осужденных 2009 г.) / науч. ред В. И. Селиверстов. М. : Юриспруденция, 2010. Вып. 1. 18 с.

15. Борсученко С. А. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы: понятие, содержание, правовое регулирование // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 2. С. 74–79.

16. Голодов П. В. Процесс ресоциализации осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы: контекстный подход // Социальная работа в свете новых Европейских пенитенциарных правил: теория и практика : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 23–24 апр. 2007 г.). Вологда : Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2007. С. 243–248.

УДК 343.847

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.220-225

БУЛАТБЕК КАБДУШЕВИЧ ШНАРБАЕВ,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры права,
Костанайский филиал Челябинского государственного университета,
г. Костанай, Республика Казахстан,
e-mail: shnarbaev@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С КАДРАМИ СЛУЖБЫ ПРОБАЦИИ

Для цитирования

Шнарбаев, Б. К. Организация социально-психологической работы с кадрами службы пробации / Б. К. Шнарбаев // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 2. – С. 220–225. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.220-225.

Аннотация. Состояние социально-психологической работы, проводимой с сотрудниками пробации, является одним из первостепенных вопросов формирования нового института в уголовно-исполнительной системе Республики Казахстан, призванного оказывать содействие гражданам в исправлении и последующей ресоциализации. Сотрудник пробации – это в первую очередь социальный работник, владеющий технологией оказания социальной помощи поднадзорному, способный организовать работу своего общественного помощника и процесс воспитательного воздействия на поднадзорного. С учетом предназначения пробации в указанных подразделениях должна присутствовать нормальная рабочая атмосфера, созданная на основе психологической совместимости сотрудников. Необходимо проводить социально-психологическую работу с сотрудниками, направленную на повышение деловых, оптимальных и профессиональных качеств.

Ключевые слова: пробация, кадровое обеспечение, психологическая совместимость, социальный работник, социальный контроль, социальная помощь, профессиональные качества, ресоциализация, Республика Казахстан.

Решение любого вопроса подразумевает исполнение его конкретными людьми, мы часто обезличиваем и говорим, что все делается кадрами, которые задействованы в любой отрасли жизнедеятельности. Успех любого дела зависит от того, насколько у нас подготовлены кадры. В связи с этим на современном этапе пристальное внимание уделяется менеджменту и принципам корпоративного управления в государственном секторе.

В настоящее время актуальным является социальное управление, которое строится на управлении процессами с использованием новых знаний психологии и социологии, имеет конечной целью управление персоналом, оказывает влияние на волю и созна-

© Шнарбаев Б. К., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ние через управление персоналом. Данные процессы носят позитивный характер, не имеют субъективных целей и устремлений. Это достигается посредством применения различных методов и приемов, в том числе психологических.

В современных структурах, работающих с людьми, необходимо в первую очередь использовать указанные приемы управления персоналом, тем более в службе пробации, где контингент граждан отличается разнообразием характеров. Здесь формируется как официальная, так и неофициальная социальная структура, подкрепляемая психологическими особенностями индивидуумов. С одной стороны, это чисто профессиональная среда сотрудников, с другой – это контингент лиц, отбывающих наказание. Все это влияет на общую атмосферу в коллективе, создание служебных отношений, приводящих иногда к обострению ситуации, что негативно сказывается на общей организации работы. Хуже, если это приводит к противодействию и неисполнению указаний и приказов.

Рассматриваемый вопрос является актуальным для любого коллектива сотрудников, тем более службы пробации, которая только формируется как институциональный орган.

Особое внимание следует уделять деятельности начальника службы пробации, который должен знать отношения в коллективе и принимать меры к созданию в нем нормальной рабочей атмосферы. Сложности возникают, как правило, на почве служебных отношений, в первую очередь это касается нагрузки сотрудников, которая иногда носит неравномерный характер. Один сотрудник работает в полную силу, другой перерабатывает, третий недорабатывает либо плохо исполняет свои обязанности. В некоторых случаях это приводит к предвзятым отношениям руководителя к подчиненному. В коллективе трудятся разные люди со своим сложившимся или складывающимся мировоззрением и сознанием, своими ценностями и отношением к делу, что иногда приводит к психологической несовместимости между сотрудниками. Это очень серьезная проблема, которую руководитель службы пробации в некоторых случаях при отсутствии профессионального или жизненного опыта, небольшого стажа работы не может сам решить. В этих случаях он должен обращаться за помощью к более опытным сотрудникам и использовать потенциал психологов. На обстановку в коллективе также может влиять слабое материально-техническое обеспечение подразделения, отсутствие средств связи, транспорта, оргтехники, подходящего помещения, что не позволяет осуществлять свои функции в нормальной рабочей обстановке. Руководитель подразделения должен эти вопросы решать с вышестоящим руководством и принимать соответствующие меры в коллективе.

Согласно п. 84.1 Европейских пенитенциарных правил (Рекомендация Rec (2006)2, принята Комитетом министров Совета Европы 11 января 2006 г.) «каждое пенитенциарное учреждение должно иметь начальника, который должен обладать достаточной квалификацией для замещения этой должности в плане своих личных качеств, административных навыков, надлежащей профессиональной подготовки и опыта».

На начальном этапе формирования службы пробации в Казахстане необходимо находить основные пути решения возникающих сложных ситуаций, решать вопросы материально-технического обеспечения, равномерно распределять нагрузку между сотрудниками. Все это исключит возможные нарушения законодательства и будет способствовать нормальной организации работы, позволит снизить рецидив преступлений среди подучетных лиц службы пробации, потому что основная роль службы пробации заключается в социально-правовом контроле за лицами, остающимися на свободе, в рамках исполнения наказаний, не связанных с заключением. Фактически это особая форма контроля за лицами, находящимися в условиях испытания.

Обозначенные вопросы требуют своего внимания сегодня, на первоначальном этапе, чтобы в последующем они не переросли в серьезную проблему.

На более сложные проблемы в этом контексте обращает внимание Е. А. Саламатов, в частности, он пишет, что в нашей стране служба пробации не обладает самостоятельностью, в структуре областных департаментов УИС ее подразделения имеют лишь статус отделов. Данные отделы с организационной, кадровой, материально-финансовой стороны подчинены начальникам департаментов, для которых приоритетным направлением являются учреждения, в которых отбывают наказания лица, приговоренные к лишению свободы, и учреждения смешанной безопасности (следственные изоляторы) со всеми вытекающими отсюда последствиями. Из-за существующей иерархии должностей сотрудники службы пробации, желающие расти по карьерной лестнице, стараются перевестись в закрытые учреждения УИС на оперативные и режимные должности [2].

По мнению М. Р. Гета, кадровый состав службы пробации, основу которого составляют инспекторы уголовно-исполнительных инспекций, в дальнейшем должен формироваться на конкурсной основе, с обязательным прохождением психологического тестирования. Сотрудник пробации в современных условиях – это, прежде всего, социальный работник, владеющий технологией оказания социальной помощи поднадзорному, способный организовать работу своего общественного помощника и процесс воспитательного воздействия на поднадзорного. Милитаризированные формы профессиональной подготовки сотрудников пенитенциарных учреждений ему совершенно не нужны и лишены практического смысла. В ценностном аспекте важно, чтобы сотрудник пробации разделял убежденность в значимости для общества своей профессиональной деятельности, в возможности исправления правонарушителей в обществе посредством социального, предупредительного воздействия. Представляется, что магистратура университетов, факультеты права, психологии и социальной работы высших учебных заведений могли бы (с учетом мировой практики) готовить специалистов для системы пробации, что позволило бы вузам реагировать на ее потребности и корректировать рабочие учебные программы преподаваемых дисциплин. Взаимодействие с вузами (которые могли бы заниматься профессиональной подготовкой сотрудников пробации на основе государственных бюджетных заданий) позволит обеспечить службы и отделы пробации подготовленными специалистами в сфере психологии, педагогики, социальной работы [1, с. 32].

Мы полностью согласны с мнением исследователя в том, что сотрудник пробации в современных условиях – это, прежде всего, социальный работник, владеющий технологией оказания социальной помощи поднадзорному, способный организовать работу своего общественного помощника и процесс воспитательного воздействия на поднадзорного. На это неоднократно обращалось внимание в других публикациях.

Пункт 10.4 Токийских правил (приняты Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г.) конкретизирует, что «правонарушителям должна в случае необходимости оказываться психологическая, социальная и материальная помощь и должны предоставляться возможности для укрепления связей с обществом и для облегчения их возвращения к нормальной жизни в обществе».

М. Р. Гета считает, что социально-правовое исследование личности поднадзорного представляет собой информационно-аналитическую деятельность службы пробации в отношении индивидуально-определенных поднадзорных в целях установления социально-психологических особенностей данных лиц, выявления их потребности в социально-психологической помощи, назначения оптимальной программы ресоциа-

лизации и определения необходимого объема и уровня интенсивности пробационного надзора. Социальное исследование личности подучетного службой пробации наиболее оправданно поручить психологу (а при его отсутствии в штате данной службы – привлечь для выполнения исследования специалистов-психологов, социальных работников образовательных учреждений и других организаций). Подобное привлечение возможно посредством заключения договоров с соответствующими организациями (учреждениями) [1, с. 41].

На эти факторы обращается внимание и в п. 7.1 Токийских правил: «Судебный орган может воспользоваться докладом, подготовленным компетентным, уполномоченным лицом или учреждением. Доклад должен содержать социальную информацию о правонарушителе, которая имеет отношение к характеру правонарушений, совершавшихся данным лицом, и к его нынешним правонарушениям».

Актуальность обращения к вопросам обеспечения уголовно-исполнительной системы квалифицированными специалистами связана с тем, что в Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан на 2017–2019 годы (утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 8 декабря 2016 г. № 387) выделено четвертое направление «Развитие кадрового потенциала и научных основ процесса ресоциализации». В то же время в данном документе отсутствует вообще информация по этому направлению, очень важному для уголовно-исполнительной системы, а особенно для службы пробации. Вполне понятно, что в Комплексной стратегии невозможно было отразить все вопросы, поэтому можно сделать вывод: если, как всегда говорили, кадры решают все, то соответственно нужна сегодня концепция кадрового обеспечения подразделений уголовно-исполнительной системы МВД Республики Казахстан.

Обобщив предпосылки формирования сотрудника пробации как представителя новой формации уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан, считаем, что необходимо разработать и принять концепцию кадрового обеспечения подразделений уголовно-исполнительной системы МВД Республики Казахстан, учитывая, что имеются определенные наработки в этом вопросе.

Состояние социально-психологической работы с сотрудниками пробации позволяет выделить группу качеств, которыми должен обладать сотрудник. К ним относятся деловые, оптимальные и профессиональные. По деловым качествам определяют общую профессиональную пригодность сотрудника; по оптимальным – его психоэмоциональное состояние, которое складывается из общего состояния личности, его характеристик, что является основой сотрудника, способного решать поставленные задачи. Специальные профессиональные качества состоят из совокупности полученных им знаний о профессии, специальности в целом и умении правильно применять их в своей служебной деятельности.

Указанный комплекс качеств является основополагающим в работе сотрудника пробации, потому что слабая профессиональная подготовленность не будет способствовать его работе с осужденными, которая направлена на оказание им помощи и предотвращение совершения ими повторных преступлений. Слабый в физическом, моральном отношении сотрудник не сможет работать с ранее судимым человеком, который может быть более опытным в сравнении с молодым сотрудником пробации. В связи с этим работа над совершенствованием указанных качеств сотрудника является первостепенной. Для этого он должен работать над собой. Важно, чтобы ему оказывали помощь старшие товарищи, его руководители, психологи и профессионалы в области боевой, физической и служебной подготовки.

В УИС уже на протяжении многих лет сложилась система подготовки и переподготовки сотрудников на профессиональной основе, в учебных заведениях и в учреждениях имеется необходимая методическая и учебная литература, современные программы и тесты, которые позволяют в должной форме поддерживать статус сотрудников. Проводятся занятия и деловые игры, учения и тестирования, работа по совершенствованию квалификационных требований для сотрудников, изучение нормативных правовых актов, более углубленно осуществляется обучение будущих сотрудников в учебных заведениях.

Вместе с тем требуется более серьезно относиться к созданию отечественной модели probation, для чего необходимо ввести специальность «Организация работы службы probation», определить ее цели, задачи и содержание, разработать для нее квалификационные требования, а на их основе – рабочие учебные программы и планы, блок тематических и методических материалов.

Создание модели probation будущего включает в себя этапы, предусматривающие определенное содержание: наполнение банка данных определенными ситуациями; создание определенных ситуаций, в которых разрешаются задачи, стоящие перед сотрудниками; определение блока знаний, умений и навыков, которыми должен обладать сотрудник; определение системы качеств, которыми должен обладать сотрудник.

На основе указанных компонентов должна складываться образовательная деятельность для обеспечения планируемой модели probation.

Основными целями создаваемой модели probation являются: определение современных квалификационных требований для сотрудников, подбор и расстановка кандидатов на службу в probation, постоянное повышение образовательного и профессионального уровня на основе непрерывного образовательного процесса по следующей системе: учебное заведение – повышение квалификации – подготовка и переподготовка.

Достижению поставленной цели будут способствовать полная компьютеризация рабочих мест, использование программного обеспечения, автоматизация рабочих мест, которая должна быть обеспечена банком данных подучетных лиц. Автоматизированное рабочее место (АРМ) – это не только сфера научной организации труда, но и повышение эффективности работы сотрудников, способное обеспечить выполнение поставленной задачи в более быстрое время. Использование достижений АРМ способствует идентификации вложенных усилий в общую деятельность коллектива probation, создает определенный порядок и последовательность проводимых действий.

Обозначенные вопросы по введению новой специальности «Организация работы службы probation» в образовательных учреждениях МВД Республики Казахстан, внедрение автоматизированного рабочего места сотрудника probation направлены прежде всего на качественный рост сотрудников probation, а в конечном результате – на достижение главной цели – ресоциализации и недопущения повторных преступлений со стороны подучетных лиц.

Рассматривая вопросы социально-психологической работы с кадрами и в целом полноценного обеспечения подразделений probation, особое внимание следует обратить на взаимосвязь деятельности, производной от объекта воззрения, в данном случае это лица, отбывающие наказание в первую очередь в местах лишения свободы, а затем – не связанное с лишением свободы.

В настоящее время наблюдается уменьшение количества находящихся в местах лишения свободы, в Казахстане около 29 тыс. в местах лишения свободы вместе с содержащимися в учреждениях смешанной безопасности. В Российской Федерации впервые в истории уголовно-исполнительной системы численность осужденных снижена до

500 тыс. человек. Это хорошие показатели, но здесь имеет место и другой фактор, который носит взаимосвязанный характер. Объективно идет сокращение персонала, обеспечивающего исполнение наказания. Это и специализированный, и вспомогательный персонал. Прекращение деятельности учреждения влияет на инфраструктуру населенного пункта, потому что оно оказывает определяющее влияние на его жизнедеятельность. Это и работа, и объекты социального обеспечения, питания, перевозки, гостиницы и т. д. Процесс сокращения численности осужденных в стране, являющийся необратимым и по своей социальной сути позитивным для общества, в среднесрочном и долгосрочном периоде может иметь определенное негативное влияние на положение сотрудников и их семей. В связи с сокращением штата произойдет высвобождение квалифицированных сотрудников, которые создадут конкуренцию людям на рынке труда с минимальной квалификацией, либо опытом работы, либо с возрастом. Это, в свою очередь, может повлечь увеличение числа людей, чей доход находится за чертой бедности либо близкой к ней. Эти вопросы требуют пристального внимания, потому что необходимо психологически готовить сотрудников к этой ситуации путем обучения другим смежным профессиям, получения дополнительного образования.

Библиографический список

1. Гета М. Р. Пробация в уголовном праве зарубежных стран : учеб. пособие. Усть-Каменогорск : ВКГУ имени С. Аманжолова, 2004. 51 с.
2. Саламатов Е. А. Проблемы казахстанской пробации. URL : <https://www.zakon.kz/4838204-problemy-kazakhstanskojj-probaci.html> (дата обращения: 09.01.2020).

УДК 343.8

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.226-230

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА МАЛОЛЕТКИНА,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин,
Самарский юридический институт ФСИН России,
г. Самара, Российская Федерация,
e-mail: levkovka707@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИИ (С УЧЕТОМ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПРОБАЦИИ)

Для цитирования

Малолеткина, Н. С. Правовые основы и организационное обеспечение совершенствования исполнения уголовных наказаний в России (с учетом зарубежного опыта пробации) / Н. С. Малолеткина // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 2. – С. 226–230. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.226-230.

Аннотация. Цель настоящего исследования – рассмотреть вопросы совершенствования исполнения наказаний в России с учетом зарубежного опыта пробации таких стран, как Англия и Республика Казахстан. Частично проведен сравнительный анализ деятельности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций Российской Федерации и службы пробации зарубежных стран. Выявлены определенные различия в организации работы сотрудников по контролю и надзору за осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы, в России и зарубежных странах. Интересным представился опыт досудебного доклада в Англии и взаимодействие службы пробации с судом. Особого внимания заслуживает организация службы пробации в Республике Казахстан, поскольку она выполняет свои функции на протяжении уже 4 лет и имеет положительный опыт. Установлен характер задач исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, в России и Казахстане. Данные задачи помогают сотрудникам достичь основные цели, стоящие перед ними, и выполнить свою работу на должном уровне. Задачи, определенные законом, входят в должностные инструкции, которые обязаны соблюдать и осуществлять сотрудники и службы пробации, и уголовно-исполнительных инспекций. Определены направления совершенствования исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, с учетом зарубежного опыта в изучаемой области.

© Малолеткина Н. С., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: пробация, осужденные, наказания, уголовно-исполнительная инспекция, Россия, Англия, Казахстан.

В настоящее время в России организация исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, требует своего совершенствования и решения многочисленных вопросов: отсутствия по уголовно-исполнительному законодательству стимулирования правомерного поведения осужденных, включая возможности по досрочному освобождению от отбывания наказания, недостаточности взаимодействия с судебными и иными государственными органами, в том числе на различных стадиях уголовного судопроизводства, и пр. [1, с. 139–141; 2, с. 122–126; 3, с. 44–50; 4, с. 48–52].

Ввиду этого в рамках совершенствования исполнения наказаний России считаем целесообразным изучить зарубежный опыт деятельности служб пробации, его правовые основы и организационное обеспечение, так как данное направление весьма актуально для российской уголовно-исполнительной системы (УИС) в целом и имеет хорошие перспективы для улучшения деятельности уголовно-исполнительных инспекций (УИИ) в частности.

Согласно нашему исследованию, сотрудники УИС полагают, что служба пробации в России лучше всего базировалась бы на УИИ, которые осуществляют контроль и надзор за осужденными, отбывающими наказания, не связанные с изоляцией от общества. Отмечается также, что с организационно-правовой точки зрения имеется много нерешенных вопросов в этой сфере, но законодательное урегулирование вышеуказанных и других проблемных аспектов вполне решаемо [5, с. 187–190].

Весьма интересным представляется опыт Республики Казахстан в части деятельности службы пробации. Так, согласно ч. 1 ст. 1 Закона Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. № 38-VI «О пробации» (с изменениями от 27 декабря 2019 г.; далее – Закон) служба пробации представляет собой систему видов деятельности и индивидуально определяемых мер контрольного и социально-правового характера, направленных на коррекцию поведения лиц, категории которых определены законом, для предупреждения совершения ими уголовных правонарушений. Данный Закон о деятельности службы пробации Казахстана включает в себя общие положения, перечень субъектов, осуществляющих пробацию, и их компетенцию, виды пробации и особенности ее осуществления, заключительные положения.

Цель пробации согласно Закону – это организация в способствовании реализации безопасности в обществе благодаря таким основным мероприятиям, как:

- 1) исправление поведения подозреваемого или обвиняемого;
- 2) ресоциализация осужденного;
- 3) помощь в приспособлении лица, освобожденного из учреждения уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы, к социальным условиям жизни, и разрешение вопросов последующей реабилитации.

Между тем в России вопросами ресоциализации осужденного в основном занимаются заблаговременно в местах лишения свободы. Так, несколько раз в неделю с осужденными проводятся занятия с целью подготовки их к освобождению из исправительных учреждений. При этом перед сотрудниками УИИ не ставится задача по оказанию помощи в ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, а также тех, кому было назначено наказание, не связанное с изоляцией от общества.

Заслуживает особого внимания такая цель службы пробации Казахстана, как коррекция поведения подозреваемых и обвиняемых.

Изучив данный вопрос и проведя аналогию с российским подходом к данной сфере, хотелось бы отметить, что в нашей стране не осуществляется, как таковой, коррекции поведения

подозреваемых и обвиняемых, в том числе находящихся во время проведения следствия в следственных изоляторах, и сотрудников УИС, специально занимающихся этой проблемой, на сегодняшний день нет. Вопросами же коррекции поведения подозреваемых, обвиняемых, осужденных отчасти занимаются психологи, состоящие на службе в УИС, и особое внимание они уделяют только тем категориям осужденных, которые по результатам психологического тестирования и данных, полученных от других сотрудников исправительных учреждений, нуждаются в подобного рода психологической помощи.

Возможно, для совершенствования деятельности учреждений и органов УИС в России и предупреждения совершения повторных преступлений было бы логично перенять опыт службы пробации Республики Казахстан по коррекции поведения подследственных и недопущению ими противоправного поведения для уменьшения уровня совершаемых преступлений. В то же время очевидно, что для этого необходимо выделение дополнительных штатных единиц для выполнения такого рода работ.

Что касается ч. 4 ст. 1 Закона, то здесь можно увидеть сходство в выполнении основных задач в деятельности службы пробации в Казахстане и УИИ в России. К таковым относится следующее:

- 1) лицам, стоящим на учете, оказывать правовую и социальную помощь;
- 2) согласно действующему законодательству должным образом исполнять все виды наказаний, не связанных с изоляцией от общества;
- 3) осуществлять контроль за осужденными, отбывающими наказания в условиях изоляции от общества, осужденными условно, освобожденными условно-досрочно от отбывания наказания в виде лишения свободы.

К субъектам, осуществляющим пробацию в Казахстане, согласно ст. 7 Закона относятся государственные органы, которые действуют в пределах своей компетенции, члены общественных организаций, юридические лица. К сожалению, в России общественные объединения преимущественно имеют отношение к деятельности только исправительных учреждений, но не к исполнению наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Наоборот, в Республике Казахстан общественные организации имеют право разрабатывать и внедрять различные программы, проекты, которые нацелены на совершенствование всей службы пробации, оказывать поддержку, помощь лицам, стоящим на учете, в широком спектре вопросов, в случае необходимости организовывать анкетирование, социальные опросы по наиболее актуальным темам. Члены общественных организаций также наделены правом принимать участие в обсуждении некоторых проектов нормативно-правовых актов и работать в группах по оказанию консультативной помощи.

В России общественные организации не наделены таким широким кругом полномочий, как в Казахстане, но за последние годы их роль, в частности общественных наблюдательных комиссий, в деятельности исправительных учреждений возросла и с каждым годом становится все более значимой. Представляется, что перенять этот опыт у службы пробации Казахстана в части взаимодействия с общественными организациями было бы актуально для нашей страны.

Считаем также необходимым кратко рассмотреть деятельность службы пробации в Англии, которая с 1 апреля 2017 г. была преобразована из службы с правонарушителями в службу тюрем и пробации, действующую по настоящее время. Изменения были связаны с необходимостью как можно быстрее ограничить от осуществления тех функций, которые нехарактерны службе пробации (например, решение таких вопросов, как совершенствование и развитие пенитенциарной политики государства, реализация законодательских проектов и т. д.). Она представлена в двух видах: как общественная (государственная) и частная про-

бация. К слову, очень сложно представить, как бы выглядела в России частная организация (служба), исполняющая наказания, не связанные с изоляцией от общества (представляется, что этот вопрос требует отдельного рассмотрения в рамках развития государственно-частного партнерства в российской пенитенциарной сфере [6, с. 94–99; 7, с. 76–79; 8, с. 31–33; 9]).

Служба пробации Англии осуществляет свою деятельность в отношении лиц, совершивших тяжкие насильственные (все сексуальные посягательства), а также менее тяжкие преступления, за которые назначается наказание на срок более 12 месяцев тюремного заключения. Одной из основных задач службы является партнерство с судами, в том числе с мировыми судьями (последние рассматривают дела о мелких уголовных правонарушениях).

Сотрудники службы пробации в Англии постоянно взаимодействуют с судами для обсуждения предоставления досудебных докладов. Вопрос о том, какая инстанция (государственная или частная служба пробации) будет контролировать правонарушителя, решается после подготовки досудебного доклада. Суд обычно и является инициатором досудебного доклада в отношении, как правило, лиц, совершивших менее тяжкие уголовные правонарушения. Подобного рода доклад, как правило, бывает в устной и письменной форме. Устную форму доклада применяют в случае необходимости быстрее разрешения дела, но так или иначе в последующем обязательно представляется документ соответствующего образца. Что касается более тяжких правонарушений, то к досудебному докладу применяются сроки от 15 до 21 дня в зависимости от материалов дела.

Интересным в службе пробации Англии представляются критерии оценивания сотрудников службы (офицеров): за большое количество повторных правонарушений лиц, стоящих на учете (рецидив), сотрудники никак не наказываются и не несут ответственность в рамках дисциплинарной ответственности. По методу случайного выбора организуется проверка отчетов сотрудников-офицеров, происходит это один-два раза в год. К критериям оценивания осуществляемого объема работы сотрудников пробации относится не количество рецидивов, а статистические данные по изменению рисков, которые свидетельствуют о результативности проведенных профилактических, коррекционных работ в отношении правонарушителя (проведение бесед, психологические тренинги, анкетирование, контрольные мероприятия и т. д.).

Правовые основы и организационное обеспечение деятельности службы пробации Англии и досудебной системы Российской Федерации по исполнению таких наказаний, как ограничение свободы или условное осуждение, отличны друг от друга.

Что касается совершенствования в России организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, то по опыту деятельности службы пробации в Англии хотелось бы отметить следующее:

1) вряд ли целесообразно для отечественной пенитенциарной системы образование частного вида организации исполнения наказаний (схожей с частной службой пробации в Англии);

2) положительным представляется совершенствование взаимодействия с судом, в ходе чего обсуждаются вопросы своевременности и качества предоставления досудебных докладов, где инициатором выступает суд (особенно это важно ввиду повышения за последние годы нагрузки на сотрудников УИИ с учетом увеличения числа осужденных, состоящих у них на учетах);

3) по примеру английского опыта актуальна при составлении досудебного доклада организация надлежащего контакта офицера пробации с самим правонарушителем, в том числе по видео- или конференцсвязи (что затруднительно в нашей стране в связи с недостаточной технической оснащенностью УИИ);

4) оценка профессиональной деятельности сотрудника пробации в Англии заключается в том, что он не несет персональной (например, дисциплинарной) ответственности за факты повторных правонарушений со стороны подконтрольных лиц.

Проведенный анализ организационных и правовых основ в деятельности служб пробации Англии и Республики Казахстан позволяет нам говорить об определенных сходных и различных чертах с пенитенциарной системой нашей страны, а именно с осуществлением основных функций сотрудников УИИ. Для совершенствования и перехода к иной системе исправления осужденных без изоляции от общества в России необходимо внести изменения в ряд нормативно-правовых актов в части введения дополнительных обязанностей сотрудникам инспекций по контролю за осужденными (участие их в социальных и реабилитационных мероприятиях, организуемых инспекциями, в том числе в специальных корректирующих психологических программах) и поэтапно менять и перестраивать работу УИИ.

Таким образом, очевидны направления совершенствования в России исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, с учетом зарубежного опыта пробации.

Библиографический список

1. Казак Б. Б. Проблемы повышения эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций при исполнении ограничения свободы // Закон и право. 2016. № 4. С. 139–141.

2. Крымов А. А. Уголовно-процессуальные аспекты деятельности уголовно-исполнительных инспекций: некоторые проблемы регулирования // Вестник Кузбасского института. 2019. № 4(41). С. 122–126.

3. Скиба А. П. О регулировании приостановления исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества // Международный пенитенциарный журнал. 2016. № 1(5). С. 44–50.

4. Смирнова И. Н. Актуальные проблемы организации деятельности уголовно-исполнительных инспекций по исполнению исправительных работ // Человек: преступление и наказание. 2015. № 4(91). С. 48–52.

5. Малолеткина Н. С. Организационные и правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций России и служб пробации зарубежных стран // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : сб. тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 20–22 нояб. 2019 г.) : в 10 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2019. Т. 3 : Материалы международных научно-практических конференций и круглых столов. С. 187–190.

6. Белик В. Н., Скиба А. П. Вопросы государственно-частного партнерства в сфере исполнения лишения свободы: состояние, анализ и имплементация в отечественную правоприменительную практику // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 94–99.

7. Ефремова Д. В., Насреддинова К. А. Частные тюрьмы в Российской Федерации // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе : сб. материалов Междунар. науч. конф. адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2018. С. 76–79.

8. Родионов А. В. Стратегия развития уголовно-исполнительной политики в сфере организации труда осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12(1–4). № 1. С. 31–33.

9. Скиба А. П. Негосударственные места лишения свободы и проблемы оказания медицинской помощи осужденным в России: история и современность : монография / под общ. ред. Ю. А. Кашубы. Ростов н/Д : Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 2010. 203 с.

УДК 343.847

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.231-236

ИРИНА НИКОЛАЕВНА СМИРНОВА,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры организации режима
и оперативно-розыскной деятельности в УИС,
Псковский филиал Академии ФСИН России,
г. Псков, Российская Федерация,
e-mail: irina_smi69@mail.ru;

ЛЮДМИЛА ЮРЬЕВНА БУДАНОВА,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры организации режима
и оперативно-розыскной деятельности в УИС,
Псковский филиал Академии ФСИН России,
г. Псков, Российская Федерация,
e-mail: milabudanovapskov@mail.ru;

ВЯЧЕСЛАВ БОРИСОВИЧ ШАБАНОВ,

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой криминалистики,
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: lawcrim@bsu.by

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Для цитирования

Смирнова, И. Н. Организационно-правовое обеспечение правоохранительной деятельности уголовно-исполнительных инспекций в сфере исполнения мер пресечения / И. Н. Смирнова, Л. Ю. Буданова, В. Б. Шабанов // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 2. – С. 231–236. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.231-236.

Аннотация. В статье на основе анализа действующего законодательства рассматриваются отдельные вопросы избрания и применения мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий к подозреваемым или обвиняемым. Обосновываются особенности зачета срока меры пресечения в срок наказания, осуществляется разграничение домашнего ареста и запрета определенных действий. Раскрывается роль службы обработки данных системы

© Смирнова И. Н., Буданова Л. Ю., Шабанов В. Б., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

электронного мониторинга подконтрольных лиц в предотвращении их попыток уклониться от контроля уголовно-исполнительной инспекции и скрыться от органов дознания, следствия и суда, а также в оперативном реагировании на выявляемые нарушения. Рассматриваются выявленные в процессе проведения исследования и анализа официальных данных возникающие в указанной сфере деятельности уголовно-исполнительной инспекции организационно-правовые проблемы.

Ключевые слова: меры пресечения, домашний арест, запрет определенных действий, уголовно-исполнительная инспекция, частичная изоляция лица, полная изоляция лица, организационно-правовое обеспечение функционирования уголовно-исполнительных инспекций, система электронного мониторинга подконтрольных лиц.

В современных условиях уголовная политика Российского государства акцентирует внимание на усилении борьбы с тяжкими и особо тяжкими преступлениями при одновременном смягчении уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести. Концептуальными положениями развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации определяется активное применение альтернативных лишению свободы видов наказания [1, с. 297–304], что подтверждается и данными официальной статистики, в соответствии с которыми в 2018 г. по учетам уголовно-исполнительных инспекций (УИИ) прошло более миллиона человек, что на 45 тыс. больше показателя предыдущего года (обзор ФСИН России об итогах деятельности уголовно-исполнительных инспекций в 2018 г.).

Происходящие изменения на практике обусловили также необходимость реформирования уголовно-процессуального закона в области применяемых к подозреваемым или обвиняемым мер пресечения, альтернативных заключению под стражу, что привело к увеличению количества подучетных лиц в уголовно-исполнительных инспекциях, в частности, за счет того, что на них был возложен контроль за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений, залога и запрета определенных действий (федеральные законы от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста»).

Избрание судами подозреваемым или обвиняемым меры пресечения в виде заключения под стражу в последние годы неуклонно снижается. Так, за 1-е полугодие 2019 г. судами избрана мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении 47 951 подозреваемого или обвиняемого, а в 1-м полугодии 2018 г. – в отношении 51 811 (данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL : <http://www.cdep.ru>), причем в 2018 г. по учетам уголовно-исполнительных инспекций прошло 22 417 подозреваемых (обвиняемых), в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, 944 подозреваемых (обвиняемых), в отношении которых избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий, и 21 – в виде залога (обзор ФСИН России о результатах анализа применения в деятельности УИИ оборудования СЭМПЛ при

осуществлении надзора и контроля за осужденными к ограничению свободы и лицами, находящимися под домашним арестом).

Приведенные данные свидетельствуют о применении меры пресечения в виде запрета определенных действий по отношению к лицу без полной его изоляции от общества, что ранее обеспечивалось избранием меры пресечения в виде домашнего ареста с частичной изоляцией лица и стало невозможным при нынешней редакции ст. 107 УПК РФ.

Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» существенно изменил применение ранее действовавших мер пресечения и ввел в действие новую меру пресечения, таким образом, подходы к избранию судом мер пресечения, а также их определение подверглось пересмотру законодателем. Так, если ранее мера пресечения в виде домашнего ареста предполагала полную или частичную изоляцию лица от общества в пределах жилого помещения, то в настоящей редакции нормы законодатель предусматривает только полную изоляцию, так же как и ранее с доставкой лица на следственные или процессуальные действия на транспорте уголовно-исполнительной инспекции.

В свою очередь, запрет определенных действий предполагает частичную изоляцию в пределах определенного жилого помещения, так как на подозреваемого или обвиняемого может быть наложен запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях [2, с. 49]. При этом законными основаниями проживания в жилом помещении в практической деятельности признается и найм помещения без соответствующей регистрации такого договора в регистрационной палате, а также совместное проживание с сожителями без соответствующей регистрации в помещении, то есть фактическое представление.

Согласно ч. 1 ст. 107 УПК РФ домашний арест заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, а согласно п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ суд может возложить на подозреваемого или обвиняемого запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения. При этом промежуток периода времени, в который подозреваемому или обвиняемому запрещено выходить за пределы жилого помещения, не установлен, то есть суд может ограничиваться несколькими часами, что по факту будет являться частичной изоляцией.

Таким образом, целесообразно законодательно установить, что понимается в уголовно-процессуальном законе под изоляцией лица от общества полной или частичной, а также регламентировать понятие запрета и ограничения права покидать жилое помещение и их отличие от изоляции.

Использование стационарных средств контроля также разрешено в таких помещениях по аналогии с домашним арестом, однако в практической деятельности лица, проживающие совместно с подозреваемым или обвиняемым, которому избрана мера пресечения в виде домашнего ареста или запрета определенных действий, заявляют о нежелании подключать в помещении такие устройства и ссылаются на возросшую оплату электроэнергии за их использование.

Кроме того, частичная, а не полная изоляция подозреваемого или обвиняемого обуславливает возможность применения запрета определенных действий на максимальный срок, больший относительно домашнего ареста (в отношении подозреваемых, обвиняемых в особо тяжких преступлениях – до 36 месяцев). Кроме того, в уголовно-

процессуальном законе не установлен порядок зачета меры пресечения в виде запрета определенных действий в итоговый срок наказания, что приводит к отсутствию единого подхода к исчислению сроков наказания при зачете мер пресечения [3, с. 22], а также к применению частичной изоляции лица, полностью схожей с домашним арестом в редакции ст. 107 УПК РФ, до принятия Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста», без зачета в срок отбывания наказания.

Представляется целесообразным при установлении частичной изоляции от общества в виде запрета покидать жилое помещение в определенное время законодательно установить зачет такого времени в срок наказания по аналогии с домашним арестом, а при запретах, касающихся только воздержания от определенных действий, то есть деятельности, например управлять транспортным средством, зачета не производить.

Тем самым мера пресечения в виде запрета определенных действий представляет собой частично домашний арест до внесения указанных выше изменений федеральным законодательством, а частично – уголовное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, может применяться к более широкому кругу подозреваемых или обвиняемых и позволяет без зачета ее срока в наказание и доставки лица за счет бюджетных средств добиться схожих условий изоляции с домашним арестом.

Следует отметить существующую проблематику в конструкции нормы ст. 105.1 УПК РФ относительно возможности применения сразу нескольких мер пресечения, так как к подозреваемому или обвиняемому, которому избран домашний арест или залог, может быть применен один или несколько запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, что противоречит ст. 97 УПК РФ об избрании в отношении указанных лиц только одной меры пресечения [4, с. 118].

Что касается организационно-правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительных инспекций, то в последние годы большое внимание уделяется его совершенствованию, не меньшее значение в рамках обеспечения эффективности возложенных на них задач придается укреплению их материально-технической базы, внедрению в работу новых форм и методов, что позволит добиться снижения уровня повторной преступности подучетных лиц. Относительно осуществления контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов определенных действий следует отметить, что у уголовно-исполнительных инспекций отсутствует инструкция по применению, в практической деятельности такой контроль и документационное обеспечение осуществляются по аналогии с домашним арестом, несмотря на норму, содержащуюся в ч. 11 ст. 105.1 УПК РФ, согласно которой «порядок осуществления такого контроля определяется нормативными правовыми актами, утверждаемыми федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, совместно со Следственным комитетом Российской Федерации и федеральными органами исполнительной власти, в состав которых входят органы предварительного следствия, по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации».

Таким образом, отсутствие инструкций у уголовно-исполнительной инспекции по контролю за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов определенных действий и применение аналогии с контролем за нахождением подозреваемого или

обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста может фактически «заменить» домашний арест, так как это позволит подозреваемым или обвиняемым, страдающим определенными заболеваниями, посещать медицинские учреждения, самостоятельно являться по вызову следователя, дознавателя или в суд. При этом можно достичь необходимой степени изоляции лица в пределах жилого помещения, а также применить к подозреваемому или обвиняемому больший круг обязательств, чем домашний арест [5, с. 167].

В настоящее время в практической деятельности продолжают возникать проблемы и в рамках реализации уголовно-исполнительной инспекцией задач по контролю за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста [3, с. 20].

Так, доставка подозреваемого или обвиняемого на следственные и процессуальные действия должна обеспечиваться сотрудником уголовно-исполнительной инспекции и на ее автотранспорте, что на практике сопряжено с определенными трудностями.

Кроме того, практические работники отмечают, что доставка подозреваемых или обвиняемых, которым избран домашний арест, соотносима с бесплатным «государственным такси» и существенно затрудняет деятельность УИИ, особенно в случае неисправности транспортного средства. При этом возложение обязанности на подозреваемого или обвиняемого самостоятельно являться на следственные действия не представляется возможным, поскольку ст. 107 УПК РФ определяет домашний арест как нахождение подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, тем самым самостоятельное следование к месту проведения следственных действий не обеспечит такую изоляцию.

Необходимо, однако, отметить, что нарушение условий меры пресечения в виде домашнего ареста подозреваемым или обвиняемым не всегда является основанием для его замены судом на заключение под стражу. Так, суды, помимо допущенных нарушений, учитывают состояние здоровья подозреваемого или обвиняемого, а также его явку на следственные или судебные действия и указывают на отсутствие оснований для замены домашнего ареста на заключение под стражу ввиду состояния здоровья, тем самым УИИ не имеет должных действенных мер воздействия на подозреваемых или обвиняемых, поскольку указанная деятельность по контролю за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста не свойственна уголовно-исполнительным инспекциям.

Представляется целесообразным расширить взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел и предусмотреть соответствующий показатель их совместной деятельности по исследуемому направлению деятельности.

Большое значение в эффективности деятельности УИИ в сфере контроля и надзора за лицами, в отношении которых избраны меры пресечения, имеет применение оборудования системы электронного мониторинга подконтрольных лиц. Это обусловлено тем, что использование электронных средств надзора и контроля в отношении подконтрольных лиц указанных категорий является сдерживающим фактором от совершения ими повторных преступлений, иных правонарушений, невыполнения условий исполнения меры пресечения (обзор ФСИН России о результатах анализа применения в деятельности УИИ оборудования СЭМПЛ при осуществлении надзора и контроля за осужденными к ограничению свободы и лицами, находящимися под домашним арестом).

В заключение необходимо отметить, что в настоящее время в территориальных органах ФСИН России созданы службы обработки данных системы электронного монито-

ринга подконтрольных лиц, в обязанности сотрудников которых входит осуществление постоянного мониторинга поступающих сообщений о нарушениях подконтрольными лицами и снятие тревожных сообщений после соответствующих проверок по выявленным нарушениям. Это направлено на предотвращение попыток уклониться от контроля уголовно-исполнительной инспекции и скрыться от органов дознания, следствия и суда, оперативного реагирования на выявляемые нарушения [6, с. 5–6].

Однако, согласно официальным данным ФСИН России и результатам проведенного исследования, на практике выявляются факты ненадлежащего ведения журнала учета нарушений, допущенных подконтрольными лицами, неисправностей, отказов или сбоев в работе оборудования системы электронного мониторинга подконтрольных лиц. Кроме того, имеются факты снятия тревожных сообщений системы электронного мониторинга подконтрольных лиц сотрудниками службы обработки данных без осуществления необходимых проверок и оснований; сообщения о нарушениях расписания присутствия подконтрольного лица в месте исполнения меры пресечения более 15 минут необоснованно снимаются «техническим сбоем»; отсутствует контроль службы обработки данных за разрешенным временем прогулок подконтрольных лиц.

Изложенное еще раз подтверждает необходимость дополнительной проработки вопросов организационно-правового обеспечения в сфере исполнения мер пресечения с целью эффективной реализации поставленных перед уголовно-исполнительными инспекциями задач в рассматриваемом направлении деятельности.

Библиографический список

1. Смирнова И. Н. Некоторые аспекты функционирования специализированных государственных органов в сфере исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : сб. тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 20–22 нояб. 2019 г.) : в 10 т. Рязань, 2019. Т. 3 : Материалы международных научно-практических конференций и круглых столов. С. 297–304.
2. Орлов А. Е. Актуальные проблемы реализации домашнего ареста в свете введения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2018. № 5(31). С. 48–51.
3. Петровских А. С., Смахтин Е. В. Запрет определенных действий: толкование и проблемы применения // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 4. С. 19–25.
4. Николаева М. И. Новая мера пресечения «запрет определенных действий» в уголовном процессе России // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 2. С. 117–123.
5. Новикова Е. А., Черкасова Е. А., Лакеева Е. В. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе // Социальные и политические науки. 2018. № 3. С. 165–167.
6. Честно и добросовестно служить Закону и народу! (интервью с начальником УОИНИО ФСИН России Е. А. Коробковой) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2019. № 5. С. 3–14.

УДК 343.83

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.237-250

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ ДОЛИНИН,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры управления и организации деятельности
уголовно-исполнительной системы,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: aleksander.dolinin@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ В РАБОТЕ С КАДРАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Для цитирования

Долинин, А. Ю. Проблемы применения методов управления в работе с кадрами уголовно-исполнительной системы / А. Ю. Долинин // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 2. – С. 237–250. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.237-250.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем применения методов управления в работе с кадрами уголовно-исполнительной системы и содержит предложения по совершенствованию их практического применения. Затронутая тема актуальна в связи с тем, что в деятельности системы управления персоналом учреждений и органов уголовно-исполнительной системы применяется далеко не весь спектр методов управления и воздействия на работников. Современная наука и практика кадрового менеджмента выработала широкий спектр инструментов воздействия на персонал организации. Применяемые в настоящее время общие методы управления персоналом включают в себя как традиционные способы воздействия (экономические и административные), так и целый комплекс социально-психологических методов, базирующихся на способах мотивации и морального воздействия. Административные методы имеют прямое воздействие на персонал, а экономические и социально-психологические – косвенное, поэтому эффект от их применения проявляется не сразу. Частные методы предназначены для использования общих методов в конкретных условиях. Их классифицируют по различным признакам, чаще всего по элементам процесса управления персоналом. На практике наибольший эффект достигается от комплексного применения методов управления. Однако, несмотря на теоретическую обоснованность системного использования методов воздействия на работников в практике управления персоналом многих российских организаций, в том числе учреждений и органов Федеральной службы исполнения наказаний, чаще всего применяются методы принуждения, как административные, так и экономические, часто в форме различных дисциплинарных и денежных санкций. В настоящее время в учреждениях

© Долинин А. Ю., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

и органах уголовно-исполнительной системы имеются явные проблемы с реализацией метода экономического стимулирования сотрудников. Правовые нормы материального стимулирования регулируются на федеральном уровне, а его размер определяется возможностями бюджета Российской Федерации. При этом отсутствие существенной дифференциации в денежном довольствии и социальном обеспечении различных категорий персонала уголовно-исполнительной системы в зависимости от сложности и напряженности их служебной деятельности не позволяет в полной мере раскрыть все возможности их материального стимулирования. Сложность эффективного применения социально-психологических методов управления в современных условиях обусловлена рядом объективных факторов: нестабильностью экономического состояния многих организаций, их финансовыми трудностями и т. п. Уголовно-исполнительная система в данном случае не является исключением. Наблюдается явный дисбаланс между регламентацией социально-психологических методов управления персоналом уголовно-исполнительной системы и практикой их применения. Проведенный анализ позволил сформулировать следующие основные направления повышения эффективности применения методов управления в работе с кадрами учреждений и органов уголовно-исполнительной системы:

руководящему составу учреждений и органов уголовно-исполнительной системы оперативно-служебные отношения с персоналом целесообразно выстраивать на основе принципов производственной демократии и социального партнерства;

применение методов административного воздействия на сотрудников уголовно-исполнительной системы должно исходить из четкой регламентации деятельности каждого сотрудника, благодаря чему появляется возможность применять наиболее эффективные методы распорядительного и дисциплинарного управления, адекватно воспринимаемые персоналом;

совершенствование методов экономического воздействия на сотрудников уголовно-исполнительной системы должно базироваться на необходимости повышения стимулирующих функций применяемой системы денежного довольствия и социально-экономических льгот;

применяемые средства социально-психологического воздействия на сотрудников должны способствовать корректировке их целевых установок, интересов, взглядов, чувств, стремлений и настроений. Использование методов социально-психологического воздействия на персонал должно основываться на согласовании интересов учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и отдельных сотрудников.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, работа с кадрами, персонал уголовно-исполнительной системы, система управления персоналом, методы управления.

В современных условиях кадровые ресурсы являются главным конкурентным преимуществом любой организации. Качество кадровых ресурсов и эффективность их использования во многом определяют эффективность деятельности организации, ее результативность, прибыльность и конкурентоспособность. Современная концепция менеджмента, включая такие его разновидности, как кадровый менеджмент, стратегический менеджмент, рассматривает персонал организации как ее важнейший ресурс,

а систему управления персоналом – как важнейший из обеспечивающих подсистем организации.

В любой организации система управления персоналом является сложным механизмом взаимодействия руководителей организации, ее структурных подразделений и работников различных категорий в процессе осуществления совместной деятельности. Руководящий персонал организации выступает в качестве управляющей подсистемы системы управления персоналом и является субъектом управления. Управляемая подсистема (объект управления) системы управления персоналом включает в себя все структурные подразделения и весь персонал организации.

Для эффективного использования персонала необходимо целенаправленно воздействовать на человеческую составляющую организации. В современных условиях процесс управления персоналом заключается именно в целесообразном воздействии как на целые структурные подразделения организации, так и непосредственно на конкретных работников.

Следовательно, основными целями системы управления персоналом современной организации являются:

- экономический рост организации, следствием которого станет повышение уровня жизни и благосостояния ее персонала;
- полная занятость персонала организации, при которой появляется возможность найти каждому работнику подходящее место работы;
- экономическая эффективность деятельности каждого работника организации;
- социально-экономическая свобода работников, которая позволяет осуществлять их деятельность самостоятельно и творчески;
- справедливое распределение доходов в зависимости от личного вклада каждого работника [1, с. 23].

Достичь указанных целей системы управления персоналом возможно только при эффективном воздействии на работников организации. Именно поэтому современный менеджмент главное внимание уделяет человеческому фактору.

Затронутая тема актуальна в связи с тем, что в деятельности системы управления персоналом учреждений и органов уголовно-исполнительной системы применяется далеко не весь спектр методов управления и воздействия на работников, что позволяет внести конкретные предложения по совершенствованию системы управления персоналом.

Современная наука и практика кадрового менеджмента выработала широкий спектр инструментов воздействия на персонал организации для повышения производительности его труда и достижения стратегических организационных целей. Большинство авторов считают, что применяемые в настоящее время общие методы управления персоналом включают в себя как традиционные способы воздействия (экономические и административные), так и целый комплекс социально-психологических методов, базирующихся на способах мотивации и морального воздействия [2, с. 106–107; 3, с. 56; 4, с. 67; 5]. Они различаются способом воздействия руководителя на персонал.

Однако в литературе встречается иная классификация общих методов управления персоналом. Существует представление о том, что в зависимости от характера воздействия на человека выделяют методы стимулирования, информирования, убеждения, а также административного принуждения [6, с. 34].

Несмотря на то что общие методы управления персоналом направлены на решение главных проблем и в целом отражают сущность системы воздействия на персонал, они не всегда позволяют непосредственно решать управленческие задачи в конкретной си-

туации. В связи с этим частные методы предназначены для использования общих методов в конкретных условиях, поэтому в каждой организации применяются конкретные частные методы, свойственные ее специфике и традициям.

Практическое применение методов управления (руководство) реализуется с помощью определенных средств – это те ресурсы, использование которых обеспечивает влияние руководителя на подчиненного для выполнения им поставленных задач и достижения целей. По отношению к субъекту управления все средства руководства классифицируются на позитивные и негативные; принуждение и убеждение.

Все средства руководства можно разделить на четыре группы:

1) средства физического воздействия (физические угрозы и принуждения, побои, сексуальные домогательства и т. п.), использование которых недопустимо;

2) административные средства (административные санкции: предоставление или лишение необходимой информации для решения поставленных задач; поощрение и наказание; повышение или понижение в должности; отстранение от должности; грамоты; звания и т. п.);

3) экономические средства (использование материальных ресурсов: зарплата, премия, различные социальные блага и т. п.);

4) социально-психологические средства (совокупность средств социального, психологического и воспитательного воздействия на персонал) [7, с. 250–251].

Различные средства могут применяться одновременно.

В современном менеджменте обосновывается необходимость комплексного применения всех выработанных управленческой наукой методов управления персоналом. Однако, несмотря на теоретическую обоснованность системного использования методов воздействия на работников, в практике управления персоналом многих российских организаций чаще всего применяются методы принуждения, как административные, так и экономические, часто в форме различных дисциплинарных и денежных санкций. При этом методы убеждения, к которым относятся социально-психологические методы, применяются существенно реже.

Изложенное в полной мере относится и к деятельности системы управления персоналом учреждений и органов ФСИН России, поскольку многие руководители преимущественно используют методы административного воздействия на подчиненных сотрудников. Экономическое стимулирование в практике управления персоналом уголовно-исполнительной системы используется значительно реже, что не всегда обусловлено исключительно недостаточным финансированием.

Вместе с тем теория менеджмента показывает, что в современных условиях должно меняться отношение к персоналу в сторону социальной направленности. Современная концепция кадрового менеджмента признает приоритет интересов персонала перед организационными интересами, что в конечном счете сказывается на эффективной деятельности организации. Безусловно, в чистом виде подобный подход достаточно условно может использоваться в уголовно-исполнительной системе, учитывая возложенные на систему задачи и функции, дисциплинарные и субординационные отношения сотрудников, однако он должен служить основным ориентиром для эффективного руководителя.

Степень эффективности управленческого воздействия различных методов управления неодинакова. В немалой степени это обусловлено тем, что эффект от различных методов управления проявляется по-разному. Необходимо обратить внимание на то, что административные методы управления характеризуются преимущественно

прямым характером воздействия на персонал. В свою очередь, характер воздействия экономических и социально-психологических методов преимущественно косвенный, поэтому эффект от их применения проявляется не автоматически, а через определенный промежуток времени.

Результативность деятельности системы управления персоналом организации определяется эффективностью применяемых методов. При этом необходимо учитывать, что любой метод управления может иметь позитивное и негативное воздействия на персонал. Негативное воздействие методов управления на персонал снижает эффективность их деятельности, а позитивное – наоборот, повышает. Следовательно, именно использование позитивного влияния методов управленческого воздействия будет иметь как экономический, так и социальный эффект. В связи с этим целесообразно рассмотреть выработанные наукой управления персоналом способы позитивного и негативного воздействия руководителей на работников, а также условия, при которых эти способы применяются.

Суммировав мнения специалистов, полученные из теоретических источников, можно сделать вывод о том, что система административных методов управления включает в себя:

- организационно-стабилизирующие методы, устанавливающие общие принципы работы с персоналом на государственном уровне в форме законов, подзаконных нормативных правовых актов, государственных стандартов и иных нормативных документов, регламентирующих социально-трудовые отношения;
- методы организационного воздействия (инструктирование, регламентирование и нормирование труда), устанавливающие и закрепляющие цели, задачи и функциональные обязанности, полномочия и ответственность персонала в конкретной организации;
- распорядительные методы, применяемые в процессе оперативного управления персоналом организации. Они реализуются в форме приказов, распоряжений, решений, указаний руководства;
- дисциплинарные методы, применяемые для поддержания стабильности организационных связей и отношений внутри организации. Они выражаются в установлении и реализации различных форм ответственности и контроля, а также применении негативных стимулов (взысканий, штрафов) за неисполнение организационно-административных актов управления.

Таким образом, административные методы управления персоналом базируются на системе следующих нормативных актов:

- законодательные и подзаконные акты государства;
- нормативные акты вышестоящих структур управления;
- локальные нормативные акты организации;
- письменные и устные акты оперативного управления.

Специалисты отмечают специфику применения различных методов воздействия в рамках административных методов. Так, по мнению А. П. Егоршина, организации, где высок уровень организационного воздействия на персонал, трудовой и исполнительской дисциплины работников, не испытывают значительных потребностей в применении распорядительных воздействий. Напротив, потребность в постоянном оперативном распорядительном воздействии испытывают организации с низким уровнем организационного воздействия на персонал (неэффективное инструктирование, регламентирование и нормирование труда персонала) [8, с. 263].

Организационно-стабилизирующие методы выступают в форме законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, государственных стандартов и иных нормативных документов, регламентирующих социально-трудовые отношения на федеральном уровне. Их воздействие на персонал всех организаций, осуществляющих производственно-хозяйственную деятельность на территории Российской Федерации, должно быть одинаковым. Основным инструментом организационно-стабилизирующего воздействия на персонал отечественных организаций является Трудовой кодекс Российской Федерации. В связи с этим при правильном применении трудового законодательства организационно-стабилизирующие методы должны позитивно воздействовать на персонал конкретной организации.

В учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы основным законодательным актом, применяемым в рамках реализации организационно-стабилизирующих административных методов управления, является Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в закон Российской Федерации „Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”». В настоящее время активно формируется ведомственная нормативная база, призванная обеспечить эффективную реализацию указанного закона. Представляется, что скорейшая разработка и принятие ведомственных нормативных правовых актов по вопросам прохождения службы в уголовно-исполнительной системе во исполнение изменившегося законодательства позволит увязать различные аспекты управления персоналом, будет способствовать упорядочению служебных отношений в учреждениях и органах ФСИН России и в конечном счете обеспечит позитивное воздействие на сотрудников.

Негативное организационное воздействие проявляется в случае отсутствия или использования устаревших или неэффективных регламентов, недоступных для персонала. Напротив, рост регламентации управления способствует проявлению позитивного организационного воздействия. Для учреждений и органов уголовно-исполнительной системы регламентация управления заключается прежде всего в подготовке нормативных документов локального уровня, таких как должностные инструкции работников, положения о структурных подразделениях, различные инструкции по видам деятельности.

Позитивное распорядительное воздействие достигается в результате издания четких распорядительных актов, применения эффективной системы контроля исполнения принятых решений, а также когда руководители структурных подразделений отдают подчиненным сотрудникам четкие распоряжения с указанием конкретных поручений и сроков их исполнения. Негативными (неэффективными) являются нечеткие, расплывчатые или противоречивые, а также неконтролируемые распорядительные воздействия.

Методы дисциплинарного воздействия имеют позитивную направленность в случае баланса между административными методами наказания и поощрения. В противном случае они имеют негативную направленность и часто приводят к ухудшению кадровой ситуации в организации.

Представляется, что применение дисциплинарных методов в практике управления персоналом уголовно-исполнительной системы имеет позитивную направленность, когда дисциплинарное воздействие базируется на принципах неотвратимости, справедливости, адекватности и нормативности. Последний принцип предполагает четкую регламентацию процедуры дисциплинарного воздействия, а также возможность обжаловать его или его последствия для сотрудника. Обновленная нормативная база по вопросам

организации работы с кадрами уголовно-исполнительной системы в настоящее время позволяет реализовать указанные принципы.

Так, приказом Минюста России от 12 сентября 2019 г. № 202 утвержден Дисциплинарный устав уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, в котором впервые в отдельном нормативном акте предпринята попытка регламентировать дисциплинарные отношения в уголовно-исполнительной системе, несмотря на то что сам документ новых правовых новелл не содержит. Приказом Минюста России от 11 сентября 2019 г. № 200 впервые в нормотворческой практике уголовно-исполнительной системы утвержден Порядок рассмотрения служебного спора в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.

По мнению специалистов, роль административных методов воздействия на персонал в последнее время снизилась. Преобладающее значение приобретают социально-экономические и социально-психологические методы управления [9, с. 165]. При этом считается, что применение организационного воздействия наиболее эффективно с одновременным применением методов социально-психологического воздействия [8, с. 263].

Экономические методы управления – это способы воздействия на работников, которые опираются на их учет экономических интересов. Эти методы управления являются основой материального стимулирования работников и используют механизмы их мотивации.

Главным методом экономического управления персоналом по праву считается метод экономического стимулирования, при котором размер заработной платы работника формируется в зависимости от его вклада в прибыльность организации. При использовании механизма экономического стимулирования необходимо применять следующие основные правила:

- согласовать и увязать цели развития организации с целями экономического стимулирования персонала;
- дифференцировать экономическое стимулирование персонала с учетом его личного вклада;
- сочетать методы экономического и не экономического стимулирования;
- сочетать экономическое стимулирование с экономическими санкциями, предусматривающими материальную ответственность персонала [10, с. 79].

Экономические методы управления персоналом включают в себя две основные группы:

- методы, используемые на федеральном и региональном уровне управления для стимулирования эффективной трудовой деятельности трудоспособного населения страны или региона (например, установление минимального размера заработной платы);
- методы экономического стимулирования, используемые в конкретной организации в отношении ее персонала (трудовые нормы, система премирования, система льгот и надбавок и т. п.).

В отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы первая группа экономических методов управления регламентируется федеральным законодательством и ведомственными нормативными актами и включает в себя систему денежного довольствия, надбавок и льгот сотрудников, а также реализацию социальных гарантий и социальное обеспечение сотрудников уголовно-исполнительной системы и членов их семей. Эти методы распространяются на всех сотрудников уголовно-исполнительной системы вне зависимости от места прохождения ими службы, а их стимулирующий эф-

фект в последнее время заметно снизился, поскольку существующий уровень денежного довольствия и социальных льгот не в полной мере компенсирует служебную нагрузку.

В учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы основным законодательным актом, применяемым в рамках реализации экономических методов управления, является Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который регулирует отношения, связанные с денежным довольствием сотрудников, обеспечением жилыми помещениями, медицинским обеспечением сотрудников, граждан Российской Федерации, уволенных со службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, членов их семей и лиц, находящихся (находившихся) на их иждивении, а также с предоставлением им иных социальных гарантий.

На заседании круглого стола на тему «О состоянии и направлениях законодательного обеспечения прохождения службы и совершенствования служебной деятельности в уголовно-исполнительной системе» в Комитете Совета Федерации по обороне и безопасности 26 ноября 2019 г. отмечено, что квалифицированные кадры, способные эффективно решать поставленные задачи, покидают систему, часто не видя отдачи от своего напряженного и ответственного труда. Особую озабоченность вызывает растущий некомплект младшего начальствующего и рядового состава, где средний показатель по уголовно-исполнительной системе составил 12 %. Одна из основных причин этого – низкая социальная защищенность сотрудников: недостаточная обеспеченность жильем и денежным довольствием, сложности с реализацией права сотрудников уголовно-исполнительной системы на получение медицинской помощи.

Исправлению сложившейся ситуации будет способствовать увеличение объема средств социальной защиты, который позволил бы полностью компенсировать те затраты и ограничения, которые несут сотрудники, выполняя свою работу. По мнению ФСИН России, такими средствами могут стать:

- обеспечение выплаты денежного довольствия за счет увеличения объема бюджетных ассигнований, выделяемых на обеспечение денежным довольствием сотрудников уголовно-исполнительной системы и оплату труда гражданского персонала уголовно-исполнительной системы;
- жилищное обеспечение сотрудников уголовно-исполнительной системы за счет увеличения объема бюджетных ассигнований на предоставление единовременной социальной выплаты сотрудникам уголовно-исполнительной системы и обеспечение служебными жилыми помещениями сотрудников и членов их семей;
- оказание медицинской помощи сотрудникам уголовно-исполнительной системы в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения посредством получения сотрудниками полисов обязательного медицинского страхования;
- меры социальной поддержки членам семей погибших (умерших) сотрудников.

Вторая группа экономических методов управления реализуется в конкретных учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы и в основном сводится к премированию личного состава. В контексте применения этой группы экономических методов наблюдаются два основных проблемных аспекта. Первый связан с недостаточным бюджетным финансированием премиальных расходов, а второй – с практикой расходования (распределения) выделяемых на эти нужды денежных средств, которая, по мнению сотрудников, не всегда справедлива.

Таким образом, в настоящее время в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы имеются явные проблемы с реализацией метода экономического стимулирования сотрудников. Правовые нормы материального стимулирования регулируются на федеральном уровне, а его размер определяется возможностями бюджета Российской Федерации. При этом отсутствие существенной дифференциации в денежном довольствии и социальном обеспечении различных категорий персонала уголовно-исполнительной системы в зависимости от сложности и напряженности их служебной деятельности не позволяет в полной мере раскрыть все возможности их материального стимулирования.

Вместе с тем премирование сотрудников конкретного учреждения или органа уголовно-исполнительной системы осуществляется его руководителем в пределах выделенных лимитов. Именно на этом уровне может быть реализован эффективный механизм экономического стимулирования персонала уголовно-исполнительной системы, а роль в его использовании возлагается исключительно на руководство.

Несмотря на эти обстоятельства, следует четко представлять факторы и условия негативного и позитивного воздействия экономических методов управления на персонал [8, с. 263–264], что позволит выработать предложения по их эффективному применению в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы.

Позитивное воздействие экономических методов управления может проявляться в следующих вариантах:

1) организация планового ведения производственно-хозяйственной деятельности организации, когда:

- применяются инструменты стратегического анализа и планирования;
- планы социально-экономического развития организации разрабатываются в соответствии с ее стратегическими организационными целями;
- определены критерии эффективности работы организации;
- конечные результаты деятельности четко определены и являются основой планирования;

2) эффективная система заработной платы, выстроенная по системе коэффициента трудового участия;

3) эффективная система премирования, зависящая от получаемой прибыли;

4) эффективная система социального и медицинского обеспечения.

Негативное воздействие экономических методов управления проявляется в случаях:

- беспланового ведения хозяйства;
- «замораживания» заработной платы;
- ликвидации системы премирования из прибыли, уменьшения выплат материальной помощи;
- отсутствия системы медицинского и социального обеспечения.

Социально-психологические методы управления персоналом подразумевают использование совокупности средств социального, психологического и воспитательного воздействия на подчиненных сотрудников. Их достаточно условно делят на методы социологического воздействия, направленные на коллектив работников, и психологические методы, в которых управленческое воздействие направлено на личность конкретного работника. Психологические методы, как правило, строго персонифицированы и индивидуальны.

Специалисты перечисляют следующие основные социально-психологические методы управления персоналом:

- моральное стимулирование персонала;
- формирование подразделений с учетом психологического соответствия работников;
- минимизация психологических конфликтов;
- формирование личной мотивации работников и установление моральных санкций и поощрений;
- личный пример руководителя подчиненным;
- участие работников в управлении организацией;
- удовлетворение культурных и духовных потребностей персонала, возможность социального общения;
- установление норм социального поведения и социальное стимулирование развития трудового коллектива;
- социальная профилактика и социальная защита работников;
- развитие служебной карьеры персонала;
- формирование норм поведения и корпоративной культуры организации;
- формирование комфортного психологического климата в коллективе [2, с. 115].

Сложность эффективного применения социально-психологических методов управления в современных условиях обусловлена рядом объективных факторов: нестабильностью экономического состояния многих организаций, их финансовыми трудностями и т. п. В связи с этим руководители в меньшей степени обеспокоены вопросами управления человеческими ресурсами, уделяя большую часть времени на решение производственно-хозяйственных, маркетинговых, финансовых и иных проблем. В этих условиях трудно поддерживать нормальный социально-психологический климат в трудовых коллективах.

Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в данном случае не является исключением. Наблюдается явный дисбаланс между регламентацией социально-психологических методов управления персоналом уголовно-исполнительной системы и практикой их применения. За добросовестное исполнение служебных обязанностей, достижение высоких результатов в служебной деятельности, а также за успешное выполнение особо сложных и важных задач к сотруднику применяется целая система мер поощрения. Приказом ФСИН России от 27 сентября 2019 г. № 871 «О ведомственных наградах Федеральной службы исполнения наказаний» учрежден целый комплекс ведомственных наград уголовно-исполнительной системы, награждение которыми оказывает положительный мотивационный эффект на сотрудников.

В учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы созданы психологические службы, которыми регулярно проводится изучение морально-психологического климата в коллективах сотрудников, анализируются проблемы сотрудников, изучаются личные качества руководителей, их рейтинг. По результатам исследований вносятся предложения по улучшению климата, развитию качеств руководителей. Однако на практике, как правило, конкретных мероприятий по изменению морально-психологического климата не проводится, стиль руководства начальников подразделений уголовно-исполнительной системы в зависимости от результатов исследований не меняется.

Учитывая, что социально-психологические методы управления в отличие от экономических, как правило, являются низкозатратными, а их влияние не в меньшей степени влияет на мотивацию персонала, целесообразно знать и прогнозировать позитивное и негативное влияние этих методов воздействия на персонал организации [8, с. 267–269].

Примерами позитивного воздействия социально-психологических методов воздействия на персонал организации могут служить:

1) формирование правил взаимоотношений работников организации (например, морального корпоративного кодекса), развитие организационной культуры и реализация принципов патернализма;

2) применение эффективных социальных методов воздействия на персонал организации. Например, обеспечение роста качества трудовой жизни; поддержание здоровой конкуренции, соревновательности и инициативы работников; использование демократического стиля руководства; регулярный мониторинг состояния социально-психологического климата коллективов и роли их руководителей;

3) применение рациональных психологических методов воздействия на персонал организации. Например, поддержание здорового социально-психологического климата в коллективе на основе соблюдения прав личности; эффективное использование психологических методов мотивации персонала; создание психологической службы; регулярное психологическое тестирование работников и обеспечение психологической индивидуальной работы с персоналом.

Социально-психологические методы воздействия на персонал организации имеют негативное воздействие в следующих случаях:

1) отсутствие или размытость морального кодекса, применение двойных стандартов. Например, игнорирование корпоративной культуры и поддержка групповых интересов отдельных структурных подразделений, коллективов и групп работников;

2) применение неэффективных социальных и психологических методов воздействия на работников. Например, игнорирование решения социальных и психологических проблем работников, создание и поддержание в организации нездоровой конкуренции, сдерживание инициативы работников.

Обоснованно считается, что система и практические методы управления персоналом должны периодически обновляться в соответствии с изменением внутренней и внешней среды организации, что обеспечивает формирование и функционирование дееспособного трудового коллектива [11, с. 29]. В силу этого система методов управления персоналом уголовно-исполнительной системы объективно нуждается в регулярной модернизации с учетом изменений, происходящих как в пенитенциарной практике государства, так и в кадровой ситуации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, связанной с повышением служебной нагрузки сотрудников, изменением их мотивационной структуры и т. п.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие основные направления повышения эффективности применения методов управления в работе с кадрами учреждений и органов уголовно-исполнительной системы:

1) руководящему составу учреждений и органов уголовно-исполнительной системы оперативно-служебные отношения с персоналом целесообразно выстраивать на основе принципов производственной демократии и социального партнерства;

2) применение методов административного воздействия на сотрудников уголовно-исполнительной системы должно исходить из четкой регламентации деятельности каждого сотрудника, благодаря чему появляется возможность применять наиболее эффективные методы распорядительного и дисциплинарного управления, адекватно воспринимаемые персоналом. Это может быть достигнуто за счет разработки эффективных всеобъемлющих положений о структурных подразделениях, инструкций (положений) по видам деятельности и должностных инструкций, нормативного закрепления предъявляемых требований к объему и качеству работы сотрудников, сроков и видов

контроля, а также четкой регламентации порядка и условий применения дисциплинарных взысканий и поощрений личного состава;

3) совершенствование методов экономического воздействия на сотрудников уголовно-исполнительной системы должно базироваться на необходимости повышения стимулирующих функций применяемой системы денежного довольствия и социально-экономических льгот. Для этого необходимо:

– изменить структуру денежного довольствия сотрудника уголовно-исполнительной системы, императивно выделив в ней три части. Первая часть денежного довольствия выплачивается в полном объеме при условии добросовестного выполнения сотрудником должностных обязанностей. Ее снижение возможно только при наличии веских оснований (прогул, грубое нарушение служебной дисциплины и т. п.). Вторая часть денежного довольствия определяется стажем службы в уголовно-исполнительной системе, стажем службы в конкретном подразделении (для отдельных (в идеале всех) категорий должностей). Данная надбавка может быть дифференцирована в зависимости от сложности, напряженности и условий службы в конкретной службе (на конкретных должностях). Это позволит обеспечить кадровый баланс внутри структурных подразделений, снизить уровень внутриорганизационной текучести кадров, укомплектовать «не престижные» должности. Для этих составляющих денежного довольствия сотрудников необходимо законодательно закрепить ежегодную индексацию с учетом имеющегося уровня инфляции в стране. Величина третьей части денежного довольствия должна определяться личными результатами служебной деятельности каждого сотрудника. При этом целесообразно четко закрепить критерии, условия и предельные значения дополнительных выплат, а также предусмотреть соответствующие объемы бюджетного финансирования;

– осуществлять все предусмотренные действующим законодательством для сотрудников правоохранительных органов социальные выплаты сотрудникам уголовно-исполнительной системы;

– повысить уровень социального обеспечения сотрудников уголовно-исполнительной системы, непосредственно не связанного с денежными выплатами, но позволяющего им чувствовать себя социально защищенными в сравнении с иными гражданами, чья трудовая деятельность не характеризуется таким объемом психозмоциональных и физических затрат, связанных со службой в исправительных учреждениях (например, первоочередный прием детей сотрудников уголовно-исполнительной системы в образовательные организации);

4) применяемые средства социально-психологического воздействия на сотрудников должны способствовать корректировке их целевых установок, интересов, взглядов, чувств, стремлений и настроений. Использование методов социально-психологического воздействия на персонал должно основываться на согласовании интересов учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и отдельных сотрудников и включать в себя:

– регулярный мониторинг социально-психологической обстановки в служебных коллективах и степени удовлетворенности сотрудников условиями службы;

– регулярный мониторинг конфликтных ситуаций и обучения персонала навыкам бесконфликтного служебного поведения и межличностного общения;

– организацию регулярных психокоррекционных мероприятий с сотрудниками, состоящими в группах повышенного психологического контроля, обращая особое внима-

ние на профилактику их девиантного и деструктивного поведения, употребления ими спиртных напитков и наркотических веществ;

– регулярное исследование мотивации трудовой деятельности сотрудников, в том числе изучение потребности и структуры мотивов кандидатов на службу на этапе подбора персонала, что позволит принимать обоснованные кадровые решения по их эффективному служебному использованию;

– применение индивидуального подхода к подчиненным сотрудникам с учетом типа их личности, темперамента и иных личностных качеств;

– организацию индивидуальной воспитательной работы с подчиненными сотрудниками на основе результатов изучения морально-психологического климата в служебном коллективе;

– стимулирование сотрудников на эффективное совместное решение значимых служебных задач, для чего необходимо: при обсуждении организационных вопросов учитывать критические замечания и пожелания сотрудников; качественно и своевременно подводить итоги работы деятельности подчиненных подразделений и сотрудников с анализом позитивных и негативных моментов в работе; оказывать подчиненным помощь в разработке стратегий устранения их недостатков;

– организацию проведения инструктажей с начальниками структурных подразделений по проведению изучения круга вопросов и проблем подчиненных сотрудников, включая их семейно-бытовые условия;

– объективное применение мер морального стимулирования сотрудников, совершенствование нематериальных форм стимулирования работников, включающее в себя широкое применение нематериальных форм поощрения;

– разработку мероприятий по улучшению качества трудовой жизни, обеспечивающих гарантию занятости, нормальные условия труда, нормализацию межличностных отношений в коллективе сотрудников;

– развитие позитивной организационной культуры в служебных подразделениях и партнерских взаимоотношений сотрудников между собой, а также с их руководителями, включающее в себя организацию мероприятий по укреплению сплоченности трудового коллектива, в частности совершенствование культурно-развлекательной, спортивно-массовой работы, а также работы по патриотическому воспитанию сотрудников;

– создание системы самовыражения, признания результатов и причастности к деятельности подразделения уголовно-исполнительной системы ее сотрудников.

Применение предложенных мер и рекомендаций по реализации методов управления в работе с кадрами уголовно-исполнительной системы в практической деятельности повысит степень удовлетворенности сотрудников служебной деятельностью, создаст благоприятную рабочую среду, увеличит оперативно-служебную и социально-экономическую эффективность деятельности персонала, что положительно отразится на повышении эффективности уголовно-исполнительной практики.

Библиографический список

1. Макконелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика : пер. с англ. 14-е изд. М. : ИНФРА-М, 2003. 972 с.

2. Управление персоналом организации : учебник / под ред. А. Я. Кибанова. 4-е изд., доп. и перераб. М. : ИНФРА-М, 2013. 695 с.

3. Маслов Е. В. Управление персоналом предприятия : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М ; Новосибирск : НГАЭиУ, 2003. 312 с.

4. Бухалков М. И. Управление персоналом : учеб. для вузов. 2-е изд. М. : ИНФРА-М, 2011. 400 с.
5. Кричевский Р. Л. Если вы руководитель... Элементы психологии менеджмента в повседневной работе. М. : Дело, 1998. 384 с.
6. Пугачев В. П. Руководство персоналом организации : учеб. для вузов. М. : Аспект Пресс, 2005. 279 с.
7. Столяренко Л. Д. Психология делового общения и управления : учебник. Ростов н/Д : Феникс, 2005. 416 с.
8. Егоршин А. П. Основы управления персоналом : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2011. 352 с.
9. Герчикова И. Н. Менеджмент : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ, 2010. 512 с.
10. Бурганова Л. А. Теория управления : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2009. 153 с.
11. Веснин В. Р. Управление персоналом. Теория и практика : учебник. М. : Проспект, 2010. 688 с.

УДК 343.9

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.251-263

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ АРТЕМЬЕВ,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры криминологии и организации профилактики преступлений,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: kiopparu@mail.ru;

МАКСИМ ЮРЬЕВИЧ БАГНЫЧЕВ,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: 201548@mail.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЦИДИВНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Для цитирования

Артемьев, Н. С. Криминологическое исследование рецидивной профессиональной преступности / Н. С. Артемьев, М. Ю. Багнычев // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 2. – С. 251–263. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.251-263.

Аннотация. В статье рассматривается понятие рецидивной профессиональной преступности, определяются признаки преступного профессионализма и типы преступников-профессионалов. Изучается социально-демографическая личность рецидивиста (профессионального преступника). Эмпирическая база исследования охватывает сведения о социальном статусе профессиональных преступников в обществе до момента осуждения и непосредственно в местах лишения свободы. Криминологическое исследование рецидивистов проводилось по специально разработанной программе исследования, в которой содержатся конкретные методы и техника сбора информации по определенному региону. Исследование рецидивной (профессиональной) преступности служит научной базой криминологического прогнозирования и перспективного планирования, принятия любого управленческого решения (приказов, указаний, решений коллегий и т. д.), а также текущего планирования, то есть является первым этапом процесса управления борьбы с рецидивной (профессиональной) преступностью. Вместе с тем такое исследование не только начало процесса управления, но и завершение его, подведение итогов всей работы органов и подразделений внутренних дел (полиции), а также исправительных учреждений по борьбе с рецидивной (профессиональной) преступностью. С учетом того что состояние и тенденции рецидивной преступности, установленные путем обобщений и сопоставлений, не исчерпывают все-

© Артемьев Н. С., Багнычев М. Ю., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

го объема полезной информации о данном явлении, следует шире использовать статистические данные и математические методы.

Ключевые слова: профессиональная преступность, криминологическое исследование рецидивиста, программа и план исследования, результаты исследования.

Актуальность темы исследования обоснована тем, что в последние годы отмечается тенденция роста рецидивной (профессиональной) преступности, удельный вес которой в общей структуре преступности в стране превышает 40 %, а в отдельных регионах достигает 50–60 % и даже выше. Следует подчеркнуть, что рецидивная преступность является «ядром» всей преступности, так как речь идет о контингенте, наиболее упорно противопоставляющем себя нравственным ценностям общества, правопорядку и вовлекающем в преступления новых лиц. Именно рецидивная (профессиональная) преступность готовит кадры для организованной преступности. Актуальность криминологического исследования рецидивной (профессиональной) преступности связана еще с тем, что именно рецидив умышленных преступлений во многом обуславливает относительную устойчивость и самовоспроизводимость преступности в целом как негативного явления. Рецидивисты, в том числе профессиональные преступники, являются активными носителями и распространителями негативных традиций и иной анти-социальной среды.

Рецидивная (профессиональная) преступность сосредоточивает в себе наиболее негативные явления, свойственные преступности: криминальный профессионализм, криминальную субкультуру, наркобизнес и т. д. Они являются серьезной проблемой для правоохранительных органов, в первую очередь органов внутренних дел (полиции) и исправительных учреждений.

Как свидетельствуют результаты криминологических исследований, сотрудники правоохранительных органов на низком уровне изучают причины совершения преступлений рецидивистами, в результате чего планируемые мероприятия по предупреждению рецидивной (профессиональной) преступности не достигают цели, поэтому в настоящее время важной задачей, стоящей перед правоохранительными органами, является повышение научного уровня криминологических исследований – важной составляющей организации борьбы с рецидивной (профессиональной) преступностью.

По проблемам рецидивной (профессиональной) преступности накоплены научные знания и определенный опыт борьбы с ней. Этим вопросам посвящены работы А. И. Алексеева, Ю. М. Антоняна, Е. А. Антонян, Н. С. Артемьева, И. М. Гальперина, А. А. Герцензона, В. И. Гуськова, Н. П. Журавлева, В. С. Жгулова, И. И. Карпеца, М. Ф. Костюк, В. И. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, А. С. Михлина, А. В. Сахарова, Ю. В. Солопанова, С. С. Стеничева, Н. А. Стручкова, А. С. Шляпочникова, И. В. Шиарова, А. М. Яковлева, в том числе диссертационные исследования по отдельным направлениям рецидивной (профессиональной) преступности (А. А. Забелич, М. В. Карпунина, В. Б. Волков, Я. Э. Красковский, А. А. Мазурин, В. В. Макарова и др.).

Однако многие аспекты, в том числе криминологического исследования рецидивной (профессиональной) преступности, изучены недостаточно и нуждаются в глубоком и комплексном исследовании. Успешное осуществление возложенных на органы внутренних дел (полицию) и исправительные учреждения мероприятий по борьбе с рецидивной (профессиональной) преступностью во многом зависит от методически направленного

и квалифицированного проведения криминологического исследования данного явления. Криминологическое исследование является начальной стадией организаторской работы, принятия управленческих решений, в том числе и в основном звене управленческого цикла (этапа) – планирования борьбы с рецидивной (профессиональной) преступностью, включая криминологическое прогнозирование.

Основной целью криминологического исследования является глубокое изучение прошлого и настоящего рецидивной (профессиональной) преступности, выявление ее закономерностей и тенденций для использования в криминологическом прогнозировании и разработке мероприятий по борьбе с рецидивной и профессиональной преступностью.

В настоящее время задачей первостепенного значения является повышение научного уровня планирования предупреждения рецидивной (профессиональной) преступности, которое в значительной степени зависит от всестороннего криминологического исследования и прогноза. Отсюда вытекает значимость разработки научно обоснованных решений в правоохранительных органах, в том числе планов, на основе глубокого и тщательного криминологического исследования состояния рецидивной преступности и ее криминологического прогнозирования.

Перед раскрытием методики криминологического исследования рецидивной преступности необходимо кратко остановиться на понятиях рецидивной (профессиональной) преступности, ее видах и типах преступников-профессионалов.

Криминологический рецидив – это повторное совершение уголовно наказуемых деяний как лицами, к которым применялось уголовное наказание либо меры, его заменяющие, независимо от снятия или погашения судимости за прежние преступления, так и лицами, к которым уголовно-правовые меры воздействия не применялись. Существуют следующие виды рецидивной преступности:

- 1) специальный рецидив – совершение однородных тождественных преступлений;
- 2) общий рецидив – совершение разнородных преступлений.

Именно специальный рецидив составляет основу рецидивной преступности, поэтому криминологическое исследование проводится в отношении рецидивной (профессиональной) преступности – разновидности преступного занятия, являющегося для субъекта источником средств существования, требующего необходимых знаний и навыков для достижения конечной цели и обуславливающего определенные контакты с антиобщественной средой.

Методика криминологического исследования рецидивной (профессиональной) преступности еще не в достаточной степени разработана, а поэтому оно проводится в ряде регионов страны на низком уровне. При осуществлении криминологического исследования рецидивной (профессиональной) преступности часто определяют лишь количество преступлений, совершенных рецидивистами, профессиональными преступниками, число данных лиц, привлеченных к уголовной ответственности, и их удельный вес от общего числа лиц, участвующих в совершении преступлений. Однако причины и условия, влияющие на рецидивную (профессиональную) преступность, как правило, не устанавливаются. Не определяются ее динамика и структура, распространенность на обслуживаемой территории, состав лиц, совершивших повторно или многократно преступления, и т. д.

Низкий уровень исследования рецидивной (профессиональной) преступности объясняется не только слабой разработкой методики криминологического исследования, но и неподготовленностью сотрудников органов внутренних дел (полиции) и исправительных учреждений к проведению криминологических исследований по уже разработанным методикам. В силу этого ниже приводится методика криминологического

исследования рецидивной (профессиональной) преступности, использование которой поможет практическим работникам более глубоко и всесторонне устанавливать причины и условия, благоприятствующие рецидивной (профессиональной) преступности, тенденции ее развития, вырабатывать на их основе более эффективные меры по предупреждению данного явления.

На основе собранной информации о состоянии рецидивной (профессиональной) преступности осуществляют криминологическое прогнозирование, применяются управленческие решения, ставятся задачи, выдвигаются цели, определяются средства и пути их достижения.

Криминологическое исследование способствует группировке необходимых характеристик рецидивной (профессиональной) преступности, подлежащих прогностической разработке, выявлению различного ряда факторов, позитивно или негативно влияющих на изучаемое явление в прошлом и настоящем, для более точного определения с помощью прогноза ее будущего состояния.

Обязательно выделяется, например, закономерность в соотношении числа рецидивистов и общего числа преступников. Это позволяет судить об эффективности применения наказания, степени исправления преступников, принимать меры по повышению эффективности наказания, усилению предупреждения преступлений не только в настоящее время, но и в будущем.

При криминологическом прогнозировании количественных показателей, характеризующих время совершения преступлений, устанавливается закономерность перерывов между первым и последующими преступлениями, совершаемыми рецидивистами. Это позволяет принимать действенные меры по предупреждению рецидивной (профессиональной) преступности, а также прогнозировать ее состояние в будущем.

В процессе подготовки к криминологическому исследованию рецидивной (профессиональной) преступности важное значение имеет использование информации, имеющейся в различного рода отчетах, путем ее обработки с помощью статистических методов. Состояние рецидивной (профессиональной) преступности отражается в статистической отчетности органов внутренних дел (полиции), прокуратуры и суда по трем основным группам показателей:

- количество и характеристика зарегистрированных и раскрытых преступлений;
- количество и состав лиц, которым предъявлено обвинение в совершении преступлений;
- количество и состав осужденных.

Наиболее распространенными показателями оценки состояния и динамики рецидивной (профессиональной) преступности, которые дает нам статистика, являются доля рецидивистов в общем числе привлеченных к ответственности или осужденных и доля совершенных ими преступлений. Этот показатель называют также удельным весом рецидивистов (профессиональных преступников), рецидивной (профессиональной) преступности. В первой стадии криминологического исследования рецидивной (профессиональной) преступности устанавливается ее удельный вес к общему числу зарегистрированных и раскрытых преступлений в сравнении с аналогичным периодом, взятым за последние 5–10 лет. Это позволяет установить динамику преступности (рост, снижение, стабильность) преступлений, совершенных рецидивистами.

Определение изучаемого периода – важный момент в криминологическом исследовании. Криминологическое исследование осуществляется обычно в тех случаях, когда это необходимо для объяснения причин происходящих изменений в состоянии

рецидивной (профессиональной) преступности, выявления определенных закономерностей в их динамике.

Криминологическое исследование рецидивной (профессиональной) преступности проводится как по их общему числу зарегистрированных преступлений, так и по количеству преступлений, регистрируемых по линии уголовного розыска, по видам преступлений, что дает возможность детально оценить состояние рассматриваемого негативного социального явления.

При изучении динамики рецидивной (профессиональной) преступности рекомендуется применять следующие методы: постоянной базы и ценной. При методе постоянной базы данными первого из сравнительных периодов применяется за 100 %, а остальные соотносятся с первым показателем и даются в процентном выражении. Суть ценного метода состоит в том, что за 100 % принимается число преступлений, совершенных в каждом предшествующем периоде.

Криминологическое исследование структуры преступности имеет важное значение, так как такая распространенность отдельных видов или групп преступлений, совершаемых рецидивистами (профессиональными преступниками), позволяет наметить эффективные предупредительные меры. Рассчитывается структура путем определения доли каждого вида в общем числе преступлений. При определении распространенности преступлений или групп в общем числе преступлений, совершенных рецидивистами (профессиональными преступниками), применяются следующие группировки: по линии служб (уголовного розыска, БЭП и др.); направленности преступного умысла (преступления против жизни, здоровья, свободы, достоинства личности, против собственности и т. д.). При исследовании структуры рецидивной (профессиональной) преступности изучается доля группы тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Оценка состояния рецидивной (профессиональной) преступности будет неполной без определения ее уровня, который можно называть коэффициентом рецидивной (профессиональной) пораженности. Рассчитывается уровень (коэффициент) на одну тысячу, десять тысяч или сто тысяч человек, совершивших преступления.

После того как выявлены удельный вес, динамика, структура и уровень преступности, устанавливается ее распространенность на территории районов, городов, областей, краев, республик в составе Российской Федерации (географии преступности). При криминологическом исследовании в районе выявляется распространенность по нескольким пунктам, микрорайонам, предприятиям, организациям.

Криминологическое исследование динамики, структуры, уровня и особенностей рецидивной (профессиональной) преступности в каждой республике, крае, области, районе, городе, населенном пункте, предприятии дает возможность обнаружить количественные и качественные ее изменения, что способствует разработке и правильному применению наиболее целесообразных мер предупредительного воздействия, направленных на усиление борьбы с данным явлением.

Подробно исследуется и состав лиц, совершивших преступления повторно или многократно. Изучается и состав рецидивистов (профессиональных преступников), привлеченных к уголовной ответственности, целесообразно их общую численность взять за 100 % и выявить среди них долю освобожденных из исправительных учреждений, отбывающих полную меру наказания; условно-досрочное освобождение; условное осуждение и т. д. Кроме того, следует выявить долю лиц, привлеченных к уголовной ответственности, из числа лиц, находящихся под административным надзором полиции и состоящих на оперативно-профилактических учетах.

Одновременно с исследованием динамики структуры, удельного веса, уровня рецидива и личности преступников обязательно изучаются причины и условия, вызвавшие совершение преступлений рецидивистами, в том числе и профессиональными преступниками.

Учитывая, что с помощью статистических данных всестороннее изучение причин совершения преступлений и условий, способствующих рецидивной (профессиональной) преступности, не представляется возможным из-за недостатка информации, заключенной в них, целесообразно проводить более глубокие криминологические исследования по специально разработанной программе, которая приводится ниже.

**Программа для изучения причин и условий,
способствующих совершению преступлений ранее судимыми***

**Изучение материалов уголовного и личного дела, анкетирование осужденного,
беседа с администрацией исправительного учреждения²**

Фамилия, имя, отчество _____	
Возраст:	
от 18 до 24 лет;	1
от 25 до 29 лет;	2
от 30 до 49 лет;	3
от 50 лет и старше.	4
Сколько раз судимы:	
два;	5
три;	6
четыре;	7
пять;	8
свыше пяти.	9
Как был освобожден после предыдущей судимости:	
условно;	10
условно-досрочно	11
по отбытии срока наказания;	12
по помилованию;	13
по амнистии.	14
Вид последнего преступления, за которое отбываете наказание:	
хулиганство;	15
кража;	16
грабеж;	17
прочие (указать статью УК РФ).	18
Время совершения преступления:	
с 6 до 10 часов;	19
с 10 до 18 часов;	20
с 18 до 24 часов;	21
с 24 до 6 часов.	22
Другие сведения о личности и совершенном преступлении:	
местный житель;	23
приезжий;	24

* Заполнение производится путем обведения соответствующей цифры (цифр) кружком, где цифры отсутствуют, следует дать ответ на поставленный вопрос.

в том числе командированный;	25
приехал по личным делам;	26
приехал специально для совершения преступлений;	27
преступления совершил по месту работы;	28
в районе, где проживает;	29
в другом районе.	30
Состояние во время совершения преступления:	
трезвый;	31
пьяный.	32
Последнее преступление совершено:	
в одиночку;	33
в группе из 2 человек;	34
более 2 человек.	35
Осужден за последнее преступление к лишению свободы на срок:	
до 1 года;	36
от 1 года до 3 лет;	37
свыше 3 лет.	38
Осужден за последнее преступление к другим мерам наказания, не связанным с лишением свободы	39
Осужден за предыдущее преступление к лишению свободы на срок:	
до 1 года;	40
от 1 до 3 лет;	41
свыше 3 лет.	42
Осужден за предыдущее преступление к другим мерам наказания, не связанным с лишением свободы	43
Почему после отбытия наказания за первое преступление вы вновь совершили преступление? (записать в форме свободного рассказа)	
Что вы считаете основной причиной совершенных преступлений? (записать в форме свободного рассказа)	
В каком возрасте совершил первое преступление _____	
Семейное положение:	
холост;	44
женат;	45
имеет детей.	46
Образование:	
неграмотный;	47
начальное (4 класса);	48
неполное среднее;	49
среднее;	50
высшее.	51
Имел родителей:	
отца и мать;	52
отца;	53
мать;	54
не имел.	55
Как родители влияли на воспитание:	
положительно;	56
отрицательно;	57
безразлично относились к воспитанию.	58
Материальное обеспечение семьи:	

от 10 тыс. до 20 тыс. рублей;	59
от 20 тыс. до 30 тыс. рублей;	60
от 30 тыс. до 50 тыс. рублей;	61
свыше 50 тыс. рублей.	62
Какие газеты и журналы выписывал и читал (написать название) _____	
После отбытия наказания за предыдущие преступления до настоящей судимости находился на свободе:	
до 1 месяца;	63
до 2 месяцев;	64
до 3 месяцев;	65
до 6 месяцев;	66
до 1 года;	67
до 2 лет;	68
до 3 лет;	69
свыше 3 лет.	70
Период после освобождения из ИУ до первого посещения полиции:	
в течение 3 суток;	71
от 3 до 10 суток;	72
от 10 суток до 1 месяца;	73
от 1 до 3 месяцев;	74
от 3 до 6 месяцев;	75
свыше 6 месяцев.	76
В период посещения полиции кто из сотрудников полиции беседовал с вами:	
начальник полиции или его заместитель;	77
работник уголовного розыска;	78
участковый уполномоченный полиции.	79
После предыдущего освобождения проживал:	
по месту прописки;	80
не по месту прописки.	81
Был ли решен вопрос с трудоустройством до освобождения из органа, исполняющего наказание:	
да;	82
нет;	83
да, но решение не устраивало.	84
Куда обращались за помощью по вопросам трудоустройства после отбытия наказания за преступление до настоящей судимости:	
в мэрию;	85
профсоюз;	86
органы полиции;	87
органы прокуратуры;	88
к старым знакомым, товарищам;	89
никуда не обращался.	90
Получил ли должную помощь от них:	
да;	91
нет.	92
Причины отказа в приеме на работу:	
в связи с ограничением в прописке;	93
по неизвестным причинам.	94
В течение какого времени после освобождения из мест лишения свободы по предыдущей судимости трудоустроился:	

в течение первых 2 недель;	95
в течение первого месяца;	96
в течение первых 2 месяцев;	97
в течение первых 3 месяцев;	98
в течение первых 4 месяцев;	99
свыше 4 месяцев;	100
не работал в течение года;	101
не работал.	102
Устроился на работу:	
по специальности, полученной на свободе;	103
по специальности, полученной в местах лишения свободы;	104
не по специальности;	105
на предприятие, где работал до осуждения;	106
на другое предприятие.	107
Где проводил обычно большую часть свободного времени:	
дома с семьей;	108
в учебном заведении;	109
в спортивной секции;	110
в кино;	111
в театре, на концерте;	112
участвовал в художественной самодеятельности;	113
на танцах;	114
у друзей;	115
пьянствовал;	116
спал;	117
в гостях у родственников;	118
на улице, во дворе;	119
занимался домашним хозяйством;	120
в кафе, ресторане;	121
бесцельно проводил время.	122
Что можете сказать о времени пребывания в ИУ:	
благодарить за помощь и воспитание;	123
дали специальность;	124
получил образование;	125
считаете это время потерянным.	126
Как относится к труду в ИУ:	
нормы выполняет;	127
не выполняет.	128
Дисциплина во время пребывания в ИУ:	
дисциплину соблюдает;	129
активно способствует поддержанию дисциплины;	130
допускал неоднократные случаи нарушения дисциплины;	131
злостный нарушитель дисциплины;	132
отрицательно влияет на других осужденных.	133
Получил или получает в ИУ новую специальность:	
получает новую специальность;	134
повышает квалификацию;	135
новой специальности не получает;	136
квалификации не повышает.	137

Повышает ли в ИУ грамотность:	
учится;	138
не учится.	139
Совершал ли ранее преступления, которые неизвестны органам полиции:	
нет;	140
да.	141
Какие намерения высказывает о своем поведении в будущем на свободе:	
продолжить преступную деятельность;	142
нет (уверенно заявил);	143
не уверен.	144
Мнение администрации о поведении его на свободе:	
будет продолжать преступную деятельность;	145
не будет;	146
не уверен.	147

Программу заполнил
(должность, звание, фамилия сотрудника, его подпись)

Обследование по месту жительства

Фамилия, имя, отчество _____	
Адрес места жительства до осуждения _____	
Жилищно-бытовые условия ко времени совершения последнего преступления:	
отдельная квартира;	148
общая квартира;	149
общежитие;	150
частный дом.	151
Характеристика органов полиции о поведении:	
административному воздействию не подвергался;	152
административному воздействию подвергался,	153
в том числе	
за мелкое хулиганство;	154
оформлялся привод и официальное предостережение;	155
штрафовался за нарушение общественного порядка;	156
привлекался за пьянство.	157
Состоял на учете в полиции:	
ОПД;	158
на карточном учете;	159
под административным надзором.	160
Отношение в семье осужденного:	
жили дружно;	161
поступали жалобы,	162
в том числе	
в органы прокуратуры;	163
в органы полиции;	164
в органы суда;	165
на предприятия, в учреждения.	166

Программу заполнил
(должность, звание, фамилия сотрудника, его подпись)

Обследование по месту работы

Фамилия, имя, отчество _____	
Характеристика по месту работы:	
положительная;	172
отрицательная.	173
Как реагировала администрация и общественные организации предприятий на факты недостойного поведения в семье и нарушения правопорядка:	
обсудили в коллективе;	174
не обсудили;	175
проводили индивидуальные беседы;	176
не принимали никаких мер.	177
Как реагировала администрация и общественные организации предприятия на факт совершения преступления:	
обсудили в коллективе;	178
не обсудили.	179
На последнем месте работал:	
до 1 года;	180
от 1 года до 2 лет;	181
от 2 до 5 лет;	182
свыше 5 лет.	183
Если уполномочен, то по какой причине _____	
Отношение к труду:	
нормы выполнял;	184
не выполнял.	185
Принимал ли участие в общественной жизни коллектива:	
да;	186
нет.	187
Был ли за ним на предприятии закреплен шеф или другой представитель общест- венности:	
да;	188
нет.	189

Программу заполнил

(должность, звание, фамилия сотрудника, его подпись)

В числе вопросов, которые предусматриваются программой криминологического исследования рецидивной (профессиональной) преступности и, в частности, в ее разделе изучения деятельности органов внутренних дел (полиции) по предупреждению преступлений среди лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в первую очередь изучается взаимодействие между полицией и исправительными учреждениями. Затем предусматривается изучение вопросов о взятии рецидивистов (профессиональных преступников) на оперативно-профилактический учет, и в особенности на административный надзор. Обязательно следует изучать знания сотрудников полиции, и в первую очередь участковых уполномоченных, с принятием у них зачетов по знанию Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Кроме того, необходимо изучение эффективной предупредительно-профилактической работы с поднадзорными как по месту их жительства, так и по месту работы.

Кроме вышеперечисленных факторов, влияющих на состояние рецидивной (профессиональной) преступности, программой исследования предусматривается ознакомление с местом жительства и местом работы рецидивиста.

При проведении обследования по месту жительства лица, его проводящее, должно сообщить о цели своего приезда. Беседы следует проводить с родственниками, соседями, управляющими домовладений и др. При этом лицо, проводящее обследование, должно знать характер отношений опрашиваемых с рецидивистом, объективность или предвзятость сообщаемых ими сведений.

При проведении обследования по бывшему месту работы рецидивистов вопросы, изложенные в программе, следует задавать представителям администрации, лично его знавшим, а также лицам, с которыми он работал или работает.

Все вопросы, подлежащие изучению, закладываются в программу и планы криминологического исследования рецидивистов. Получение необходимой информации предусматривается путем:

- изучения личных дел рецидивистов непосредственно в подразделениях специального учета исправительных учреждений;
- анкетирования осужденных, отбывающих уголовное наказание в исправительных учреждениях;
- бесед с сотрудниками исправительных учреждений, и в первую очередь с оперативными работниками и начальниками отрядов;
- обследования по месту работы и жительства рецидивистов до совершения ими последних преступлений;
- опросов начальников территориальных органов внутренних дел, и в первую очередь сотрудников уголовного розыска и участковых уполномоченных полиции, на территории обслуживания которых проживают рецидивисты.

Изложенные методы изучения рецидивной (профессиональной) преступности могут быть дополнены изучением уголовных дел, в процессе которого исследуется и судебная практика по вынесенным приговорам.

Для проведения криминологического исследования рецидивной (профессиональной) преступности создается группа исследователей, численный состав которой определяется в зависимости от объема исследования и сроков его проведения. Наибольший успех достигается в том случае, когда руководителем этого коллектива выступает один из руководителей региона и в состав данного коллектива входят представители судов, прокуратуры, юстиции, органов внутренних дел (полиции), исправительных учреждений и других заинтересованных организаций и учреждений. Основным инициатором и исполнителем данного исследования должно выступать штатное подразделение МВД, УВД, которое не только разрабатывает план и программу исследования, но и согласовывает их со всеми заинтересованными ведомствами и их представителями, а также непосредственно участвует в исследовании. После составления плана и программы исследования и процедур его проведения, подбора исследовательского коллектива, размножения документов, инструкций проводится еще пробное исследование – «пилотаж». Оно позволяет выяснить степень подготовленности программы исследования, а также способствует корректированию задач.

В процессе подготовки криминологического исследования следует решить вопрос о его репрезентативности, социологических, в том числе криминологических, исследований, которые дают основание полагать, что в большинстве случаев достаточность выводов исследования обеспечивается при предельной ошибке репрезентативности,

равной 1–5 %. Более высокая точность расчетов при исследованиях практически не отражается на достоверности выводов [1, с. 67].

После тщательной подготовки проводится криминологическое исследование причин совершения преступлений рецидивистами и условий, способствующих совершению преступлений. После сбора информации в соответствии с программой и планом исследования задача исследовательского коллектива (группы) состоит в том, чтобы всю собранную информацию глубоко и всесторонне изучить и обобщить. Прежде чем приступить к ее обработке, следует проверить, полностью ли выполнены намеченный план и программа, все ли данные, необходимые для исследования, собраны.

Весьма важным является использование при криминологическом исследовании информации как статистических, так и математических методов. Применяются три уровня исследований собранной криминологической информации, которые помогают установить причины рецидивной (профессиональной) преступности и условий, ей способствующих:

- простые сопоставления и обобщения;
- статистическая и математическая разработка информации;
- создание концептуальных и математических модулей.

Важным средством исследования информации о рецидивной (профессиональной) преступности является обобщение и сопоставление полученной информации с уже известной информацией, причем оно будет верным при сопоставлении не единичных фактов, а обобщенных явлений. Например, во всех случаях, когда это возможно, необходимы результаты исследования рецидивной (профессиональной) преступности сопоставлять со статистическими показателями, характеризующими соответствующие группы населения.

Учитывая, что состояние и тенденции рецидивной (профессиональной) преступности, устанавливаемые путем обобщений и сопоставлений, не исчерпывают всего объема полезной информации о данном явлении, следует шире использовать статистические данные и математические методы. Это приведение числовых данных о рецидивной (профессиональной) преступности в определенную систему с помощью статистических таблиц, графиков и коэффициентов.

По результатам проведенного криминологического исследования готовятся обобщающие документы, например справка, в которой указывается полученная информация о причинах совершения преступлений рецидивистами (профессиональными преступниками) и об условиях, способствующих их совершению, даются предложения и рекомендации, направленные на более успешную борьбу с рецидивной (профессиональной) преступностью, и готовится план мероприятий по предупреждению данного отрицательного социального явления.

Сформулированные предложения и рекомендации должны найти практическое воплощение в решениях и постановлениях региональных органов власти, приказах и указаниях прокуроров, начальников органов внутренних дел (полиции), текущих и перспективных планах, а также в предложениях в законодательные органы.

Библиографический список

1. Михлин А. С. Методика анализа данных о личности осужденного // Советское государство и право. 1973. № 2. С. 63–68.

УДК 343.985.7:343.81

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.264-267

ОЛЬГА ИВАНОВНА НЕСТЕРОВА,
доктор исторических наук,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Московский финансово-юридический университет,
г. Москва, Российская Федерация, ORCID 0000-0003-1872-5280,
e-mail: nolga.777@yandex.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ГРУППОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Для цитирования

Нестерова, О. И. Предупреждение групповых преступлений осужденных в исправительных учреждениях / О. И. Нестерова // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 2. – С. 264–267. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.264-267.

Аннотация. В статье рассматривается такая важная социальная проблема, как групповая преступность осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях. Целью исследования стал анализ мер предупреждения указанной категории преступности. Объектом исследования послужили группы осужденных преступной (отрицательной) направленности. Методы исследования – статистический (на основании официальных данных о преступности); сравнительный (анализ преступности в России в целом и уголовно-исполнительной системе в частности); сравнительного анализа российского законодательства. Задачами исследования явились: рассмотрение причин формирования групп осужденных; изучение детерминант преступлений, совершаемых осужденными в составе группы; оценка существующего уровня преступности организованных преступных групп в местах лишения свободы; определение общих и индивидуальных предупредительных мер групповой преступности осужденных. В процессе проведенного анализа преступной деятельности групп осужденных было выявлено, что преступления, совершаемые в обществе, прямо отражаются на преступлениях в местах лишения свободы. Сплочение осужденных в группы отрицательной направленности может перерасти в формирование организованных преступных групп с ярко выраженным лидером и иерархичной структурой. В составе группы осужденные нередко совершают следующие преступления: незаконный оборот наркотиков, мошенничества, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, убийства, массовые беспорядки, действия, дезорганизующие деятельность исправительного учреждения, побег. Предупреждение именно групповых преступлений в местах лишения свободы имеет важное значение для нормального функционирования исправительного учреждения. Деятельность сотрудников исправительного уч-

© Нестерова О. И., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

реждения по предупреждению групповых преступлений традиционно ведется по двум основным направлениям: предупредительная деятельность в отношении группы осужденных (одного осужденного) и предупредительная деятельность, связанная с условиями отбывания наказания, когда совершение преступлений становится просто невозможным. Приводится краткий перечень мер предупредительного характера групповой преступности осужденных.

Ключевые слова: преступная группа, осужденные, преступление, предупреждение преступлений, исправительное учреждение, уголовно-исполнительная система.

С учетом складывающейся социально-экономической ситуации в обществе преступность в России остается серьезной проблемой. Несмотря на снижение общего количества преступлений (в 2017 г. зарегистрировано 2 058 476 преступлений, 2018 – 1 991 532, 2019 г. – 2 024 337), на достаточно высоком уровне остается групповая преступность (в 2017 г. – 98 153 преступления, 2018 – 98 821, 2019 г. – 95 480) (официальный сайт МВД России. URL : <https://мвд.рф>).

Преступления, совершаемые в группе, имеют более высокий уровень общественной опасности, наиболее тяжкие последствия и сложно прогнозируемые причины совершения.

Российское законодательство пошло по пути в том числе правового предупреждения групповых преступлений. Преступные деяния, совершаемые в группе, являются квалифицирующим признаком и соответственно имеют более суровые санкции.

Преступления, совершаемые в обществе, прямо отражаются на преступлениях в местах лишения свободы. Необходимо понимать, что преступления, совершаемые осужденными, по-разному влияют на лиц, отбывающих наказания. Некоторые из них «одобряются» коллективом осужденных, некоторые – нет. Однако преступления осужденных, совершаемые в группе, всегда имеют повышенный уровень общественной опасности, так как могут привести к массовым беспорядкам и действиям, дезорганизующим нормальную деятельность исправительных учреждений.

За последние 3 года (2017–2019 гг.) зарегистрировано около 40 случаев применения насилия в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы в составе группы, по некоторым из них возбуждены уголовные дела по ст. 321 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ); допущено 3 случая массовых беспорядков (ст. 212 УК РФ); совершались групповые побеги (попытки побегов).

Сплочение осужденных в группы отрицательной направленности может перерасти в формирование организованных преступных групп с ярко выраженным лидером и иерархичной структурой. Преступления, совершаемые организованными преступными группами осужденных, имеют устойчивый характер и высокий уровень общественной опасности [1, с. 41]. Чаще всего совершаются:

- преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств (сбыт наркотиков; изготовление наркотических средств; пронос наркотических веществ, их пересылка и доставка);
- мошенничества (с использованием средств мобильной связи и др.);
- преступления против личности (причинение телесных повреждений различной степени тяжести, убийства);

– организация побегов осужденных (побеги; покушения на побеги; выход за запретную зону с целью поиска переброшенных запрещенных предметов);

– дезорганизация деятельности исправительных учреждений (при совершении указанной категории преступлений в составе группы оно тщательно планируется, совершается обычно с причинением значительного вреда сотрудникам и другим осужденным).

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что предупреждение именно групповых преступлений в местах лишения свободы имеет важное значение для нормального функционирования исправительного учреждения.

Прежде чем рассмотреть причины групповых преступлений в исправительных учреждениях, следует определить, каковы же факторы формирования непосредственно групп осужденных, по каким критериям они объединяются.

Самым распространенным основанием для формирования группы является место жительства до осуждения (в процессе отбывания наказания осужденные знакомятся между собой, выясняют близкие (а иногда и общие) регионы проживания), реже – совместная трудовая деятельность, проживание в одном отряде и т. д.

Причины совершения преступлений в составе группы могут быть самыми разнообразными. Анализ научной литературы и эмпирических источников позволил выделить следующие детерминанты совершения групповых преступлений: следование неформальным нормам поведения, повышение авторитета группы, невозможность совершения преступления в одиночку, возможность избежать уголовной ответственности одним или несколькими членами группы, корыстные причины, принуждение со стороны других осужденных.

Деятельность сотрудников исправительного учреждения по предупреждению групповых преступлений ведется по двум основным направлениям: предупредительная деятельность в отношении группы (одного) осужденного и предупредительная деятельность, связанная с условиями отбывания наказания, когда совершение преступлений становится просто невозможным.

Общая предупредительная деятельность является многоаспектной и включает в себя различные меры организационного, правового, технического, тактического, режимного характера [3, с. 184]. Конечной целью подобного рода предупреждения должно стать устранение всех возможных причин, условий и факторов, способствующих совершению преступлений.

Важными аспектами предупреждения совершения групповых преступлений являются: правовые меры. Уголовный кодекс Российской Федерации ужесточает ответственность за совершение преступлений в составе группы;

своевременное возбуждение уголовного дела, оперативное раскрытие и качественное расследование преступления. При анализе уголовных дел о групповых преступлениях осужденных прослеживается тенденция установления роли каждого члена группы, что качественно влияет на общую предупредительную деятельность;

нормы уголовно-исполнительного законодательства, устанавливающие меры поощрения и взыскания, применяемые в отношении осужденных;

постановка на профилактический учет лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности;

оборудование исправительных учреждений инженерно-техническими средствами охраны и надзора. В настоящее время в учреждениях УИС установлено более 80 тыс. видеокамер. Активно применяются технические противопобеговые средства. Для досмотра лиц, отбывающих наказания, используются стационарные металлодетекторы,

рентгенотелевизионные установки, стационарные считыватели биометрической идентификации личности.

Организационные меры предупреждения групповых преступлений осужденных должны быть направлены на снижение латентности данной категории преступлений. В первую очередь это связано с естественной латентностью, когда представители администрации исправительного учреждения не знают о готовящихся или совершенных преступлениях в составе групп осужденных. Важным аспектом организационных предупредительных мер является полный запрет на распространение среди осужденных норм и обычаев тюремной субкультуры, накладывающей негативный отпечаток на функционирование всего исправительного учреждения.

Важная роль в предупредительной деятельности групповых преступлений отводится режимным мероприятиям [2, с. 30]. Плановые и внеплановые режимные мероприятия позволяют в первую очередь находить и изымать запрещенные к хранению и использованию предметы, их проведение носит превентивный характер. Изъятие запрещенных предметов должно послужить толчком к активизации деятельности всех отделов и служб исправительного учреждения. Необходимо вести работы по поиску и пресечению каналов поступления запрещенных предметов.

Индивидуальное предупреждение групповых преступлений осужденных должно быть направлено на выявление групп отрицательной направленности, повышение контроля за отбыванием наказания членов групп, проведение в отношении указанной категории осужденных непосредственной индивидуально-профилактической работы в зависимости от основных характеристик личности.

Подводя итог рассмотрения основных предупредительных мер групповой преступности осужденных, необходимо отметить, что основная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы должна быть направлена на совершенствование нормативной базы, повышение эффективности предварительного расследования групповых преступлений осужденных, соблюдение требований отдельного содержания, поддержание на должном нормативном уровне психологического климата в коллективе осужденных, выявление групп осужденных отрицательной направленности и усиленный контроль за ними.

Библиографический список

1. Ларин С. Б. Особенности первоначального этапа расследования преступлений, совершаемых лидерами и членами организованных преступных групп (ОПГ) в местах лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 195 с.
2. Мальчук О. И., Нуждин А. А. Оперативно-розыскная профилактика преступности в исправительных учреждениях: теоретический аспект // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 1. С. 29–31.
3. Нуждин А. А. Предупреждение преступности: теоретико-правовой аспект // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сб. тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 21–23 нояб. 2017 г.) : в 8 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2017. Т. 2 : Материалы Международной научно-практической конференции «Совершенствование норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства». С. 183–186.

УДК 343.3

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.268-275

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДЕГТЕРЕВ,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Российская Федерация,
e-mail: degtere vand@rambler.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ ПРОТИВ ОСНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Для цитирования

Дегтерев, А. А. Предупреждение преступности против основ политической системы / А. А. Дегтерев // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 2. – С. 268–275. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.268-275.

Аннотация. В статье рассматривается институционально-организационный механизм противодействия преступлениям против государственной власти и средств массовой информации. Выявляются проблемы технического и организационно-правового сопровождения профилактической деятельности. Предлагается разработать в рамках профилактической деятельности стратегию противодействия преступлениям против основ политической системы, что позволит определить существующие болевые точки в обществе, в государстве и политической системе. Отмечается, что профилактику воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов и средств массовой информации сегодня нельзя недооценивать. В связи с этим предлагается доработать Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации».

Ключевые слова: институционально-организационный механизм, государственная власть, средства массовой информации, профилактика преступности, профилактическая работа, политическая система, криминализация общественной жизни, уровень коррупции, экстремистские настроения, демографический кризис, депопуляция населения.

В советское время предупреждению преступности было посвящено много исследований. Это объяснялось, с одной стороны, закрытостью статистических данных для публичного открытого анализа, с другой – потребностями правоприменительной практики, которая была ориентирована на снижение уровня преступности с последующей ликвидацией или приведением ее к абстрактному понятию эксцессов. В. В. Лунеев писал: «Юристы с советских времен, когда все фактические данные были засекречены, не

© Дегтерев А. А., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

имели возможности и опыта системно работать со статистическим материалом. Главным инструментом научного анализа была и остается логика» [1, с. 236].

Предупредительная (профилактическая) работа против преступности в этот период проводилась постоянно, существовали формы отчетов, которые носили обязательный характер. Разумеется, в профилактической деятельности имелись недостатки, но, несмотря на это, она все же была эффективным средством борьбы с преступлениями против основ политической системы, которые в то время назывались государственными преступлениями.

Как бы то ни было, но предупреждение преступности стало основным направлением отечественной криминологии, самостоятельной научной теорией и получило научный аппарат. «Таким образом, можно констатировать, что к настоящему времени мы имеем сформировавшуюся в основных категориях теорию предупреждения преступности как совокупность научных знаний о специальной области регулирования общественных отношений» [2, с. 7]. На практике это означало деятельность по преобразованию общественных отношений в целях устранения причин преступности и условий, им способствующих. На эту деятельность должно работать все общество, а также все без исключения государственные институты.

Например, С. В. Дьяков говорил о следующих причинах, которые он называл угрозами безопасности, порождающими преступления против легитимности власти: 1) резкий рост социального расслоения населения; 2) низкий уровень жизни большинства населения; 3) усиление напряженности и рост конфликтов на политической, этнической и конфессиональной основе; 4) криминализация общественной жизни, высокий уровень коррупции и экстремистских настроений; 5) демографический кризис и депопуляция населения [3, с. 195].

В совокупности элементы деятельности по предупреждению преступности образуют самостоятельную систему регулирования общественных отношений, состоящую из следующих уровней: 1) специальные профилактические меры применительно к видам преступлений; 2) специальные профилактические меры применительно к типам преступного поведения; 3) профилактические меры применительно к сферам общественной жизни; 4) профилактические меры применительно к отраслям экономики; 5) специальные профилактические меры применительно к сферам деятельности человека; 6) индивидуальная профилактика; 7) предупреждение отдельных конкретных преступлений [2, с. 7–8].

В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Закон) субъектами профилактики являются: 1) федеральные органы исполнительной власти; 2) органы прокуратуры; 3) следственные органы Следственного комитета; 4) органы государственной власти субъектов Российской Федерации; 5) органы местного самоуправления.

Кроме того, согласно ст. 6 Закона специальные меры профилактики правонарушений в пределах установленной компетенции уполномочены применять должностные лица органов федеральной службы безопасности, органов уголовно-исполнительной системы и иных государственных органов, если такое право им предоставлено законодательством Российской Федерации.

Предупреждение преступлений, направленных против основ политической системы России, имеет особое значение, поскольку нейтрализация соответствующих причин является прямым условием стабильности как самой политической системы, так и развития общественных отношений.

Понятия «предупреждение» и «профилактика» преступлений и преступности употребляется нами в едином понимании как синонимы. Исходя из этого криминологическая профилактика – это профилактика преступлений и профилактика некоторых правонарушений некриминального характера, прежде всего административных правонарушений, ближе всего стоящих к преступлениям как наиболее опасным противоправным деяниям. Криминологическая профилактика – это совокупность мер по выявлению и устранению (блокированию, нейтрализации) причин, а также условий и иных детерминант преступности и связанных с нею правонарушений [4, с. 13, 25].

Определение профилактики правонарушений содержится в ст. 2 Закона: это совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения ими правонарушений или антиобщественного поведения. Основными направлениями профилактики являются: 1) защита личности, общества и государства от противоправных посягательств; 2) предупреждение правонарушений; 3) развитие системы профилактического учета лиц, склонных к совершению правонарушений; 4) охрана общественного порядка, в том числе при проведении спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий; 5) обеспечение общественной безопасности, в том числе безопасности дорожного движения и транспортной безопасности; 6) противодействие незаконной миграции; 7) предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних; 8) противодействие терроризму и экстремистской деятельности, защита потенциальных объектов от террористических посягательств, в том числе критически важных и (или) потенциально опасных объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения, а также мест массового пребывания людей; 9) противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров; 10) обеспечение защиты и охраны частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности; 11) обеспечение экономической безопасности; 12) противодействие коррупции, выявление и устранение причин и условий ее возникновения; 13) обеспечение экологической безопасности, охрана окружающей среды; 14) обеспечение пожарной безопасности; 15) предупреждение, ликвидация и (или) минимизация последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; 16) повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан.

Главное направление борьбы с посягательствами на основы политической системы – это предупреждение совершения данных преступлений, возможно, на более отдаленном расстоянии от непосредственного создания благоприятных в криминогенном понимании условий для исполнения преступных намерений у соответствующих лиц. Социально-негативные последствия преступлений могут быть настолько тяжелыми, что ни последующее обнаружение и привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в их совершении, ни суровое наказание преступников не смогут устранить тот ущерб, который может быть нанесен интересам страны, в том числе ее международному престижу.

Борьбу с преступлениями против основ политической системы ведут разные правоохранительные органы, в том числе органы Федеральной службы безопасности, Следственный комитет, полиция и прокуратура. Руководство этих правоохранительных органов справедливо полагает, что предупреждение преступлений против основ политической системы является одной из важнейших их задач и главным направле-

нием борьбы со всеми общественно опасными противоправными деяниями. Помимо выявления, предупреждения и пресечения преступлений против основ политической системы в ходе оперативно-розыскной деятельности, представители правоохранительных органов ведут профилактическую работу, являющуюся логическим продолжением оперативной деятельности, заключающейся в системе мер психологического воспитательного воздействия на лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, которая в случае непринятия надлежащих мер перерастает в криминогенную ситуацию.

Проведенные социологические исследования показали, что в советское время правоохранительные органы в среднем в год занимались профилактической работой примерно с около 10 тыс. человек, поведение которых могло привести к совершению особо опасных преступлений против основ политической системы, причем не более 1 % этих лиц, несмотря на предпринимаемые меры, все же совершали преступления. Следовательно, эффективность профилактики преступности против основ политической системы была очень высокой, чего нельзя сказать о современной действительности. Как правильно считают М. М. Бабаев и Е. Ю. Пудовочкин, дело с организацией профилактики преступлений и правонарушений обстоит плохо. В качестве системы профилактики просто отсутствует. Фактически вне поля интересов правоохранительных органов остаются такие важные и актуальные вопросы, как определение «цены» преступности и ее реального уровня. Социальным последствиям преступности уделяется ничтожно малое внимание. Между тем это огромный пласт негативных событий, возникающих в результате совершения преступлений. Здесь в тугой узел оказываются завязанными подчас противоречивые интересы государства, общества и отдельных граждан [5, с. 199–200].

Цена преступности – это денежная (монетизированная) оценка негативного влияния преступности (вреда и издержек) на общество в целом и конкретных объектов общественных отношений при конкретном режиме за определенный промежуток времени [6, с. 7].

Правоохранительные органы осуществляют как индивидуальную, так и общую профилактику преступлений, посягающих на основы политической системы. В соответствии со ст. 16 Закона профилактика правонарушений осуществляется при возникновении социальных, экономических, правовых и иных причин и условий, способствующих совершению правонарушений, в том числе преступлений.

Согласно ст. 15 Закона общая профилактика правонарушений направлена на выявление и устранение причин, порождающих правонарушения, и условий, способствующих совершению правонарушений или облегчающих их совершение, а также на повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан.

Для успешного осуществления общей профилактики обязательно должны быть собраны полные и достоверные данные о происходящих в обществе социально-негативных процессах, а также сделан прогноз о том, как будет развиваться ситуация в тех сферах деятельности, которые непосредственно или опосредованно будут влиять на причины преступлений против основ политической системы. Все это определено в Законе как необходимость: выявления, оценки и прогнозирования криминогенных факторов социального характера; совершенствования механизмов эффективного взаимодействия субъектов профилактики правонарушений; выявления и устранения причин и условий, способствующих антиобщественному поведению и совершению правонарушений, в том числе на почве социальной, расовой, национальной или религиозной розни; выявления лиц, склонных к совершению правонарушений; выявления лиц, пострадавших от правонарушений или подверженных риску стать таковыми, и лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации; применения в соответствии с законодательством РФ специаль-

ных мер профилактики правонарушений административного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и оперативно-розыскного характера в целях предупреждения правонарушений; проведения мониторинга в сфере профилактики; применения иных мер, предусмотренных законодательством.

В ст. 17 Закона закреплены следующие формы профилактического воздействия на потенциальных нарушителей: правовое просвещение и правовое информирование; профилактическая беседа; объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения; профилактический учет; внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения; профилактический надзор; социальная адаптация; ресоциализация; социальная реабилитация; помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми.

Как показывает практика, наиболее эффективными формами профилактического воздействия являются профилактическая беседа и объявление официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений. Обе указанные формы являются разновидностью индивидуальной профилактики. Индивидуальная профилактика правонарушений направлена на оказание воспитательного воздействия на лиц, которые в ней нуждаются, на устранение факторов, отрицательно влияющих на их поведение, а также на оказание помощи лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми.

Индивидуальная профилактика – это система мер, проводимых в отношении конкретных лиц в целях предупреждения совершения ими преступлений, направленных против основ политической системы. Основанием для начала профилактической деятельности является наличие полных и достоверных данных, свидетельствующих о том, что поведение конкретного человека может нанести ущерб политической системе и противоречит общественным и государственным интересам. Кроме того, профилактическая деятельность направлена на защиту интересов самого человека, который, возможно, остановился в шаге от совершения преступления; тем самым представители субъектов профилактики не допустили привлечения его за возможное совершение преступления к уголовной ответственности.

Методы индивидуальной профилактики необязательно должны исчерпываться только теми формами, которые определены в Законе. Помимо названных, к ним относятся: личные беседы с потенциальным нарушителем закона; беседы с родственниками и близкими друзьями; беседы с руководителями организаций, где работает лицо, в отношении которого осуществляются профилактические меры. При этом используются как гласные, так и негласные (в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности») методы профилактической деятельности.

Профилактическое значение, противодействующее усугублению последствий совершения преступлений против основ политической системы, имеют нормы Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), направленные на поощрение позитивного посткриминального поведения лиц, которые оказались причастными к данным преступлениям. Речь идет о добровольном отказе от преступления (ст. 31 УК РФ), явке с повинной, об активном способствовании раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления (ст. 61 УК РФ). Кроме того, в примечании к ст. 275 УК РФ закреплено, что лицо, совершившее в том числе насильственный захват власти,

освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Информационное обеспечение выборов в информационно-телекоммуникационном пространстве в Интернете наиболее уязвимо и слабо защищено от угроз манипуляции данными избирателей и данными об их волеизъявлении. На пресечение манипулятивных техник, внедряющих в сознание и практику циничное потребительское отношение к демократическим избирательным процедурам, должны быть направлены усилия всех, кто определяет форму и содержание избирательного процесса, обеспечивает разбирательство в избирательных спорах, осуществляет контроль и надзор со стороны общества и государства. Противопоставить рынку манипулятивных техник в избирательном процессе можно, с одной стороны, суровость уголовных санкций и страх перед так называемыми цветными революциями, условиями которых могут стать нарушения прав избирателей, а с другой стороны, разъяснение, грамотную информативную работу средств массовой информации и правовое воспитание, основанное на балансе интересов личности, государства и капитала [7].

Что касается «цветных революций», то вопрос разработки мер по предупреждению на ранних стадиях преступлений, посягающих на легитимность власти как феномена политической системы России, представляется актуальным. Прежде всего, в данном случае следует говорить о предупреждении преступлений, направленных на насильственный захват или насильственное удержание власти, а также о предупреждении вооруженного мятежа. Все многообразие вариантов противодействия «цветным революциям» можно условно разделить на четыре группы:

1) нормативно-правовые методы противодействия – могут применяться для создания условий, препятствующих разворачиванию активной политической деятельности лидеров и организаций, ориентированных на свержение действующей власти, а также осуществлению их поддержки (как материальной, так и информационной) из-за рубежа. Например, в результате проведенных проверок признаки политической деятельности, связанные с финансированием из-за рубежа в течение 2010–2013 гг. в объеме, превышающем 6 млрд рублей, были выявлены у 215 некоммерческих организаций. Некоторые из этих организаций за трехлетний период (только по данным их собственных отчетов) получили из-за границы свыше 800 млн рублей. Занимаясь политической деятельностью, участвуя в избирательном процессе, публичных мероприятиях, непосредственно оказывая влияние на основы политической системы (например, путем лоббирования определенных законопроектов), получая деньги из-за границы и подробно отчитываясь перед зарубежными спонсорами об их расходовании, ни одна из этих организаций не захотела признавать себя иностранным агентом и не намерена добровольно регистрироваться в данном качестве. В нарушение норм Венской конвенции о праве международных договоров (1969 г.) 17 российских организаций, занимавшихся политической деятельностью, напрямую финансировались посольствами США, Великобритании, Бельгии, Германии, Нидерландов и Швейцарии, что, по оценке МИД России, является вмешательством во внутренние дела нашей страны и нарушает общепринятые нормы международного права [8];

2) административные методы – обладают большей оперативностью и помогают решать широкий круг задач предотвращения «цветной революции», особенно на этапе ее подготовки. В частности, это возможно путем создания патриотических общественно-

политических организаций и партий, поддержки их деятельности, предоставления организационного и отчасти материального и информационного ресурса таким организациям;

3) информационные методы – являются наиболее важными. Они играют ключевую роль практически на всех этапах препятствования подготовки и осуществления «цветной революции», от эффективности их применения в значительной степени зависит возможность ее недопущения или пресечения. Неэффективное применение даже превосходящего по потенциалу информационного ресурса со стороны государственной власти приводит к провалу и падению официальных структур. «Цветная революция» не может существовать без сетевых ресурсов Интернета. Это одновременно ее воздух, ее пространство и ее инструмент;

4) экономические методы – имеют значение для подрыва материально-ресурсного потенциала «цветной революции». Основу данных методов составляют технологии, позволяющие парализовать деятельность экономических субъектов, наполняющих материальную базу представителей «цветной революции», нейтрализовать активность на территории России иностранных экономических субъектов, блокировать накопление и перемещение материальных средств и финансов. При этом в Европе платежи с использованием Интернета являются объектом расследования и уголовного преследования. Давно подтверждено правило: с сетевыми структурами в Интернете могут эффективно бороться только другие сетевые структуры, работающие в том же операционном поле, что и их противники [8].

Как правильно говорил С. В. Дьяков, криминологические обобщения позволяют полнее исследовать сложную и динамичную структуру личности преступника, увидеть, какое звено структуры личности подверглось наибольшей криминогенной деформации, какова устойчивость и сила антиобщественной направленности (установки) личности, а следовательно, говорить о возможном поведении такого человека и принимать ответственные решения, направленные на профилактику преступного поведения [3, с. 173].

Таким образом, институционально-организационный механизм противодействия преступлениям против государственной власти и средств массовой информации в целом законодательно закреплен. Проблема заключается в техническом и организационно-правовом сопровождении профилактической деятельности в соответствующем направлении. Например, порядок проведения профилактической беседы не определен, в то время как реализация объявления официального предостережения закреплена только в приказе ФСИН России от 12 декабря 2017 г. (ст. 58 УИК РФ), за что следует выразить этому уважаемому ведомству благодарность как одному из немногих, старающихся заниматься профилактической работой. При этом порядок мониторинга профилактики определен постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2016 г. № 1564.

Очевидно, что работа по совершенствованию профилактики правонарушений, в том числе преступлений против основ политической системы России, должна быть продолжена. Необходимо, на наш взгляд, разработать в рамках профилактической деятельности стратегию противодействия преступлениям против основ политической системы. Этот документ должен быть небольшим по объему, но в то же время емким и информативным, определять существующие болевые точки и в обществе, и в государстве, и в политической системе.

Что касается профилактики воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов, то законодательная норма ст. 49 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», в которой закрепляется, что государство гарантирует журналисту в связи с осуществлением им профессиональной

деятельности защиту его чести, достоинства, здоровья, жизни и имущества как лицу, выполняющему общественный долг, очевидно, не выполняет той функции, для реализации которой она существует. Роль средств массовой информации и журналистов и сегодня велика, а в ближайшее время будет только возрастать. Влияние (как позитивное, так и негативное) журналистов на вопросы развития и совершенствования политической системы России нельзя недооценивать, тем более что и сам Закон «О средствах массовой информации» явно устарел.

Таким образом, предупреждение преступности против основ политической системы можно определить как деятельность общих и специальных субъектов профилактики по преобразованию общественных отношений в целях устранения причин и условий преступности в сфере безопасного функционирования государства и его политических институтов.

В связи с особенностями функционирования политической системы, состоящей из компонентов, которые связаны между собой как звенья одной цепи (но соединение этих звеньев может быть разным), считаем необходимым поставить вопрос о разработке отдельных теорий и программ предупреждения вооруженных мятежей, воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов, а также нарушения норм уголовного закона, касающихся избирательного процесса. Однако это отдельная самостоятельная работа, которая, возможно, будет в дальнейшем осуществлена нами, либо найдется другой исследователь, которого заинтересуют вопросы борьбы с преступлениями, посягающими на основы политической системы России.

Библиографический список

1. Лунеев В. В. Истоки и пороки российского уголовного законодательства. М., 2014. 315 с.
2. Курс советской криминологии / под ред. В. Н. Кудрявцева. М. : Юридическая литература, 1985. Т. 1 : Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. 415 с.
3. Дьяков С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб. : Юридический центр Пресс, 2012. 267 с.
4. Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы : монография. М. : Норма, 2001. 496 с.
5. Бабаев М. М., Пудовочкин Е. Ю. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа : монография. М. : Юрлитинформ, 2017. 693 с.
6. Цена преступности (методология ее определения) : монография / под ред. Н. А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2014. 216 с.
7. Акунченко Е. А., Дамм И. А., Щедрин Н. В. Антикоррупционная безопасность избирательного процесса: состояние и перспективы // Национальная безопасность. 2018. № 1. С. 49–71.
8. Агапов П. В., Меркурьев В. В. Противодействие технологиям «цветных революций» в системе мер по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2(28). С. 63–71.

УДК 338.4:343.8

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.276-283

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА БЕЛОВА,

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономики и менеджмента,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: belova_t_n@mail.ru;

ДМИТРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ СЛЮНЯЕВ,

младший инспектор группы надзора отдела безопасности,
ФКУ ИК-7 УФСИН России по Белгородской области,
г. Валуйки, Российская Федерация,
e-mail: dmitryslunyaev@yandex.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ТОВАРНОЙ СТРАТЕГИИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Для цитирования

Белова, Т. Н. Моделирование товарной стратегии производственной деятельности исправительного учреждения / Т. Н. Белова, Д. В. Слюняев // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 2. – С. 276–283. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.276-283.

Аннотация. В статье рассматривается метод планирования товарной стратегии хозяйствующих субъектов, актуальный для производственных подразделений уголовно-исполнительной системы, предлагается адаптированный к особенностям функционирования производственных подразделений исправительных колоний метод разработки товарной стратегии – матрица Бостонской консалтинговой группы. Суть метода состоит в оптимизации отраслевой структуры товарной продукции путем сегментации – увеличении доли отраслей с высокой эффективностью за счет сокращения выпуска продукции с высокой себестоимостью и неконкурентоспособных на рынке. Моделирование товарной стратегии производственной деятельности является необходимым условием успешного развития исправительного учреждения в средней и долгосрочной перспективе. В качестве объекта исследования выбрано производственное подразделение ФКУ ИК-7 УФСИН России по Белгородской области, являющееся типичным хозяйствующим субъектом, для которого актуальна проблема оптимизации отраслевой структуры производства. На основе данных отчетности за последние три года была построена матрица Бостонской консалтинговой группы и выявлены проблемные товарные сегменты. В проектной матрице Бостонской консалтинговой группы содержится решение по изменению товарной структуры по критерию

© Белова Т. Н., Слюняев Д. В., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

увеличения массы финансового результата (прибыли), что позволит учреждению инвестировать финансовые средства в расширение и модернизацию товарных сегментов, которые определены в качестве приоритетных. Изучение и внедрение описанного положительного опыта может стать эффективным инструментом дальнейшего реформирования производственных подразделений учреждений системы уголовно-исполнительных наказаний.

Ключевые слова: товарная стратегия, матрица Бостонской консалтинговой группы, отраслевая структура производства, экономическая эффективность, производственные подразделения исправительных колоний.

Вопросы выбора правильной товарной стратегии актуальны для любого хозяйствующего субъекта, в том числе и для исправительных учреждений, осуществляющих воспроизводственный цикл от закупки сырья и материалов до реализации готовой товарной продукции. Товарная стратегия является частью общей экономической стратегии любого предприятия, но в данном случае необходимо понимать возникающие риски [4, 12]. Дело в том, что при неверно выбранной товарной стратегии, когда ставка на определенный товар или ассортимент товаров является ошибочной и товар не находит места на рынке, все остальные позиции экономической стратегии не имеют смысла [10, 11]. При этом не исполняется инвестиционный план, так как нет или недостаточно прибыли. Производственная программа должна пересматриваться в силу дефицита производственных ресурсов. Следовательно, товарная стратегия хозяйствующего субъекта – это вопросы не только продвижения товара на рынок, но и рационального использования производственных ресурсов, имеющихся в его ведении [6].

Выбор товарной стратегии для производственного подразделения исправительного учреждения зависит от уровня экономической эффективности производства того или иного продукта, выпускаемого на рынок. Рыночная равновесная цена формируется под влиянием целого комплекса факторов, которые для данного учреждения выступают как внешние [8]. В этой ситуации только предложение более низкой цены в сравнении с конкурентами при соблюдении стандартов качества является условием получения экономической выгоды. Следует отметить, что исправительные учреждения в такой ситуации имеют преимущества, если они выбраны для выполнения государственного заказа [8, 9].

Современные методы планирования товарной стратегии предусматривают разработку оптимальной товарной стратегии, которая является наилучшей с позиции выбранного критерия оптимальности. В настоящее время на корпоративном уровне применяются следующие инструменты разработки модели товарной стратегии. Это портфельные стратегии (матрица Бостонской консалтинговой группы (БКГ), МакКинси), стратегии роста (матрица Ансоффа, матрица Внешних преобразований) и конкурентные стратегии (Пять сил Портера, Модель конкурентных сил) [5, 12]. Выбор инструмента исследования необходимо связывать с целью и особенностями хозяйствующего субъекта. В производственных подразделениях уголовно-исполнительной системы (УИС) эти методы пока не находят достойного применения.

С учетом особенностей хозяйствования исправительного учреждения нам представляется рациональным выбор модели товарной стратегии на основе матрицы БКГ. Преимуществом матрицы БКГ в сравнении с другими методами разработки товарной стратегии является то, что ее можно применять как для крупных, так и для малых предприятий с небольшим ассортиментом товаров, «приспособив» для исправительных уч-

реждений. Численная модель модифицированной матрицы БКГ была построена нами для типичного хозяйствующего субъекта УИС – ФКУ ИК-7 УФСИН России по Белгородской области (далее – ФКУ ИК-7).

Данное учреждение является исправительной колонией строгого режима для впервые осужденных мужчин. Хозяйственная деятельность колонии представлена различными видами – это сельскохозяйственное производство (производство мяса и мясопродуктов, выращивание и переработка овощей), деревообработка, химическая промышленность, производство металлических изделий и строительных металлических конструкций, ящиков, столярных изделий и т. д. В настоящее время ФКУ ИК-7 выпускает свыше 30 наименований товарной продукции, имеющей спрос на потребительском рынке, и считается ведущим среди исправительных колоний региона. Даже в условиях кризисных тенденций современной российской экономики ФКУ ИК-7 сохранило довольно высокие темпы экономического роста и значительные объемы выпуска продукции. Так, в 2017 г. по сравнению с 2016 г. объем производства увеличился на 15,7 % и составил 233,6 млн рублей. В 2018 г. удалось нарастить объемы производства до 327,2 млн рублей, что позволяет отнести колонию к категории крупных хозяйствующих субъектов региона по объемам выпуска продукции и оказания услуг. В целом за последние три года объем производства увеличился на 162,1 %, что характеризует работу Центра трудовой адаптации осужденных (ЦТАО) как экономически эффективную. Практически весь объем производимой продукции (более 90 %) идет на продажу. Распределение производственных ресурсов ФКУ ИК-7 по товарным сегментам представлено на рисунке 1 (данные за отчетный 2018 г.).

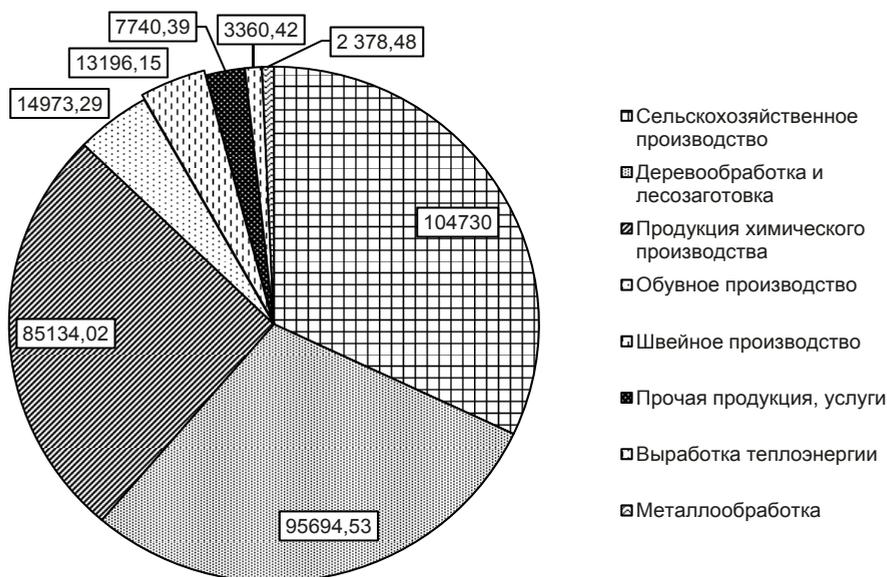

Рис. 1. Структура товарной продукции ФКУ ИК-7 УФСИН России по Белгородской области, 2018 г. (данные статистики ФСИН России)

Три вида хозяйственной деятельности – сельскохозяйственное производство, лесозаготовка и деревообработка, химическая промышленность – составляют 87,2 %

от суммарной стоимости производства товаров и услуг. На долю сельского хозяйства приходится 32 %, деревообработки – 29 %, а вклад химической промышленности в общий объем производства составляет 26 %. Кроме того, в колонии осуществляется хозяйственная деятельность по другим видам производства, которые с учетом размеров можно считать дополнительными: обувное производство (4,6 % от общего выпуска товаров и услуг), швейное производство (4,0 %), выработка тепловой энергии (1 %), а также услуги по ремонту автотранспорта, сувенирная продукция и т. д.

С позиции вклада в достижение общего финансового результата – прибыли – каждый вид хозяйственной деятельности, осуществляемый в ЦТАО, весьма дифференцирован. Рентабельность реализованной продукции наряду с долей в структуре товарной продукции здесь выступает вторым фактором обоснования плановой товарной стратегии. Например, в химическом производстве, представленном изготовлением различных видов мела, доля продукции «Мел ММЖП-3 АТ в контейнерах» составляет 23,4 % от общего выпуска по этой отрасли. В то же время рентабельность этого вида продукта весьма низка и составляет 1,9 %. Напротив, продукция с высокой рентабельностью 22 % – «Мел ММЖП-3 АТ (евро) (м)» составляет в структуре химической отрасли 39 %. Возникает идея перераспределения производственных ресурсов внутри отрасли химической промышленности, общая рентабельность которой весьма невелика и составляет 8,2 %.

Простая и логичная идея модифицированной матрицы БКГ состоит в планировании отраслевой структуры производства таким образом, чтобы увеличить производство выгодных видов товарной продукции и сократить менее доходные или убыточные виды. Такие изменения должны происходить в рамках имеющихся производственных ресурсов: производственных площадей, материалов, трудовых ресурсов и т. д. В результате должна увеличиться как масса прибыли, так и рентабельность хозяйственной деятельности.

Модифицированная матрица БКГ представляет собой поле системы координат: на оси абсцисс откладываются данные о доле данного продукта в общей стоимости товарной продукции, а по оси ординат – рентабельность данного продукта. Расположение и размер отдельного продукта зависят от этих двух параметров. В зависимости от рентабельности и доли в структуре товарной продукции товар может занимать позиции в одном из четырех сегментов матрицы с условными названиями БКГ: «Звезды», «Дойные коровы», «Собаки», «Трудные дети». Попадание в зону «Звезды» означает высокую рентабельность и большую долю в общих продажах. «Дойные коровы» – это продукты с меньшей рентабельностью, но занимающие значительную долю всей выручки. В поле «Трудные дети» попадают продукты, занимающие незначительную долю производства, но перспективные, с высокой рентабельностью. Наконец, четвертый сегмент матрицы – это «Собаки» – продукты, от которых следует избавляться, так как они имеют низкую рентабельность. На рисунке 2 представлена матрица БКГ, построенная по отчетным данным отрасли «Химическая промышленность» ФКУ ИК-7 за 2018 г.

Выручка от реализации продукции отрасли химической промышленности составила 85,1 млн рублей, прибыль – 1,1 млн рублей. По итогам 2018 г. рентабельность реализованной продукции была на уровне инфляции, невысокой – 8,1 %. Такой уровень рентабельности недостаточен, чтобы инвестировать в расширение и модернизацию производства. Какие резервы мы видим по матрице БКГ? Продукция «Мел ММЖП-3» с рентабельностью 2 % и долей в товарной структуре 14 % попала в зону «Собаки». Это означает, что объемы производства этого вида продукта следует снижать до уровня госзаказа либо ликвидировать. Высвободившиеся произ-

водственные ресурсы необходимо направить на расширение производства продукта, попавшего в поле «Звезды», – это «Мел ММЖП-3 АТ (евро)». Высокую рентабельность в 25 % имеет позиция «Мел ММЖП-2», которая в структуре товарной продукции занимает незначительное место – 6 %. Эта продукция попадает в поле «Трудные дети». В дальнейшем логично увеличить выпуск этой продукции.

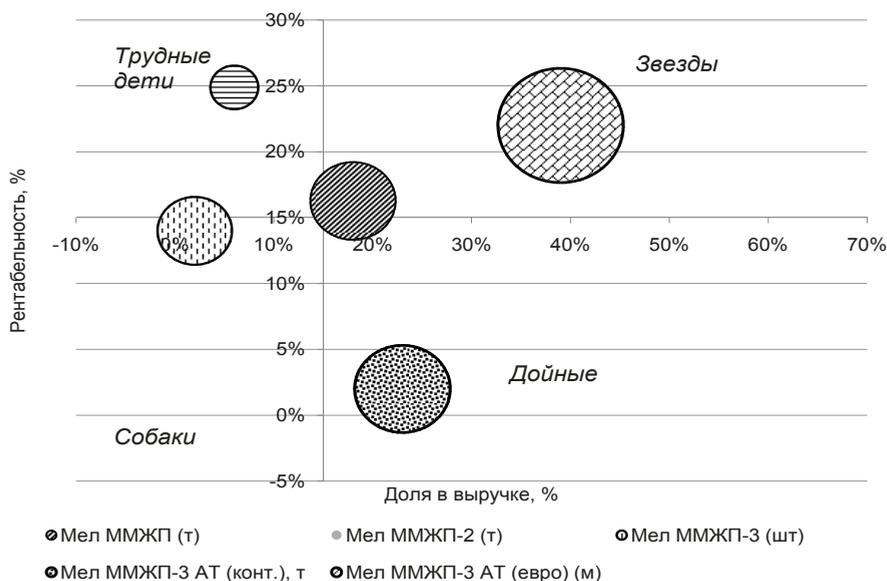

Рис. 2. Матрица БКГ по отрасли «Химическая промышленность» ЦТАО ФКУ ИК-7 УФСИН России по Белгородской области, 2018 г.

Предлагаемые изменения в структуре товарной продукции отражены на матрице-проекте БКГ (рис. 3). В химической отрасли предлагается снять с производства такой неликвидный товар, как «Мел ММЖП-3», а «Мел ММЖП-3 АТ (контейнер)» оставить на уровне договорных обязательств. В поле «Собаки», следовательно, осталась только одна позиция. Высвободившиеся средства необходимо направить на перспективные сегменты товарного производства – это позиция «Мел ММЖП», которая перемещается в поле «Звезды». Товарная позиция «Мел ММЖП-2 (т)», после проведенных изменений также укрепляется, так как доля товара в структуре товарной продукции по отрасли увеличилась и сместилась на более уверенные позиции внутри группы «Трудные дети». В результате произведенных изменений в товарной структуре отрасли химической промышленности значительно выросла рентабельность – с 8,1 % по отчету за 2018 г. до 19,8 % по проекту. Следует также отметить, что проектные изменения структуры товарной продукции производились при сложившейся рентабельности производства отдельных видов продукции, то есть не затрагивали вопросов его модернизации и повышения производительности труда.

В соответствии с описанной процедурой были разработаны изменения в товарной структуре других отраслей производства – сельского хозяйства и деревообработки. В отрасли «Сельское хозяйство» основная группа товаров (свинина, молоко, свекла, огурцы) находится в поле «Звезды». Это означает популярный и хорошо продаваем-

мый товар, с высокой прибыльностью. Говяжье мясо находится на пересечении полей «Звезды» и «Дойные коровы» – это также источник стабильных доходов. Его пересечение с полем «Звезды» говорит о перспективах и возможном дальнейшем лидерстве среди остальных продуктов. Однако товарный сегмент «Капуста свежая» находится в сложном поле пересечения «Трудные дети» и «Собаки». Это означает, что этот продукт легче купить, чем затрачивать ресурсы на собственное производство. Таким образом, проектные изменения в отрасли «Сельское хозяйство» весьма незначительны. В данном случае в связи с удачным расположением колонии в местах с благоприятным климатом для развития сельского хозяйства (об этом свидетельствуют и показания отраслевой структуры производства колонии) рекомендуется применять дальнейшую активную стратегию развития. Причина такого вывода состоит в стабильности доходов от сельскохозяйственного производства и невозможности перераспределения производственных ресурсов в другие отрасли [1, 2].

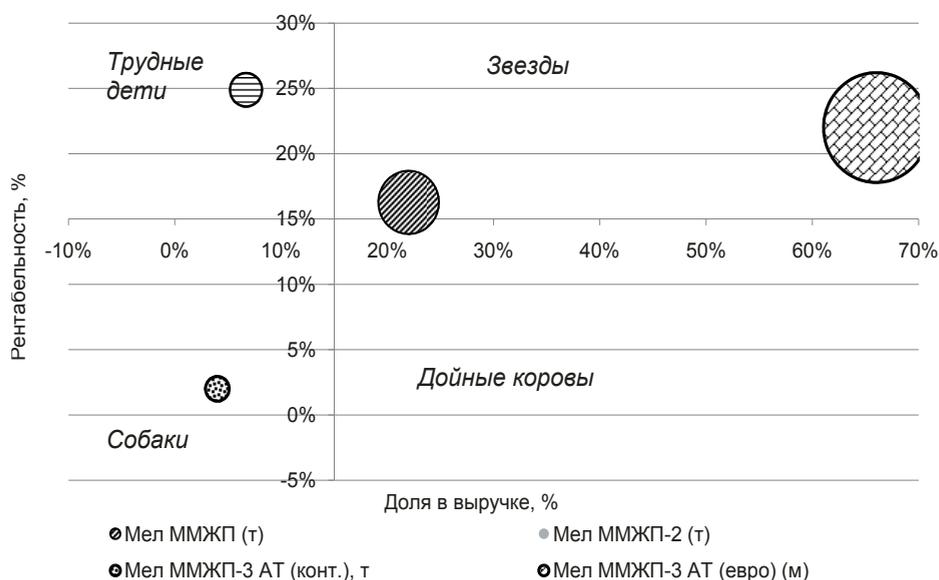

Рис. 3. Проект товарной структуры производства, построенный с использованием матрицы БКГ по отрасли «Химическая промышленность» ЦТАО ФКУ ИК-7 УФСИН России по Белгородской области

Небольшие изменения планируются в отрасли «Деревообработка, лесозаготовка», так как ситуация здесь также вполне благоприятна. Товары сегментов «Доска обрезная» и «Поддон деревянный» хорошо продаются и попадают в поле «Звезды». На пересечении полей «Звезды» и «Дойные коровы» попадает товарный сегмент «Рамка для икон». Эту позицию следует сохранить. В целом товарная стратегия в этой отрасли достаточно эффективна и не требует кардинальных изменений.

Предлагаемая стратегия, разработанная с применением матрицы БКГ, демонстрирует повышение экономической эффективности. Если предложенные стратегические мероприятия будут внедрены, то чистый финансовый результат (прибыль) возрастет на 293 740 рублей, а рентабельность от продаж увеличится до 15,45 %. Следует отме-

тить, что проектные предложения не требуют дополнительных капитальных вложений, а осуществляются только за счет перераспределения имеющихся производственных ресурсов между отраслями.

Таким образом, нами предложен подход к моделированию товарной стратегии производственной деятельности для ФКУ ИК-7 УФСИН России по Белгородской области, который призван решить задачу выбора стратегии в условиях жесткой экономики ресурсов, связанной со спецификой статуса исправительного учреждения УИС. Решение предложено для случая относительно успешно функционирующего исправительного учреждения, которое действует в условиях благоприятной производственной конъюнктуры и хороших климатических условий.

Приведенный пример использования матрицы БКГ для моделирования товарной стратегии хозяйствующего субъекта является весьма типичным, но не исчерпывает все возможные ситуации, возникающие на практике [3, 7]. Необходимо предварительно сделать углубленный анализ доходности по каждому товарному сегменту и рассмотреть целесообразность выпуска того или иного продукта. Длина товарной линии может быть увеличена и вытянута различным образом. Вытягивание товарной линии в нижнюю часть матрицы БКГ означает дополнение отраслевого сегмента более дешевыми продуктами. Это, в свою очередь, может негативно отразиться на продажах основного продукта, находящегося в сегментах «Звезды» и «Дойные коровы». Другим вариантом увеличения товарной линии может стать рост объемов выпуска новых товаров в том же ценовом диапазоне [6]. Целью такой товарной стратегии является увеличение прибыли, более рациональное распределение производственных ресурсов, загрузка неиспользуемых производственных мощностей и борьба с конкурентами, выпускающими аналогичную продукцию. Следовательно, моделирование товарной стратегии производственной деятельности является необходимым условием успешного развития исправительного учреждения в средней и долгосрочной перспективе.

Библиографический список

1. Белова Т. Н. Процессы импортозамещения в агропродовольственной сфере // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 1. С. 285–297.
2. Белова Т., Куприянов В. Моделирование динамики российских агропродовольственных рынков: оценки и прогнозы // Экономист. 2019. № 12. С. 28–37.
3. Белова Т. Н. Продовольственная безопасность исправительных учреждений в контексте формирования регионального агропродовольственного рынка // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом : сб. тез. выступ. и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2018. Т. 2. С. 1505–1509.
4. Белова Т. Н. Экономика уголовно-исполнительной системы как объект прогнозирования с использованием математических моделей // Человек: преступление и наказание. 2016. № 2(93). С. 102–107.
5. Буранова Е. А., Игнатъев А. И., Родионов А. В., Чернышов И. Н., Бальян Э. В., Кочинян Г. Э. Основы планирования производственной деятельности : учеб. пособие. Рязань : Академия ФСИН России, 2019. 237 с.
6. Калашников Г. М., Гришина О. Ю., Абрамова Д. Н. Повышение конкурентоспособности продукции в производственном подразделении учреждения уголовно-исполнительной системы // Инновационный подход к решению проблем в области экономики и права. М., 2020. С. 84–87.

-
7. Конкина В. С. Сравнительный анализ основных подходов к управлению затратами в отрасли молочного производства // Вестник аграрной науки. 2013. № 1. С. 136–141
 8. Конкина В. С., Пономарева Е. В., Курочкина Е. Н. Оценка эффективности АПК уголовно-исполнительной системы на примере Рязанской области // Вестник Рязанского государственного агротехнологического университета имени П. А. Костычева. 2016. № 4(32). С. 108–113.
 9. Макарова О. В., Гаспарян С. В. Особенности организации планирования продовольственного обеспечения в учреждениях уголовно-исполнительной системы // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : сб. тез. выступ. и докл. участников (Рязань, 20–22 нояб. 2019 г.) : в 10 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2019. Т. 9 : Материалы международных научно-практических конференций и круглых столов. С. 123–126.
 10. Рой Л. В. Анализ отраслевых рынков : учебник. М. : ИНФРА-М, 2009. 442 с.
 11. Суглобов А. Е., Родионов А. В. Проблемы и перспективы обеспечения продовольственной безопасности России в современных условиях // Russian Journal of Management. 2019. Т. 7. № 4. С. 41–45.
 12. Шерер Ф., Росс Д. Структура отраслевых рынков. М. : ИНФРА-М, 1997. 698 с.

УДК 343.8

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.284-295

ИРИНА СЕРГЕЕВНА ГАНИШИНА,

доктор психологических наук, доцент,
начальник кафедры юридической психологии и педагогики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: irinaganishina@yandex.ru;

НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА ИЛЬНЫХ,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: ilinykh1983@mail.ru

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТУБИНФИЦИРОВАННЫХ ОСУЖДЕННЫХ МОЛОДЕЖНОГО ВОЗРАСТА

Для цитирования

Ганишина, И. С. Личностные особенности тубинфицированных осужденных молодежного возраста / И. С. Ганишина, Н. А. Ильных // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 2. – С. 284–295. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.284-295.

Аннотация. Актуальность исследования личностных особенностей тубинфицированных осужденных, отбывающих уголовные наказания в условиях лечебно-исправительного учреждения, обусловлена долгосрочностью лечения, риском инфицирования окружающих, сложностью противотуберкулезного лечения, влиянием медицинских препаратов на психологическое состояние осужденных. Некоторые личностные особенности тубинфицированных рассмотрены Л. М. Модель (1962), Р. Май (1977), Н. Ю. Исаевой, В. Б. Галкиным (1999), А. А. Истоминым (2011), А. С. Борзенко, В. В. Деларю (2013), Н. А. Егоровой (2014), С. А. Петуновой (2015), С. А. Юдиным (2017), А. В. Мордык, Т. Ю. Удаловой, Н. В. Багишевой (2016), О. Э. Добровольской, Т. Ю. Хабаровой (2016), Ю. Е. Разводовским, П. Б. Зотовым, С. В. Кандрычиным (2017) и др. Авторами выявлены следующие особенности тубинфицированных: повышенная тревожность, депрессивные тенденции, психическая неустойчивость, низкая самооценка. Однако изучение личностных особенностей тубинфицированных осужденных молодежного возраста в современной психологической науке не проводилось. Целью настоящего исследования выступало изучение личностных особенностей тубинфицированных осужденных молодежного возраста, отбывающих наказания в условиях лечебно-исправительного учреждения. Эмпирическое исследование тубинфицированных осужденных было организовано на базе ФКУ ЛИУ-8 УФСИН России по Алтайскому краю. В нем приняли участие 150 тубинфицированных осужденных мужского

© Ганишина И. С., Ильных Н. А., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

пола молодежного возраста. При диагностировании личностных особенностей осужденных использовались следующие психодиагностические методы: праксиметрический (анализ личных дел и медицинских карт), наблюдение, опрос, тестирование (многофакторный личностный опросник «Мини-мульт» Ф. Б. Березина и М. П. Мирошниковой). С целью обработки полученных данных применялась компьютерная программа Psychometric Expert (версия 9.0.7). Установлены следующие личностные особенности тубинфицированных осужденных молодежного возраста: социально-демографические (имеют преимущественно среднее либо неполное среднее образование; не работали до осуждения; в браке не состоят); уголовно-правовые (отбывают наказания в основном за преступления, совершенные против жизни и здоровья (ст. 105–125 УК РФ); осуждены к отбыванию наказаний преимущественно на срок от 5 до 10 лет лишения свободы; в большинстве случаев повторно судимы; являются рецидивистами); медицинские (больны хроническим туберкулезом); психологические (имеют выше среднего уровень ипохондрии, истерии, психопатии, психастении, шизоидности, гипомании; низкий уровень депрессии и паранойи). Анализ личностного профиля, данные наблюдения и опроса тубинфицированных осужденных молодежного возраста позволили сделать вывод о том, что большинству из них свойственны социальная дезадаптация, агрессивность, конфликтность, пренебрежение социальными нормами, неустойчивое настроение, обидчивость, возбудимость, чувствительность, психопатия, шизоидность, ипохондричность, что обусловлено трудной излечимостью заболевания, длительностью и сложностью лечения.

Ключевые слова: тубинфицированные осужденные, лечебно-исправительное учреждение, молодежный возраст, личностные особенности, социально-демографические особенности, уголовно-правовые особенности, медицинские особенности, психологические особенности.

Введение

Актуальность исследования личностных особенностей тубинфицированных осужденных, отбывающих уголовные наказания в условиях лечебно-исправительного учреждения, обусловлена долгосрочностью лечения, риском инфицирования окружающих, сложностью противотуберкулезного лечения, влиянием медицинских препаратов на психологическое состояние осужденных [2]. В настоящее время в пенитенциарной психологии проблема исследования личностных особенностей тубинфицированных осужденных является актуальной и требует всестороннего изучения [6].

Отечественными и зарубежными учеными Н. А. Егорова [5], С. А. Петунова [12], С. А. Юдин [16], R. May [17] выявлены некоторые личностные особенности тубинфицированных: повышенная тревожность, беспокойство за дальнейшую судьбу, депрессивные тенденции, психическая неустойчивость, низкая самооценка. Однако эмпирического исследования личностных особенностей тубинфицированных осужденных молодежного возраста в современной психологической науке не проводилось.

Некоторые отечественные и зарубежные ученые рассматривали тубинфекцию в контексте клинического, медицинского и социально-психологического исследований (Л. М. Модель (1962), R. May (1977), Н. Ю. Исаева, В. Б. Галкин (1999), А. А. Истомин (2011), С. А. Юдин, А. С. Борзенко, В. В. Деларю (2013), Н. А. Егорова (2014), С. А. Пету-

нова (2015), А. В. Мордык, Т. Ю. Удалова, Н. В. Багишева (2016), О. Э. Добровольская, Т. Ю. Хабарова (2016), Ю. Е. Разводовский, П. Б. Зотов, С. В. Кандрычин (2017) и др.).

Одним из первых, опираясь на принцип единства психического и физиологического, взаимосвязь тубинфекции и нервно-психических аномалий в рамках клинической психофизиологии описал Л. М. Модель [10]. R. Мау рассматривал тубинфицирование как результат несоответствия личности своей целостности и образу Я. По его мнению, причиной заболевания является дихотомия между телом и душой [17]. По данным Н. Ю. Исаевой, В. Б. Галкина [7], важнейшими психологическими особенностями тубинфицированных являются трудности социализации и невозможность установления контакта в коммуникативной сфере.

С. А. Юдин, А. С. Борзенко, В. В. Деларю [16] пришли к выводу о том, что при лечении туберкулеза необходимо учитывать такие факторы, как гендерная принадлежность (пол) и возраст. По мнению Н. А. Егоровой [5], к важнейшим социально-психологическим факторам, влияющим на лечение туберкулеза, относятся отсутствие работы и наличие судимости. Н. А. Егорова установила, что в случае, если тубинфицированные адекватно воспринимают болезнь, осознают необходимость лечения, взаимодействуют с врачом, излечение становится возможным [5].

По утверждению С. А. Петуновой, на психологическое, эмоциональное и морально-нравственное состояние тубинфицированных влияет наличие/отсутствие семьи и близких людей [13]. Автор указывает на то, что тубинфицированным свойственна повышенная тревожность, причиной которой является утрата трудоспособности, ухудшение материального благополучия, что вызывает беспокойство за дальнейшую судьбу [12]. С. А. Петунова акцентирует внимание на том, что значительная часть тубинфицированных относится к молодежному возрасту. В силу этого важно в этот возрастной период осуществлять психологическое сопровождение тубинфицированной личности.

А. В. Мордык, Т. Ю. Удалова, Н. В. Багишева установили обратную корреляцию между возрастом и депрессивными тенденциями у лиц с впервые выявленным туберкулезом: чем старше человек, тем ниже уровень депрессивных тенденций [11]. По результатам исследования авторы пришли к выводу о том, что чаще всего туберкулезом болеют мужчины молодежного и среднего возраста.

О. Э. Добровольская, Т. Ю. Хабарова установили, что у тубинфицированных часто наблюдаются хорошо диагностируемые психические заболевания [4]. Нервно-психические расстройства тубинфицированных проявляются в депрессивных состояниях (тревоге, беспокойстве), в мыслях о безнадежности, суициде, обреченности, при этом часто наблюдаются такие личностные особенности, как психическая неустойчивость и низкая самооценка личности. Ю. Е. Разводовский, П. Б. Зотов, С. В. Кандрычин установили взаимосвязь депрессии и высокого уровня суицидального риска у тубинфицированных [14].

В пенитенциарной практике А. А. Истомин рассматривал взаимосвязь ценностных ориентаций и смысла жизни у тубинфицированных осужденных с острой формой туберкулеза [8].

И. С. Ганишиной и Т. В. Кирилловой выявлено сопутствующее заболевание тубинфицированных осужденных в форме ВИЧ-инфекции [3].

Однако несмотря на безусловную значимость проводимых исследований, изучение личностных особенностей тубинфицированных осужденных молодежного возраста в современной психологической науке не осуществлялось.

По мнению А. И. Ушатикова, И. С. Ганишиной, для раскрытия личностных особенностей осужденных следует рассматривать их социально-демографические, уголовно-правовые, медицинские, психологические особенности [15].

Методы

Изучение личностных особенностей тубинфицированных осужденных осуществлялось нами на базе лечебно-исправительного учреждения УФСИН России по Алтайскому краю. В исследовании принимали участие 150 тубинфицированных осужденных мужского пола молодежного возраста, отбывающих наказания в ФКУ ЛИУ-8 УФСИН России по Алтайскому краю. При диагностике личностных особенностей были использованы следующие методы: праксиметрический метод (анализ личных дел, медицинских карт), наблюдение, опрос, психодиагностический метод [1]. Для определения личностных особенностей осужденных был использован многофакторный личностный опросник «Мини-мульти» Ф. Б. Березина и М. П. Мирошникова [9]. С целью обработки полученных данных применялась компьютерная программа Psychometric Expert (версия 9.0.7).

Результаты

В рамках эмпирического исследования нами был проведен анализ личностных (социально-демографических, уголовно-правовых, медицинских, психологических) особенностей тубинфицированных осужденных молодежного возраста.

Рассматривая социально-демографические особенности личности осужденных молодежного возраста, мы изучали их семейное положение, уровень образования, социальный статус до осуждения. Остановимся на рассмотрении всех этих особенностей более подробно.

Для выявления социально-демографических, уголовно-правовых, медицинских особенностей тубинфицированных осужденных были использованы праксиметрический метод (анализ личных дел и медицинских карт), наблюдение, опрос. Анализ социально-демографических особенностей позволил нам сделать вывод, что 79 % тубинфицированных осужденных молодежного возраста не состоят в браке, 17 – состоят в браке, 3 – разведены, 1 % – вдовцы (рис. 1).

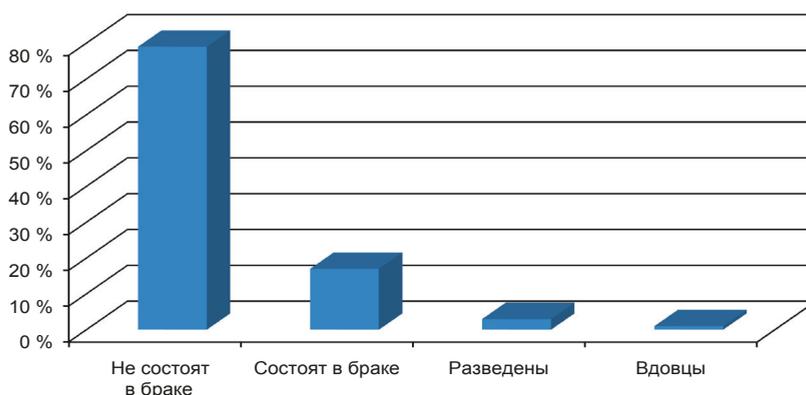

Рис. 1. Семейное положение тубинфицированных осужденных молодежного возраста

Следовательно, подавляющее большинство (83 %) тубинфицированных осужденных молодежного возраста в браке не состоят, что свидетельствует об их социальной дезадаптации, трудностях установления межличностных контактов, неспособности к

формированию доверительных отношений, эмоциональной незрелости, инфантильности, нежеланию брать ответственность за будущую семью на себя.

Анализ личных дел тубинфицированных осужденных позволил выявить уровень образования осужденных. Установлено, что 45 % тубинфицированных осужденных молодежного возраста имеют среднее образование, 33 – неполное среднее, 21 – профессиональное, 1 % – высшее образование (рис. 2). Следовательно, подавляющее большинство тубинфицированных осужденных (78 %) имеют среднее либо неполное среднее образование. Это указывает на низкий уровень образования тубинфицированных осужденных молодежного возраста и, как следствие, отсутствие возможности найти квалифицированную высокооплачиваемую работу, что снижает уровень и качество жизни, ухудшает возможности личности, приводит к нерегулярному и несбалансированному питанию. В свою очередь, недостаточное питание способствует развитию тубинфекции.

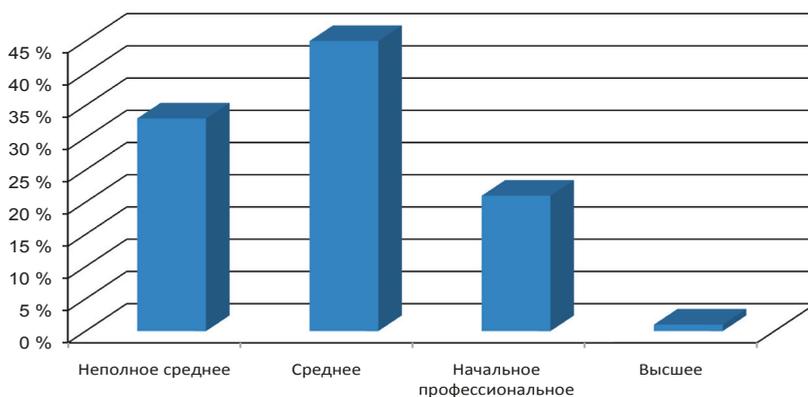

Рис. 2. Уровень образования тубинфицированных осужденных молодежного возраста

Анализ анкетных данных позволил сделать вывод о том, что из общего количества тубинфицированных осужденных молодежного возраста 89 % до осуждения не работали и не имели постоянного дохода, только 11 % осужденных имели постоянный доход. Следовательно, подавляющее большинство тубинфицированных осужденных молодежного возраста занимались тунеядством. В контексте проведенного исследования важно отметить, что отсутствие постоянного дохода снижает качество жизни, способствует развитию тубинфекции (рис. 3).

Таким образом, анализ социально-демографических особенностей тубинфицированных осужденных молодежного возраста позволил сделать вывод о том, что тубинфицированные осужденные преимущественно имеют среднее либо неполное среднее образование, не работали до осуждения, в браке не состоят. Выявленные особенности свидетельствуют о социальной дезадаптации, сложности установления межличностных контактов, низком уровне жизни осужденных. Установлено, что эти социально-демографические особенности тубинфицированных осужденных молодежного возраста способствуют развитию тубинфекции.

Исследование личных дел осужденных, результаты беседы с ними позволили проанализировать уголовно-правовые особенности тубинфицированных осужденных молодежного возраста. При рассмотрении уголовно-правовых особенностей учитывались следующие данные: статьи осуждения, срок лишения свободы, режим отбывания наказания, количество судимостей, рецидивность преступлений.

Было установлено, что только 25 % тубинфицированных осужденных ранее несудимы и впервые отбывают наказания в местах лишения свободы. Соответственно значительная часть (75 %) тубинфицированных осужденных являются ранее судимыми (рис. 4).

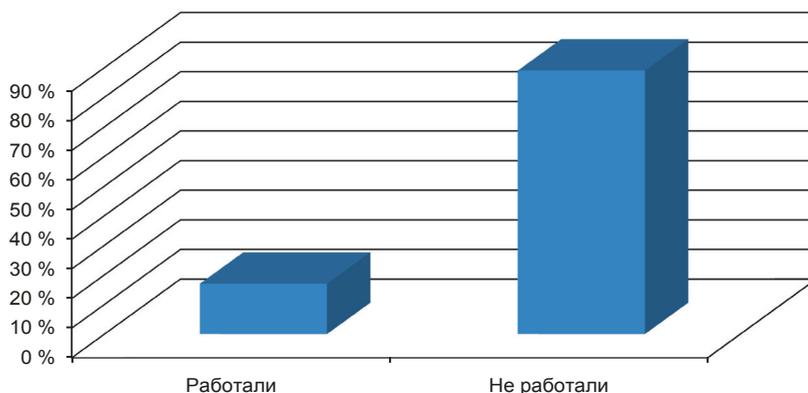

Рис. 3. Трудоустройство до осуждения тубинфицированных осужденных молодежного возраста

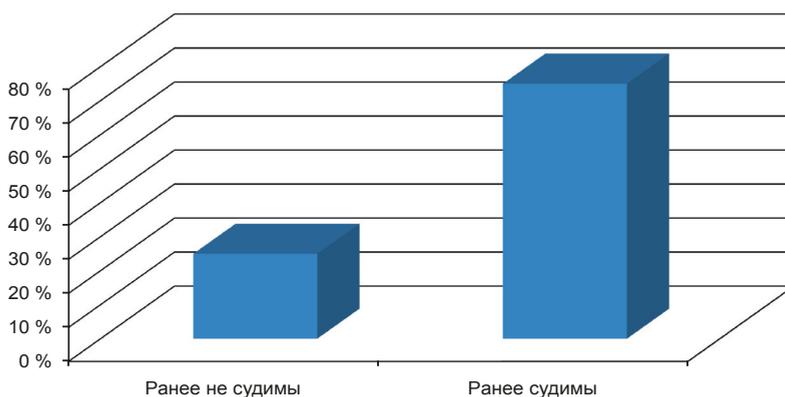

Рис. 4. Наличие судимостей у тубинфицированных осужденных молодежного возраста

Нами были проанализированы статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), по которым отбывают наказания тубинфицированные осужденные. Установлено, что 60 % тубинфицированных осужденных молодежного возраста совершили преступления против жизни и здоровья (ст. 105–125 УК РФ), 35 – против собственности (ст. 158–168), 27 % – против здоровья населения и общественной нравственности (ст. 228–245 УК РФ) (рис. 5). Анализ полученных данных показал, что подавляющее большинство тубинфицированных осужденных молодежного возраста совершили преступления против жизни и здоровья (ст. 105–125 УК РФ).

Установлено, что большинство тубинфицированных осужденных молодежного возраста (34 %) осуждены на срок от 5 до 10 лет лишения свободы, 26 % – на срок от 3 до 5 лет, 22 % – на срок до 3 лет лишения свободы, 15 % – на срок от 10 до 15 лет, 2 % – на срок от 15 до 20 лет, 1 % – на срок свыше 20 лет. Следовательно, большая часть тубинфицированных осу-

жденных (52 %) длительное время находятся в местах лишения свободы, поэтому так важно организовать их грамотное медико-социально-психологическое сопровождение. В связи с этим необходим целостный подход к личности тубинфицированного осужденного, позволяющий осужденному не только отбыть уголовное наказание, но и излечиться от тубинфекции (рис. 6).

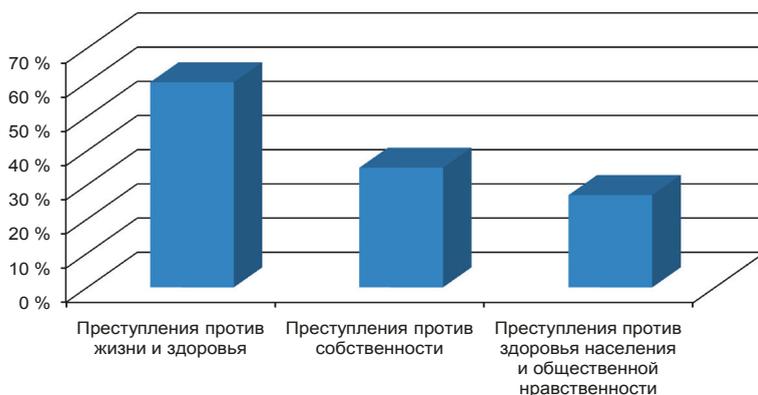

Рис. 5. Статьи, по которым осуждены тубинфицированные осужденные молодежного возраста

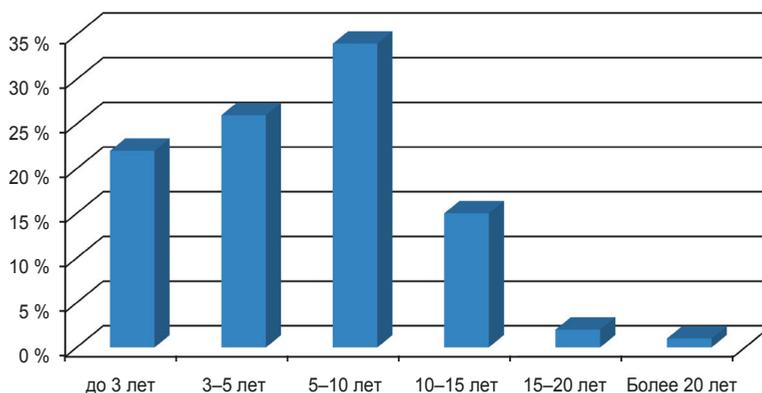

Рис. 6. Сроки отбывания наказания в местах лишения свободы тубинфицированных осужденных молодежного возраста

В ходе использования праксиметрического метода было установлено, что 72 % тубинфицированных осужденных молодежного возраста осуждены к отбыванию наказания в колонии строгого режима, 15 – в колонии общего режима и 13 % – в колонии особого режима. Следовательно, подавляющее большинство тубинфицированных осужденных молодежного возраста осуждены к отбыванию наказания в исправительной колонии строгого режима, но в связи с заболеванием отбывают наказание в условиях лечебно-исправительного учреждения. В данном случае основным критерием для распределения осужденных по отрядам в лечебно-исправительном учреждении является не режим отбывания наказания, а состояние здоровья осужденного. В силу этого в лечебно-исправительном учреждении отбывают наказания осужденные со всеми видами режима: общий, строгий, особый.

Количество судимостей тубинфицированных осужденных молодежного возраста распределяется следующим образом: вторую судимость имеют 30 % осужденных, третью – 26, четвертую – 17, пятую – 6, более пяти судимостей – 9, десять и более судимостей – 4 % осужденных (рис. 7).

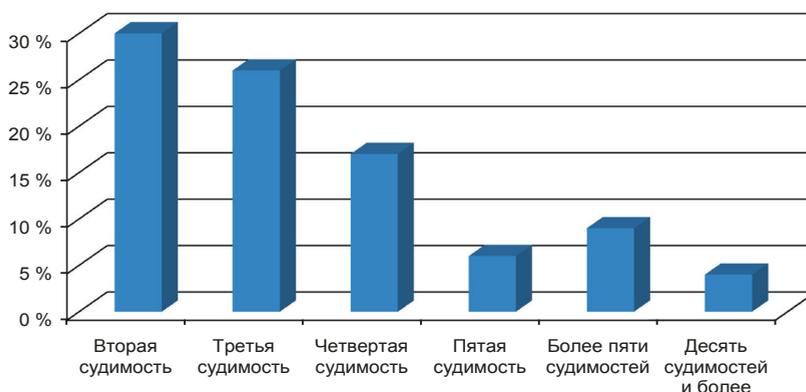

Рис. 7. Количество судимостей тубинфицированных осужденных молодежного возраста

Следовательно, большая часть осужденных имеют вторую судимость (30 %), 61 % тубинфицированных осужденных являются рецидивистами, у 27 % – признан рецидив преступлений, у 21 – особо опасный рецидив, у 13 % – опасный рецидив. Это доказывает, что большинство (92 %) осуждены многократно, являются рецидивистами, проявляют высокую криминальность (рис. 8).

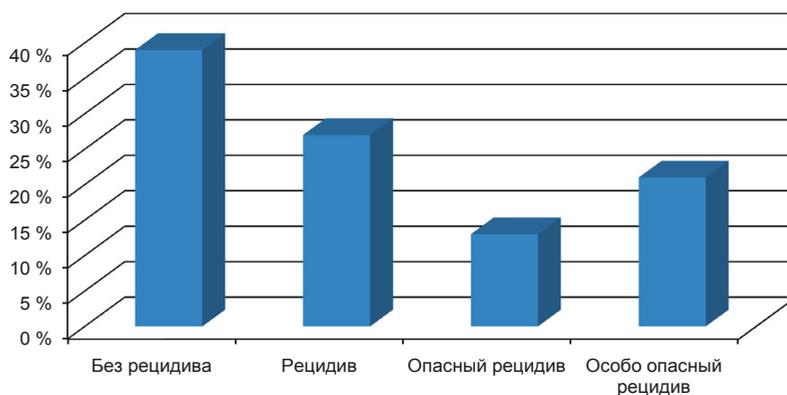

Рис. 8. Рецидив преступлений тубинфицированных осужденных молодежного возраста

Анализируя полученные результаты исследования уголовно-правовых особенностей осужденных молодежного возраста, мы пришли к выводу о том, что тубинфицированные осужденные чаще всего совершают преступления против жизни и здоровья (ст. 105–125 УК РФ), осуждены к отбыванию наказания на срок от 5 до 10 лет лишения свободы, имеют рецидив преступлений, повторно судимы. Уголовно-правовые особенности тубинфицированных осужденных молодежного возраста свидетельствуют о высоком уровне криминализации осужденных данной категории.

Для изучения медицинских особенностей нами был проведен анализ медицинских карт. Установлено, что у 78 % осужденных молодежного возраста тубинфекция носит хронический характер, у 39 – выявлена впервые, 17 % осужденных болеют туберкулезом в течение длительного времени (рис. 9). Значительная часть (40 %) тубинфицированных осужденных имеет сопутствующие заболевания.

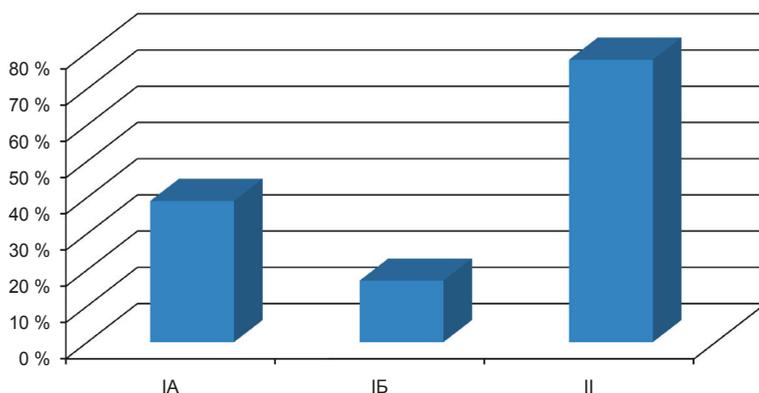

Рис. 9. Характеристика медицинских особенностей туберкулеза у осужденных молодежного возраста

Примечание. IA – впервые выявленный туберкулез, IB – рецидив туберкулеза, II – хронический туберкулез.

Важно отметить, что из всех обследованных нами тубинфицированных осужденных молодежного возраста 38 % болеют ВИЧ-инфекцией, 1 – имеют сердечно-сосудистые патологии, у 1 % – выявлен сахарный диабет (рис. 10). Сочетание тубинфекции и ВИЧ-инфекции у значительной части обследуемых нами осужденных свидетельствует о том, что для них характерна социальная дезадаптация, игнорирование требований общества, халатное отношение к собственному здоровью.

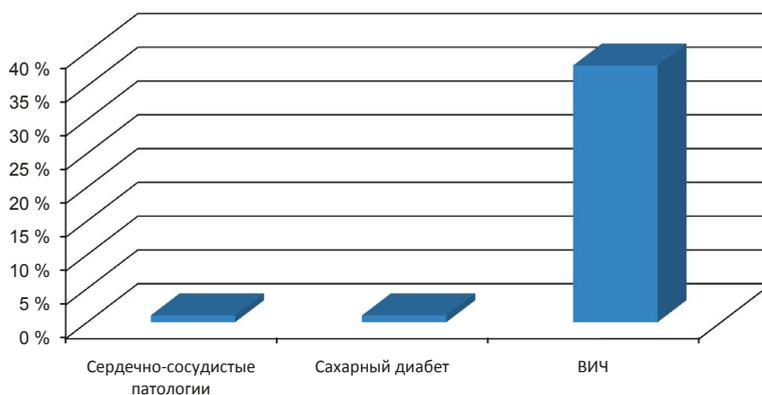

Рис. 10. Сопутствующие заболевания тубинфицированных осужденных молодежного возраста

Для изучения психологических особенностей тубинфицированных осужденных молодежного возраста нами были использованы методы наблюдения, опроса и психодиагно-

стический метод (многофакторный личностный опросник «Мини-мульти» Ф. Б. Березина и М. П. Мирошникова). Анализ полученных психодиагностических данных, результаты наблюдения и опроса позволили нам выявить следующие личностные особенности тубинфицированных осужденных молодежного возраста: выше среднего проявляется уровень ипохондрии, истерии, психопатии, психастении, шизоидности, гипомании; низкий уровень депрессии и паранойи (рис. 11). Рассмотрим их более подробно.

Шкала лжи (L) тубинфицированных осужденных имеет средний уровень, что свидетельствует об искренности ответов испытуемых. Шкала достоверности (F) проявляется на среднем уровне, что подтверждает достоверность полученных результатов. Шкала коррекции (K) равна среднему уровню, что подтверждает нормальный уровень осторожности испытуемых при прохождении тестовой методики.

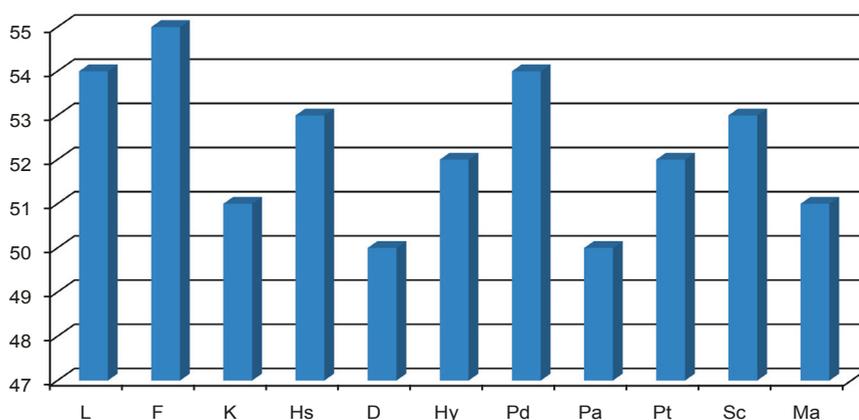

Рис. 11. Средние значения тубинфицированных осужденных молодежного возраста по методике «Мини-мульти» Ф. Б. Березина и М. П. Мирошникова

Примечание. L – ложь, F – достоверность, K – коррекция, Hs – ипохондрия, D – депрессия, Hy – истерия, Pd – психопатия, Pa – паранойя, Pt – психастения, Sc – шизоидность, Ma – гипомания.

У большинства тубинфицированных осужденных молодежного возраста проявляются черты психопатии (Pd). Это характеризует их как лиц с социальной дезадаптацией, агрессивных, конфликтных, пренебрегающих социальными нормами, ценностями. Им свойственны неустойчивость настроения, обидчивость, возбудимость, чувствительность.

Равные выше среднего данные по шкалам ипохондрии (Hs) и шизоидности (Sc) свидетельствуют о том, что тубинфицированные осужденные медлительны, с трудом приспособляются к условиям лечебно-исправительного учреждения.

У тубинфицированных осужденных истерия (Hy) и психастения (Pt) имеют средний уровень, что проявляется в симптомах соматического заболевания, склонности к избеганию ответственности. В поведении проявляется доминирование тревожно-мнительных черт характера, свойственны сомнения, нерешительность, тревожность, боязливость. Данные особенности обусловлены боязнью за свое здоровье, страхом перед негативным результатом лечения, возможной недееспособностью, инвалидностью и даже смертью.

Изучая диагностические данные по шкале гипомании (Ma), мы пришли к выводу о том, что данная особенность у тубинфицированных осужденных молодежного возраста находится на среднем уровне, что указывает на свойственную им активность, неустойчивость интересов, поверхностность, низкий уровень выдержки. У тубинфицированных осужденных молодежного возраста диагностирован низкий уровень по шкалам депрес-

сии (D) и паранойи (Pa). Следовательно, осужденным в меньшей степени свойственны чувствительность, сензитивность, склонность к тревогам, робость и застенчивость. Для них характерны старательность, добросовестность, низкая уверенность в себе, впадение в отчаяние при неудачах. Полученные диагностические данные по шкале паранойи (Pa) у тубинфицированных осужденных молодежного возраста свидетельствуют о том, что осужденные проявляют низкую агрессивность и злопамятность, не стараются насаждать свои взгляды другим, малообщительны, имеют редкие контакты с окружающими. Данная особенность, на наш взгляд, обусловлена сосредоточенностью тубинфицированных осужденных на своих личностных проблемах в связи с наличием трудноизлечимого заболевания. Анализ личностного профиля, данные наблюдения и опроса тубинфицированных осужденных молодежного возраста позволили сделать вывод о том, что большинству из них свойственны социальная дезадаптация, агрессивность, конфликтность, пренебрежение социальными нормами, неустойчивое настроение, обидчивость, возбудимость, чувствительность, психопатия, шизоидность, ипохондрия, что обусловлено трудной излечимостью заболевания, длительностью и сложностью лечения. Тем не менее личностный профиль тубинфицированных осужденных молодежного возраста лежит в пределах нормы. Это свидетельствует о том, что психические расстройства как черта, присущая группе, несвойственны данной категории осужденных. Результаты наблюдения и опроса показали, что тубинфицированным осужденным молодежного возраста характерны агрессивность, конфликтность, неустойчивость настроения, обидчивость, возбудимость, что подтверждают результаты тестовой методики.

Обсуждение

Таким образом, существуют личностные особенности тубинфицированных осужденных, учет которых позволит оптимизировать медико-социально-психологическую работу с ними в условиях лечебно-исправительного учреждения. По результатам проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Анализ социально-демографических особенностей тубинфицированных осужденных молодежного возраста показал, что большинство из них не работали до осуждения (89 %), в браке не состоят (89 %), имеют среднее либо неполное среднее образование (45 %), что свидетельствует о социальной дезадаптации, сложности установления межличностных контактов, низком уровне и качестве жизни. В контексте проведенного исследования важно отметить, что данные социально-демографические особенности способствуют развитию тубинфекции.

2. Выявленные уголовно-правовые особенности тубинфицированных осужденных молодежного возраста характеризуются тем, что чаще всего (в 60 %) они совершают преступления против жизни и здоровья (ст. 105–125 УК РФ), признаны рецидивистами (61 %), в основном осуждены к отбыванию наказания на срок от 5 до 10 лет лишения свободы (34 %), большинство из них осуждены повторно (30 %). Уголовно-правовые особенности тубинфицированных осужденных молодежного возраста свидетельствуют о высоком уровне криминализации данной категории осужденных.

3. Анализ медицинских особенностей показал, что значительная часть (78 %) тубинфицированных осужденных имеют хронический туберкулез, сочетающийся с ВИЧ-инфекцией (38 %). Данной категории осужденных характерны социальная дезадаптация, игнорирование требований общества, халатное отношение к собственному здоровью.

4. К психологическим особенностям тубинфицированных осужденных молодежного возраста относятся выше среднего уровень ипохондрии, истерии, психопатии, психастении, шизоидности, гипомании; низкий уровень депрессии и паранойи. Большинству

из них свойственны социальная дезадаптация, агрессивность, конфликтность, пренебрежение социальными нормами, неустойчивое настроение, обидчивость, возбудимость, чувствительность, психопатия, шизоидность, ипохондричность, что обусловлено отбыванием уголовного наказания в местах лишения свободы, сложностью лечения и трудной излечимостью заболевания.

Библиографический список

1. Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб. : Питер Ком, 1999. 685 с.
2. Ганишина И. С. Основы валеологии : учеб. пособие. Ульяновск, 2017. 70 с.
3. Ганишина И. С., Кириллова Т. В. Психология аддиктивного поведения осужденных : монография. Ульяновск : Зебра, 2018. 169 с.
4. Добровольская О. Э., Хабарова Т. Ю. Социально-психологические особенности пациентов, больных туберкулезом // Медицина. 2016. Т. 1, № 3. С. 11–13.
5. Егорова Н. А. Влияние социально-психологических факторов на эффективность лечения туберкулеза в закрытых учреждениях // Новые технологии. 2014. № 2. С. 49–53.
6. Ильиных Н. А. Актуальность психологического сопровождения больных туберкулезом осужденных в местах лишения свободы // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : сб. материалов Всерос. симпозиума психологов. Рязань : Академия ФСИН России, 2019. С. 288–291.
7. Исаева Н. Ю., Галкин В. Б. Изучение социально-психологических особенностей подростков с различными проявлениями туберкулезной инфекции // Кубанский научный медицинский вестник. 1999. Т. 44, № 7. С. 34–35.
8. Истомина А. А. Система ценностных ориентаций осужденных к лишению свободы : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2011. 26 с.
9. Истратова О. Н., Эксакусто Т. В. Психодиагностика: коллекция лучших тестов. 5-е изд. Ростов н/Д : Феникс, 2008. 375 с.
10. Модель Л. М. Очерки клинической патофизиологии туберкулеза. М., 1962. 323 с.
11. Мордык А. В., Удалова Т. Ю., Багишева Н. В. Характеристика депрессивных тенденций у пациентов с впервые выявленным туберкулезом // Вестник Северо-Западного государственного медицинского университета имени И. И. Мечникова. 2016. Т. 8. № 2. С. 82–88.
12. Петунова С. А. Психосоциальные особенности отношения к заболеванию у больных туберкулезом легочной локации // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2015. Т. 11, № 4. С. 60–78.
13. Петунова С. А. Психологические факторы комплаентности больных туберкулезом // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. С. 78.
14. Разводовский Ю. Е., Зотов П. Б., Кандрычин С. В. Самоубийства и эпидемиологические параметры туберкулеза в России: популяционный уровень связи // Суицидология. 2017. № 1. С. 39–46.
15. Ушатиков А. И., Ганишина И. С. Психологическая типология и классификация осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России: история и современное состояние // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 4(4). С. 76–81.
16. Юдин С. А., Борзенко А. С., Деларю В. В. Выполнение больными туберкулезом врачебных рекомендаций и трудности, возникающие при проведении лечения // Саратовский научно-медицинский журнал. 2013. Т. 9, № 4. С. 741–743.
17. May R. 1977, *The Meaning of Anxiety*, Pocket Books, N. Y.

УДК 343.97

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.296-303

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ СУХОВ,
доктор психологических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации,
заведующий кафедрой социальной психологии и социальной работы,
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: a.suhov@365.rsu.edu.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ СРЕДСТВА КРИМИНОГЕННОГО ОБЩЕНИЯ

Для цитирования

Сухов, А. Н. Традиционные и современные средства криминогенного общения / А. Н. Сухов // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 2. – С. 296–303. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.296-303.

Аннотация. В статье раскрывается сущность социально-психологического подхода к пониманию организованной преступности. В ее основе лежит криминальная модель достижения успеха, которая неосуществима без создания законспирированной преступной организации, а последняя, в свою очередь, без традиционных и современных средств криминогенного общения. С точки зрения социальной психологии в качестве основного механизма приготовления и совершения преступлений в рамках организованной преступности выступает криминогенное общение, которое осуществляется с помощью специальных средств. К числу традиционных средств криминогенного общения относятся жаргон, татуировки, тайнопись и др., современных – шифрование информационных сообщений с помощью математических методов преобразования информации и т. д. В статье также рассматривается практика противодействия современным средствам криминогенного общения.

Ключевые слова: социально-психологический анализ, организованная преступная группа, теория, криминальная организация и модель достижения успеха, средства криминогенного общения.

Постановка проблемы

Следует констатировать, что преступность идет в ногу со временем, не отстает от научно-технического прогресса. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют результаты модернизации средств криминогенного общения. Цифровизация и здесь ска-

© Сухов А. Н., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

зала свое весомое слово. Правда, лучше было бы, если в данном случае все обстояло наоборот. Регресс здесь уместен. К тому же вместо традиционных средств криминогенного общения в настоящее время все чаще стали использоваться современные средства, что значительно увеличивает возможности криминального мира. В связи с этим со всей остротой встает задача, связанная с разработкой технологий по противодействию современным средствам криминогенного общения. В этом заключается актуальность рассматриваемой проблемы.

Анализ публикаций по теме исследования

Впервые природа криминогенного общения исследована нами в докторской диссертации «Психология криминогенного общения в среде осужденных» (1991). Было сформулировано понятие, сущность, структура, средства, функции данного социально-психологического явления, а также изложено его концептуальное обоснование. В научный оборот оно было введено в ходе работы над докторской диссертацией. В то время понятие «криминогенное общение» было совершенно новым и потому было непросто вводить его в научный оборот. Об этом прямо не говорилось, но подразумевалось. В тот период речь шла о традиционных средствах криминогенного общения. Оно увязывалось с межличностными, групповыми криминальными конфликтами и групповыми эксцессами и т. д.

В то же время в докторской диссертации была доказана самостоятельная роль криминогенного общения в приготовлении, совершении и маскировке преступлений в рамках общеуголовной преступности. Такой подход к пониманию природы преступности расходился с общепринятой точкой зрения. Естественно, это порождало трудности и сопротивление новому взгляду на явления из области криминального мира, и прежде всего организованной преступности.

В основном в ранее опубликованных работах речь шла только о традиционных вербальных и невербальных средствах криминогенного общения. Имеются в виду учебные пособия А. Н. Сухова, в частности, такие, как «Жесты как невербальные средства общения осужденных», «Общение осужденных в чрезвычайных ситуациях», «Внеколлективное поведение осужденных», «Криминогенное общение в среде осужденных», статьи, методические разработки и альбомы Ю. А. Алферова, В. М. Анисимкова, А. Г. Бронникова, И. В. Каретникова, Д. С. Лихачева, Л. А. Мильяненко, В. Ф. Пирожкова, А. В. Усса, Г. Ф. Хохрякова и др. [1, 3–6].

В последние десятилетия вышло всего несколько методических разработок Ю. А. Алферова, А. Г. Бронникова, Ю. А. Вакутина, Ю. П. Дубягина, Л. А. Мильяненко, В. Ф. Пирожкова, А. Н. Сухова, посвященных данной теме, но их тиражи были небольшими [11, 14].

Выделение не решенных ранее частей общей проблемы

Современные средства криминогенного общения оставались долгое время вне поля зрения исследователей. Только в 2015 г. в статье «Организованная преступность и коррупция» нами предельно четко показано, что криминогенное общение – это ключ для понимания природы организованной преступности (более емко этот вывод был сделан в 2016 г. в монографии). Современные средства криминогенного общения в той или иной степени затрагивались нами в ряде публикаций, в частности, в учебном пособии «Социальная психология», переизданном десятки раз, монографии «Социальная психология организованной преступности», а также ряде статей («Криминогенное общение как механизм организованной преступности» и т. д.) [15, 16].

Постановка задачи

В данной статье в качестве основной задачи выступает необходимость теоретико-сравнительного анализа традиционных и современных средств криминогенного общения, их роли в приготовлении, совершении преступлений и разработки рекомендаций по противодействию им.

Изложение основного материала

На основе анализа результатов ряда конкретных исследований сделаны следующие теоретические выводы.

С точки зрения социальной психологии в качестве основного механизма приготовления и совершения преступлений, и в первую очередь в рамках организованной преступности, выступают как традиционные, так и современные средства криминогенного общения, но роль и возможности последних в настоящее время значительно выросли.

Разумеется, криминогенное общение имеет место не только в местах лишения свободы, однако именно здесь оно проявляется наиболее рельефно. В его основе лежат различные виды деформации общения. В этом состоит сущность криминогенного общения в среде осужденных.

Деформация общения осужденных – это количественно-качественная трансформация феномена общения под влиянием изоляции, негативных социально-психологических явлений и криминального профессионализма. Наблюдаются три вида деформации общения осужденных: изоляционная, нравственная, криминальная. Необходимость маскировки преступной деятельности, страх и боязнь разоблачения, стремление правонарушителей уйти от ответственности приводят к созданию специальной системы общения, его криминальной деформации. С помощью общения происходят обмен преступным опытом, подготовка, маскировка и совершение преступлений путем психического (информационного) насилия.

К числу признаков криминальной деформации общения относятся условные средства связи. Они основаны на взаимной договоренности определенного круга участников общения о системе кодирования и декодирования (ключе) и технологии маскировки знаков, выступающих в качестве только им понятного способа передачи информации.

Условные средства общения имеют знаковую природу. В силу этого любой знак может быть использован для передачи сообщений: цветы на подоконнике, черта на столбе, нанесенная губной помадой, и т. п. Надо только договориться о том, что это значит. Условные средства общения – это своеобразный способ ухода субъекта от ответственности за подготовку и успешное совершение антиобщественных действий. Попытка уйти от ответственности достигается с помощью условных средств общения в целях сокрытия преступных действий.

Во многих случаях условные средства общения используются для достижения эффекта внезапности, создания дефицита времени для объекта и тем самым неотвратимости осуществления преступных целей и действий. О степени владения осужденными средствами условного общения следует судить не только по частоте их употребления, но и по знанию значения данных средств, умению кодировать, декодировать, а также незаметно передавать (конспирировать).

В качестве условных средств общения осужденные используют как вербальные средства общения – жаргон («блатная феня»), так и невербальные – татуировки, информация, передаваемая по коду (перестукивание через канализационные и отопительные системы), книга, свист, условные жесты, позы, средства тайнописи. Чаще всего используются жесты рук, жаргон, особенности голоса и тайнопись. Традицион-

ные средства криминогенного общения связаны с особенностями тайного общения, в том числе с уголовным жаргоном, блатной музыкой, условными звуковыми сигналами, аудиовизуальным тайным общением, особенностями тайного письменного общения, техническими средствами и др.

К **традиционным вербальным средствам криминогенного общения** относится жаргон. Фразеологизм «ботать по фене» означает говорить на жаргоне. Данный фразеологизм возник в языковой среде офеней – торговцев мелким товаром, имевших свой условно-профессиональный язык, который они использовали при обмане покупателей, в опасных ситуациях, когда нужно было скрыть свои намерения и действия.

Жаргон выполняет ряд функций: конспиративную, узнавания своих и эмоционально-выразительную. Преступный жаргон насчитывает около десяти тысяч слов и выражений. Можно выделить три основные группы жаргона: общеуголовный, тюремный и специально-профессиональный. Несмотря на универсальный характер, жаргон сугубо дифференцирован и профилирован для каждой группы преступников (карманных воров, карточных шулеров, мошенников и др.). Особую роль в криминогенном общении играют клички. Они несут немалую информационную нагрузку.

Традиционные невербальные средства криминогенного общения делятся на три группы: визуальные, акустические, тактильные. Одним из наиболее распространенных традиционных невербальных средств криминогенного общения осужденных являются татуировки. До 1980-х годов информация о татуировках была закрытой. В нашей стране специальных достаточно глубоких исследований по этому вопросу, к сожалению, не проводилось.

В XVIII–XIX вв. в России преступников отмечали «внешними неизгладимыми знаками». Например, применялось клеймение – нанесение раскаленным железом изображение букв на лицо преступника (буква «Б» обозначала, что человек бунтовщик, «В» или «ВОР» – вор; «СК» – ссыльно-каторжный; «СП» – ссыльный поселенец). В XIX в. для этой процедуры употреблялась пластина с медными иглами, составляющими буквы. Она накладывалась на грудь, спину, плечи, после чего места уколов натирались краской.

Для представителей криминального мира татуировка – это знак принадлежности к особой касте и верности ее законам, возможность продемонстрировать свое «мужество» и безразличие к боли. Это символ, пример из области символического интеракционизма. Сколько в стране обладателей татуировок, точно неизвестно.

Различают декоративно-бытовые, блатные, уголовные татуировки (А. Г. Бронников, 1982). Уголовная татуировка наносится, как правило, в местах лишения свободы. Она может иметь различную тематическую направленность, например, обозначать «специализацию» («воровская масть», наркоманы, осужденные по определенной статье), роль и статус татуированного в преступном мире. По содержанию, качеству и статусу их носителей выделяют три типа татуировок: 1) «регалки» (знаки отличия); 2) «портачки» (портачить – портить) – самоделки, нанесенные кустарно; 3) «нахалки» (или позорные) – делают преступнику насильно (нахально) либо под угрозой применения силы, они выполняют функцию позорного клейма (стигмы). Большинство татуировок имеют зашифрованный смысл, сообщают сведения о ее хозяине. Татуировки на поверхности тела наносятся обычно в форме: даты (цифр); отдельных букв, слов или сочетания букв (набора); текста; рисунка; условного знака-символа; комбинированных вариантов указанных форм. Татуировки бывают различного характера: этнического, профессионального, псевдохудожественного, мифологического и культурного, антирелигиозного, эротического, агрессивного, памятного и др.

Л. Мильяненко выделяет следующие виды татуировок: перстни, крестики, точки, тайные знаки, художественные, иностранные, членов триады, женские, религиозные, знаки зодиака в понятии осужденных, аббревиатуры, иноязычные слова и крылатые выражения. Типичный вид татуировки – перстни. Надписи-татуировки часто представляют собой аббревиатуры. Татуировки могут наноситься добровольно и насильно. Сила применяется при «клеймении» отверженных. Рисунки и надписи в этом случае носят циничный, оскорбительный характер.

Функции татуировок: сигнально-обособительные, стратификационно-информативные, личностно-установочные, тюремно-атрибутивные, сексуально-эротические, юмористические, декоративно-художественные, сентиментальные и др. За каждой из татуировок стоит соответствующая социально-ролевая функция ее обладателя. Интерпретация изображения зависит от места и формы его расположения на теле.

Осужденные часто используют тайнопись как традиционное средство криминогенного общения. В их среде успешно применяется и язык «тамтама» – специально разработанный свист, когда каждому типу звучания соответствует определенная фраза или слово. Многие из тех, кто освоил эту систему оповещения, стали искусными мастерами художественного свиста.

Для совершения и маскировки преступлений осужденные также используют жесты. В криминальной среде не терпят многословия, почти все понимается с полуслова, порой по одному взгляду или позе. Язык жестов может быть охарактеризован как шифр или сигнализация. Каждый жест есть намек на действие, которое необходимо выполнить в определенной обстановке. Жесты позволяют передавать публично информацию тайного содержания, причем на значительное расстояние или при невозможности использовать речь. Они обеспечивают быстроту передачи информации и понятность ее определенному кругу лиц.

В контексте борьбы с криминальной деформацией общения сотрудники правоохранительных органов, в том числе исправительных учреждений, должны обладать социально-психологической компетентностью. Так, знание воровского жаргона необходимо, но им нельзя злоупотреблять. Изучение татуировок у осужденных позволяет выявить среди них активных носителей «воровской» (тюремной) субкультуры. Для этого необходимо систематически проводить осмотр осужденных медицинскими работниками, вести учет вновь прибывших осужденных, имеющих татуировки, с фиксацией их содержания, с занесением их в медицинскую карту и личное дело. Татуировка преступника может оказать помощь в оперативно-розыскной деятельности, при проведении регистрационных проверок, следственных действий (подготовка образцов для опознания или планирования контакта при допросе), когда о подследственном нет достаточных данных.

Современные средства криминогенного общения

К сожалению, модернизация коснулась и затронула принципиальным образом и средства криминогенного общения, в том числе в среде осужденных. Если традиционные средства криминогенного общения использовались для реализации задач прежде всего в формате общеуголовной преступности, ее приготовления, совершения и прикрытия, то в настоящее время ситуация изменилась. Традиционные средства криминогенного общения подверглись трансформации, претерпели модернизацию. Татуировки приобрели масштабно-модный характер, они перешли в сферу бизнеса, утрачивая свое первоначальное криминальное предназначение. Татуировки стали выступать в качестве технологии управления впечатлениями.

Вместе с тем массовое увлечение со стороны осужденных «воровскими» татуировками проходит. Часть из них не наносят татуировки, чтобы при выходе на свободу не выделяться среди окружающих. Что касается жаргона, то он перешел в разряд обычной лексики и перестал нести специальную функцию. Представители криминального мира стараются не пользоваться им, как и татуировками. Это риск для них.

Итак, традиционные средства криминогенного общения претерпели существенные изменения, хотя пользоваться ими не перестали. Имеется в виду шифрованная переписка с помощью книг, тайнописи и пр. Как известно, для подготовки криминогенных ситуаций часто используются средства тайнописи, начиная от симпатических (невидимых) чернил и кончая шифрованной перепиской с помощью различных технологий. Однако на смену традиционным пришли современные средства криминогенного общения. Прежде всего речь идет о шифровании сообщений с помощью математических методов преобразования информации, передачи ее через специальные интернет-каналы. Такое происходит не только в условиях свободы, но и в исправительных учреждениях при обмене информацией.

Современные средства криминогенного общения привели к росту возможностей криминального мира. Имеются в виду хакерские атаки по съему денег со счетов, подготовка террористических актов с помощью интернет-технологий, то есть закрытых каналов связи, операции с криптовалютой, мошенничество в рамках цифрового учета недвижимости, рейдерство, взлом базы данных, тотальный электронно-информационный контроль, что по своим последствиям тяжелее изоляционной деформации, и пр.

Современное криминогенное общение – это особый вид общения, который используется для подготовки, конспирации и совершения преступлений на более профессиональном уровне. Оно выполняет те же специфические функции, что и раньше, но их возможности значительно возросли. Как уже отмечалось, модернизация затронула как вербальные, так и невербальные средства криминогенного общения. Речь идет о передаче разговорной речи через каналы, доступ к которым крайне ограничен и возможен только при наличии ключа. Однако на этом примеры не заканчиваются. Что касается невербальных средств, то прежде всего имеются в виду возможности шифрования сообщений с помощью криптографии.

Коммуникативно-атрибутивная функция позволяет производить прием и передачу сообщений, необходимых для подготовки, совершения и конспирации преступлений, на современной профессиональной основе. При этом прием и передача сообщений происходит с помощью не только традиционных, но и модернизированных специальных средств. Они представляют собой знаковую систему, которая имеет конвенциональную природу на основе взаимной договоренности определенного круга участников общения о системе кодирования, декодирования и технологии маскировки знаков, выступающих в качестве только им одним понятного способа передачи информации. К числу современных специальных средств общения относится передача шифрованных сообщений с помощью математических методов преобразования информации, интернет-технологий и т. п. Цифровизация нашла свое отражение и здесь.

Характеристика возможностей современных средств криминогенного общения раскрыта в недавно опубликованной нами статье [16]. Современные средства криминогенного общения не обошли стороной и осужденных. В настоящее время есть все основания говорить о типичных представителях организованной преступности, в том числе отбывающих уголовное наказание в исправительных учреждениях, которые, к сожалению, в своей практике профессионально используют возможности современных средств

криминогенного общения, что позволяет им нередко уходить от уголовной ответственности и совершать крайне тяжелые преступления в различных сферах.

Криминальная карьера этих лиц означает продвижение по ступеням криминальной иерархии в целях достижения успеха. Она невозможна без наличия профессионализма в области знания о современных средствах криминогенного общения. Созданы и нелегально функционируют специальные подразделения под пристойными вывесками, но фактически в рамках организованной преступности, которые в своей деятельности используют современные средства криминогенного общения для достижения криминальных целей.

Выводы из данного исследования и перспективы его реализации

Итак, традиционные и современные средства криминогенного общения имеют самое непосредственное отношение к организованной преступности, так как ее природа носит информационный характер. Однако «котировки» современных, модернизированных средств криминогенного общения значительно выросли. Противодействовать криминогенному общению можно лишь с позиции комплекса мер, в том числе криптологии. Борьба с современными средствами криминогенного общения невозможна без криптологии.

Криптология разделяется на два направления – криптографию и криптоанализ. Их цели прямо противоположны. Криптография занимается поиском и исследованием математических методов преобразования информации. Сфера интересов криптоанализа – исследование возможности расшифровывания информации без знания ключей. Современная криптография включает в себя четыре крупных раздела:

- симметричные криптосистемы;
- криптосистемы с открытым ключом;
- системы электронной подписи;
- управление ключами.

Основные направления использования криптографических методов – передача конфиденциальной информации по каналам связи (например, электронная почта), установление подлинности передаваемых сообщений, хранение информации (документов, баз данных) на носителях в зашифрованном виде.

Криптографические методы защиты информации в автоматизированных системах могут применяться как для защиты информации, обрабатываемой в компьютерах или хранящейся в различного типа запоминающих устройствах, так и для закрытия информации, передаваемой между различными элементами системы по линиям связи. Криптографическое преобразование как метод предупреждения несанкционированного доступа к информации имеет многовековую историю. В качестве информации, подлежащей шифрованию и дешифрованию, рассматриваются тексты, построенные на некотором алфавите. Под терминами понимается следующее:

- алфавит – конечное множество используемых для кодирования информации знаков;
- текст – упорядоченный набор из элементов алфавита;
- шифрование – преобразовательный процесс: исходный текст, который носит также название открытого текста, заменяется шифрованным текстом;
- дешифрование – обратный шифрованию процесс. На основе ключа шифрованный текст преобразуется в исходный;
- ключ – информация, необходимая для беспрепятственного шифрования и дешифрования текстов.

Таким образом, борьба с криминогенным общением в различных сферах невозможна без повышения уровня информационной безопасности и профессиональной компетентности сотрудников правоохранительных органов.

Библиографический список

1. Алферов Ю. А. Пенитенциарная соционика. Тайна межперсональных отношений в преступной среде. Домодедово, 1999. 124 с.
2. Аудиовизуальная психодиагностика осужденных. Рязань, 1997. 147 с.
3. Бронников А. Г. Татуировки осужденных, их криминалистическое значение. М., 1982. 60 с.
4. Вакутин Ю. А. Словарь жаргонных слов и выражений. Татуировки. Омск, 1979. 322 с.
5. Гернет М. Н. В тюрьме: очерки тюремной психологии. М., 1925. 148 с.
6. Грачев М. Язык из мрака. Блатная феня. Н. Новгород, 1992. 202 с.
7. Кириленко Г. Л. Проблема исследования жестов в зарубежной психологии // Психологический журнал. 1987. Т. 8, № 4. С. 138–147.
8. Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992. С. 364–365.
9. Мильяненко Л. По ту сторону закона. Энциклопедия преступного мира. М., 1992. 356 с.
10. Олейник А. И. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001. 416 с.
11. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М., 2000. 702 с.
12. Сухов А. Н. Психология криминогенного общения в среде осужденных : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Л., 1991. 44 с.
13. Сухов А. Н. Криминогенное общение в среде осужденных. Рязань, 1993. 134 с.
14. Сухов А. Н., Ильм У. Р. Жесты как невербальные средства общения осужденных. Рязань, 1988.
15. Сухов А. Н. Социальная психология организованной преступности. М., 2017. 159 с.
16. Сухов А. Н. Криминогенное общение как механизм организованной преступности: теоретический аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 303–307.
17. Сухов А. Н. Социальная психология преступности. М., 2007. 568 с.

УДК 343.8-051

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.304-310

КОНСТАНТИН АНТОНОВИЧ СЫЧ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: vladimir_1@inbox.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД ПРОФЕССОРА А. С. МИХЛИНА НА ОБЩЕСТВЕННО ПОЛЕЗНЫЕ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ НАКАЗАНИЙ И ПРАКТИКУ ИХ ИСПОЛНЕНИЯ

Для цитирования

Сыч, К. А. Теоретико-правовой взгляд профессора А. С. Михлина на общественно полезные работы в системе наказаний и практику их исполнения / К. А. Сыч // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 2. – С. 304–310. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.304-310.

Аннотация. В статье рассматриваются идеи профессора А. С. Михлина, связанные с применением общественно полезных работ в системе наказаний. Использование труда осужденных в процессе исполнения наказаний, особенно в виде лишения свободы на определенный срок, имеет важнейшее не только экономическое, но и воспитательное (исправительное) значение. Право осужденного на труд является одним из объектов наказания. Однако в Уголовном кодексе Российской Федерации не совсем четко определена юридическая природа наказаний, связанных с общественно полезным трудом. Ряд наказаний, например обязательные, исправительные, принудительные работы, имеют близкую по юридической природе характеристику, что вызывает некоторые трудности в судебной практике. Отмечается, что в зарубежном уголовном праве, например Японии, лишение свободы связано с использованием принудительного труда осужденных. В силу этого теоретико-правовые взгляды профессора А. С. Михлина на общественно полезные работы в системе наказаний и практике их исполнения представляют научный интерес.

Ключевые слова: общественно полезные работы, система наказаний, исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы на определенный срок, исполнение наказаний.

© Сыч К. А., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Светлой памяти моего учителя,
известного ученого,
удивительно прекрасного и душевного человека
профессора Александра Соломоновича Михлина

Учителя, которым дети обязаны воспитанием,
почтеннее, чем родители:
одни дарят нам только жизнь, а другие – добрую жизнь.
Аристотель

Труд в системе исполнения наказаний является одним из важнейших средств исправления осужденных. В большинстве случаев, естественно, кроме обязательных работ, он дает возможность иметь осужденным заработок, позволяющий покупать дополнительные продукты питания и предметы первой необходимости, оказывать материальную помощь семье, погашать причиненный преступлением ущерб потерпевшим. Осужденные, занятые трудом, имеют позитивную жизненную перспективу, позволяющую сохранять профессиональную квалификацию, которая может быть использована после освобождения их от отбывания наказания. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) предусматривает целый ряд наказаний, связанных с привлечением осужденных к общественно полезному труду: обязательные работы (ст. 49), исправительные работы (ст. 50), принудительные работы (ст. 53.1), лишение свободы на определенный срок (ст. 56). Несомненно, что карательный элемент в содержании отмеченных видов наказания состоит в ограничениях субъективного права осужденного на труд. Тем не менее привлечение осужденных к общественным работам имеет позитивный аспект, который в значительной мере уменьшает негативные последствия отбывания наказания, особенно в виде лишения свободы на определенный срок. Стало быть, субъективные права осужденных на труд являются перспективным объектом наказания. Вместе с тем следует отметить, что законодательная конструкция указанных видов наказания нуждается в их существенном уточнении или совершенствовании. В трудах профессора А. С. Михлина, посвященных рассматриваемой проблеме, содержится целый ряд оригинальных предложений по ее решению, которые, несомненно, должны быть востребованы пенитенциарной наукой. В данной статье предлагается его позиция относительно ряда наказаний, связанных с использованием труда осужденных.

Осужденные к исправительным работам могут отбывать данный вид наказания только в процессе трудовой деятельности, то есть они связаны с общественно полезным трудом осужденных. Как вид наказания исправительные работы были предусмотрены уже в первых законодательных актах, принятых после революции 1917 г. С годами менялось их название (обязательные, общественные, принудительные, исправительно-трудовые, исправительные работы), утрачивали силу или возникали некоторые правоограничения.

Анализ судебной статистики, проведенный А. С. Михлиным, подтверждает, что в первой половине 1960-х гг. удельный вес осужденных к рассматриваемому наказанию превышал 20 % (20,7–23,8 %), в 1966–1972 гг. этот процент снизился до 17–18.

Удержания из заработка являются существенным карательным элементом. Они затрагивают имущественную сферу прав осужденных, в связи с чем возникает вопрос: можно ли отнести исправительные работы в число имущественных наказаний? Представляется, что ответ на него должен быть отрицательным.

По мнению А. С. Михлина, ограничение имущественных прав является важным, но не единственным карательным элементом наказания в виде исправительных работ. Более того, почти каждое наказание затрагивает эту сферу прав личности. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может привести к невозможности работать по специальности и резкому сокращению заработка осужденного. Лишение специального звания также уменьшает денежное содержание осужденного и в ряде случаев приводит к его увольнению. Осужденный к обязательным работам выполняет их бесплатно, в то время как он мог бы это время потратить на оплачиваемую работу. С удержаниями из заработка связано и осуждение к ограничению по военной службе. Приговоренный к ограничению свободы чаще всего будет работать не по специальности, к тому же проживая вне дома. Все это не может не привести к материальным потерям. Нет необходимости доказывать, что имущественные права осужденного ограничиваются и при отбывании лишения свободы. Как видим, практически все наказания связаны с ущемлением имущественных прав осужденного.

У исправительных работ как меры уголовного наказания были и противники. Предложения об отказе от исправительных работ поступали и в период разработки Уголовного кодекса Российской Федерации 1966 г. Более того, в одном из опубликованных проектов Уголовного кодекса этой меры наказания вообще не было [1]. Принятие этого предложения привело бы к существенному росту лишения свободы за счет лиц, совершивших преступления небольшой тяжести.

Учитывая тяжелое финансовое положение этих лиц, большинство из них не смогли бы уплатить штраф и оказались бы в местах лишения свободы. Однако протесты юридической общественности были услышаны законодателем, и исправительные работы нашли свое место в УК РФ. Отметим, что не все государства – бывшие республики СССР сохранили исправительные работы в системе наказания. Так, УК Кыргызской Республики отказался от данного вида наказания, за что подвергся критике со стороны ученых этой республики [2, с. 27].

Регламентация исправительных работ в УК РФ и Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (УИК РФ) привела к ослаблению ущемления именно имущественных прав осужденных, но ввела целый ряд обязанностей неимущественного, главным образом, профилактического характера, которые они должны были исполнять и лишь по основному месту работы. По этому пути пошли не все бывшие республики СССР. Так, в ст. 41 УИК Республики Беларусь указывается, что с работающих по совместительству удержания производятся по каждому месту работы. Между тем ранее действовавшая ч. 2 ст. 95 ИТК РСФСР прямо указывала на то, что с лиц, работающих по совместительству, удержания производились из заработка по каждому месту работы. Хотя еще в 1994 г. О. Б. Лысягиным вносилось предложение отказаться от удержания из заработка, полученного на работе, выполняемой в порядке совместительства [3].

Если иметь в виду, что в настоящее время значительная часть граждан России работает по совместительству, иногда и в несовместных организациях, то естественно, что удержания у этих лиц существенно сократятся. Однако проконтролировать работу осужденных по совместительству практически невозможно. Трудовая книжка их находится по основному месту работы. Согласия администрации основного места работы на службе по совместительству не требуется. Осужденный всегда может оставить место работы по совместительству, если о ней даже случайно стало известно уголовно-исполнительной инспекции.

Следует учитывать, что в данной ситуации возможны злоупотребления: осужденный может сознательно занижать свой заработок по основному месту работы за счет повышения его по другим местам работы, где он числился работающим по совместительству. Удержания по приговору производятся независимо от всех других удержаний, в том числе по исполнительным листам, – правило, предусмотренное Трудовым кодексом Российской Федерации. При таком положении основным карательным элементом становятся удержания из заработка, с чем вряд ли можно согласиться.

Оценивая внесенные в закон нововведения, нельзя не выразить опасения. Достаточно редкое их применение позволяет усомниться, что это наказание можно рассматривать как серьезную альтернативу лишению свободы. Назначение их только неработающим существенно снизит показатели их применения, так как лица, осужденные за преступления небольшой и средней тяжести (именно за такие преступления чаще всего назначают исправительные работы), в большинстве своем работают. Рассмотрим этот вопрос на примере статистики 2003 г.

В 2003 г. за преступления небольшой и средней тяжести осуждено к разным наказаниям 202 781 чел. (Среди всех осужденных неработающие составляли 50,4 %.) В этом же году исправительные работы назначены 8,4 % осужденным за преступления небольшой тяжести и 7,4 % – за преступления средней тяжести. Остальные осужденные за эти категории преступлений приговорены к другим наказаниям или условно. Таким образом, шанс быть осужденным к исправительным работам имеет весьма незначительная часть всех осужденных.

У нового закона одно серьезное достоинство: он будет способствовать трудоустройству неработающих осужденных. Вместе с тем большинство осужденных к этому наказанию к моменту осуждения имели работу, и поэтому им нельзя назначать исправительные работы.

Исправительные работы принадлежат к числу наказаний, которые представлены в санкциях значительной части статей УК РФ. При назначении исправительных работ суд фактически встанет перед дилеммой – лишение свободы или штраф, ибо предусмотренные в УК РФ обязательные работы, ограничение свободы и арест, помещенные между штрафом и лишением свободы, не применяются, поскольку ни арестных домов, ни исправительных центров, ни полноценных уголовно-исполнительных инспекций, способных исполнять обязательные работы, в уголовно-исполнительной системе пока еще нет. Пока не предусмотрено для этого и финансовых ассигнований. Материальное положение многих осужденных таково, что они попросту не смогут уплатить штраф.

Кроме того, суды могут усомниться в эффективности данной меры в ее новой регламентации. Тогда часть тех, кто мог бы быть приговорен к исправительным работам, будет осуждена условно, но те, кто нуждается в исправительном воздействии, окажется в местах лишения свободы. В результате применение лишения свободы не только не сократится, но и возрастет. Интересным представляется взгляд А. С. Михлина на обязательные работы. УК РФ ввел наказание в виде обязательных работ. Такого наказания российское уголовное право не знало, хотя в некоторых странах оно применяется. Его сущность заключается в том, что осужденный обязан отработать определенное количество часов, выполняя те работы, на которые его направит уголовно-исполнительная инспекция. Суд может назначить обязательные работы на срок от 60 до 240 часов (несовершеннолетним – от 40 до 160 часов).

Обязательные работы выполняются в свободное от основной работы время, без оплаты. Осужденные работают не более 4 часов в те дни, когда они не заняты на основной

работе (выходные дни, время отпуска и т. д.) и не более 2 часов (либо с их согласия – 4 часов) в день после основной работы в рабочие дни. В неделю они обязаны отработать не менее 12 часов. При таком сроке работы они могут выполнять только неквалифицированные работы, так как организовать их обучение невозможно. Практически это может быть ремонт дорог, уход за зелеными насаждениями, уборка улиц, погрузочные и разгрузочные работы и т. п.

Включив данное наказание в систему наказаний УК РФ и регламентировав его исполнение в УИК РФ, законодатель, однако, не ввел обязательные работы в действие, так как их исполнение было возложено на уголовно-исполнительные инспекции, которые по своей численности (как правило, 1–2 сотрудника в инспекции) были не способны организовать направление осужденных на работу, контролировать ее выполнение, вести учет отработанного количества часов и т. д. Для реального исполнения наказаний штат инспекций должен быть существенно увеличен, однако у государства не было материальных возможностей. В силу этого в Законе о введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации, а позднее в Законе о введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации была предусмотрена отлагательная норма, в которой указывалось, что обязательные работы должны быть введены федеральным законом по мере создания необходимых условий не позднее 2001 г. В связи с негативностью уголовно-исполнительной системы к исполнению данного наказания Федеральным законом от 10 января 2002 г. этот срок был отложен до 2004 г.

Сложность заключалась еще и в том, что не был отработан механизм исполнения обязательных работ. Для решения этого вопроса в нескольких областях Российской Федерации был проведен эксперимент, в ходе которого обязательные работы назначались в качестве дополнительной обязанности при условном осуждении. Правовым основанием являлась ч. 5 ст. 73 УК РФ, разрешавшая возлагать на условно осужденного определенные обязанности, перечень которых не был исчерпывающим.

В ходе эксперимента выяснилось, что предприятия, на которых могла бы трудиться данная категория осужденных, не заинтересованы в такой рабочей силе. К тому же они обязаны были оплачивать труд этих лиц, перечисляя заработанные ими деньги в бюджет. В силу этого было принято решение освободить их от оплаты труда отбывающих обязательные работы. Это настолько кардинально изменило отношение к данной категории осужденных и к институту в целом, что законодатель внес изменения в УИК РФ. В настоящее время предприятия, использующие труд осужденных, обязаны лишь контролировать выполнение осужденными определенных для них работ, информировать уголовно-исполнительные инспекции о количестве отработанных часов и об уклонении осужденных от отбытия наказания. За оплату их труда деньги не перечисляются, что создает материальную заинтересованность предприятий в их работе.

Регламентируя обязанности осужденных, законодатель устанавливает их ответственность за нарушение порядка и условий отбывания наказаний. Подобное нарушение влечет за собой предупреждение осужденных. В случае злостного уклонения уголовно-исполнительная инспекция направляет в суд представление о замене обязательных работ более тяжким наказанием – ограничением свободы, арестом или лишением свободы. Согласно закону злостно уклоняющимися от отбывания обязательных работ являются лица, более двух раз в течение месяца не вышедшие на обязательные работы без уважительных причин; скрывшиеся в целях уклонения от отбывания наказания. Если осужденный скрылся и его местонахождение неизвестно, он объявляется в розыск и может быть задержан до 48 часов. Суд может продлить этот срок до 30 суток.

Особый интерес привлекает идея А. С. Михлина об ограничении свободы. Последнее также является наказанием, связанным с выполнением обязательной полезной работы (оно должно быть введено в 2005 г.). Исполнять это наказание должны исправительные центры, которые пока не построены. В старой редакции УК РФ ограничение свободы было предусмотрено ст. 51 и назначалось за совершение умышленных преступлений лицам, не имеющим судимости, на срок от одного года до трех лет, а осужденным за преступления, совершенные по неосторожности, – на срок от одного года до пяти лет.

Поскольку строительство исправительных центров требует серьезных капиталовложений, предлагалось реорганизовать существующие колонии-поселения в исправительные центры и объединить наказание в виде лишения свободы, отбываемое в колониях-поселениях, с ограничением свободы [4, 5]. Фактически правовой режим этих мер не отличается. Колонии-поселения не имеют никаких атрибутов, характерных для лишения свободы. Осужденные не находятся под стражей, они могут выходить за пределы колонии-поселения (исправительного центра), обучаться в вузах, находящихся на территории субъектов Федерации, пользоваться обычной одеждой, наличными деньгами и т. п. Все это – достаточно серьезные аргументы в пользу объединения рассматриваемых институтов.

Что касается труда осужденных, то и в колониях-поселениях, и в исправительных центрах осужденные должны быть привлечены к труду. Они могут работать на предприятиях любой формы собственности на условиях, предусмотренных трудовым законодательством. В рассматриваемые учреждения не направляются нетрудоспособные лица, так как они должны работать и сами себя содержать. В случае злостного уклонения от отбывания наказания осужденным к ограничению свободы неотбытый срок наказания заменяется лишением свободы из расчета день за день. При злостных нарушениях режима осужденными в колониях-поселениях они направляются судом для отбывания лишения свободы.

Наконец, в местах лишения свободы труд также является обязательным. Это соответствует Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными, принятыми ООН в 1955 г. Такое правило действует в большинстве стран мира. Оно не касается инвалидов первой и второй группы, мужчин старше 60 лет, женщин старше 55 лет, больных, беременных женщин и женщин, имеющих детей в доме ребенка или колонии. Эти лица привлекаются к труду по их желанию. Продолжительность рабочего времени осужденных, правила охраны труда, техники безопасности и производственной санитарии, порядок оплаты труда устанавливаются в соответствии с законодательством о труде на общих основаниях.

Время работы включается в трудовой стаж. Ранее труд во время отбывания наказания в трудовой стаж не включался. Работающим осужденным предоставляется ежегодный оплачиваемый отпуск продолжительностью 18 рабочих дней – для отбывающих наказание в воспитательных колониях и 12 рабочих дней – для остальных осужденных. Ряду категорий осужденных отпуск может быть увеличен на неделю. Некоторые имеют право проводить отпуск дома, для чего им предоставляется право на выезд.

Осужденные в порядке очередности могут быть привлечены к работам без оплаты труда. Это могут быть только работы по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий. Продолжительность такой работы – не более 2 часов в неделю. Закон запрещает прекращение работы в целях разрешения трудовых конфликтов. Следовательно, осужденные лишены права на забастовку, которая считается злостным нарушением порядка отбывания наказания.

Таким образом, теоретико-правовые взгляды А. С. Михлина на общественно полезный труд осужденных могут быть востребованы современной парадигмой пенитенциарной науки.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации (Общая часть). Проект. М. : Министерство юстиции Российской Федерации ; Государственно-правовое управление Президента Российской Федерации, 1994.
2. Сыдыкова Л. Ч. Теоретические проблемы системы и видов наказаний по уголовному праву Кыргызской Республики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 2000. 49 с.
3. Лысягин О. Б. Правовое регулирование наказания в виде исправительных работ в новых социально-экономических условиях // Правовое и методическое обеспечение исполнения уголовных наказаний. М., 1994. С. 58–59.
4. Михлин А. С. Колонии-поселения и ограничение свободы // Социалистическая законность. 1991. № 4. С. 51–53.
5. Курганов С. И. Ограничение свободы: за и против. М., 2002.

SCIENCE FORUM

Vitaliy Vladimirovich Geranin, PhD (Law), Associate Professor, deputy head of the department of criminal law and procedure, Branch of the Moscow Witte University in Ryazan, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0003-0251-2002, e-mail: gvvrzn@mail.ru;

Svetlana Nikolaevna Mal'tseva, PhD (Law), Associate Professor, head of the department of criminal law and procedure, Branch of the Moscow Witte University in Ryazan, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0001-9252-284X, e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru

PURPOSES OF PUNISHMENT: LEGITIMATE AND LATENT

Recommended citation

Geranin, V. V. & Mal'tseva, S. N. 2020, 'Purposes of punishment: legitimate and latent', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 2, pp. 166–176, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.166-176.

Abstract. During the period of updating legislation and the beginning of drafting new codes, which the country is currently experiencing, discussion about the goals facing punishment, the possibility of achieving them and the feasibility of setting other, more utilitarian goals has been resumed. This article is in line with this discussion, but it is not devoted to finding arguments to support or replace such a goal as the correction of convicts, but to examining the problems of the goals of punishment from another side, examining them from the position of legitimacy and latency. Throughout the entire period of development of the world penitentiary science and practice, the process of punishment execution (serving) was accompanied by attracting and forcing convicts to work. On the example of our country, the article traces the change in the position of the legislator in relation to the role and purpose of labor use of convicts. The evolution from direct fixing in the legislation to gradual transition to the category of latent – the path that is passed by the goal of punishment considered in the article – self-repayment. As you know, no major construction project in the pre-war period was complete without the use of convict labor: from the White Sea canal to the “Magnitogorsk” – millions of convicts created the future strategic basis of the Soviet state. However, with the country’s transition to a market economy and resulting unemployment, the extensive path of development, along which the country’s economy developed and on which the economic activity of the Penal system was primarily based, ended. With it came the awareness of the need to replace the conceptual approach to convicts’ employment. Own production, as the economic basis of the penal system, with its worn-out, outdated morally and materially equipment could no longer compete with state-owned industrial enterprises, even despite the relatively low cost of production. From a donor to the state budget, the Federal Penitentiary Service of Russia has become one of its largest consumers. During the search for a new concept for the employment of convicts, the emphasis was placed on the gradual replacement of imprisonment with alternative punishments. Their main advantage, in fact, is not so much in the absence of the “isolation effect” inherent in deprivation of liberty, but in minimizing the cost of maintaining prisoners, that is, in implementing the principle of self-repayment of punishment. Therefore, in addition to the existing correctional labor, mandatory and then forced labor were introduced into the system of basic punishments. Recent changes in Criminal and Penal legislation indicate that the emphasis is on forced labor, as the most

appropriate self-repayment of punishment. If the punitive content of the punishment is sufficiently high (the obligation to stay permanently within the correctional center), the convicted persons not only reimburse the costs of their maintenance, but also deduct their earnings from the state's income. The authors of the article come to the conclusion that it is necessary to bring the currently latent goal – self-repayment of punishment – out of the shadows and make it legitimate by fixing it in the relevant articles of the Criminal and Penal Codes of the Russian Federation.

Keywords: purposes of punishment, self-repayment of punishment, labour use of prisoners, own production, contractor works.

References

Bekkaria, Ch. 2004, *About crimes and punishments*, V. S. Ovchinskiy (comp.), INFRA-M, Moscow.

Bogdanov, S. V. 2002, *Unemployment in the history of Russia of the XX century: causes, features, consequences: PhD thesis (Law)*, Kursk.

USSR history. Chronicle of a great country. 1917–1991 n.d., viewed 19 January 2020, <https://books.google.ru/books?id=KWoDDgAAQBAJ&pg=PA225&lpg=PA225&dq>.

Contribution of Gulag prisoners to the economy of the USSR. Reference n.d., viewed 19 January 2020, <https://ria.ru/20090415/168168878.html>.

Stalin, I. V. 1953, 'About industrialization and the grain problem. Speech on July 9, 1928 at the Plenum of the Central Committee of the CPSU(b)', in Stalin, I. V., *Essays*, vol. 11, State publishing house of political literature, Moscow.

Luneev, V. n.d., *Crime and punishment in Russia*, viewed 19 January 2020, <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0239/tema07.php>.

Matveeva, N. S. 2009, 'Economic history of the industrial sector of the Russian Penitentiary system', *Historical and economic research*, iss.1, pp. 14–39.

Round table on the topic "Main directions of development of the Penal system of the Russian Federation at the present stage" 2011, viewed 19 December 2019, <http://csr.ru/news/kak-uluchshit-sistemu-ispolneniya-nakazaniy/>.

Geranin, V. V., Mal'tseva, S. N. & Kuz'min, S. S. 2019, 'Self-repayment as the main indicator of criminal penalties effectiveness', *Eurasian Law Journal*, iss. 3, pp. 224–226.

Seliverstov, V. I. (ed.) 2017, *General part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and justification of theoretical modeling*, Jurisprudence, Moscow.

Boris Zufarovich Malikov, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and criminology department, Ufa Law Institute of the MIA of Russia, Ufa, Russian Federation, e-mail: malikov_bz@mail.ru;

Nadezhda Borisovna Malikova, PhD (Law), Associate Professor, leading researcher of the department of methodology development for sentences execution related to deprivation of liberty and the study of penitentiary crime at the center for research on security issues in the Penal system, Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: malikova26@mail.ru

PENAL LAW – PROCEDURAL BRANCH OF RUSSIAN LAW

Recommended citation

Malikov, B. Z. & Malikova, N. B. 2020, 'Penal law – procedural branch of Russian law', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 2, pp. 177–184, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4). 2.177–184.

Abstract. In the article the authors propose new approaches to assessing the content of normative legal material in the field of penal law, since this branch of legal direction is undergoing a new stage of its development and scientific understanding. Based on the analysis of tasks of this branch of law, which focuses on legal regulation of court sentences execution, criminal penalties and measures of a criminal legal nature, the authors substantiate the position that penal law is a procedural branch of Russian law. The noted issues of the theory of penal law and the problems of codification, as well as modern social realities, make it necessary in the near future to modernize this branch of law, since it has passed two important stages of its formation –soviet (initial) and post-soviet (transitional).

Keywords: penal law, execution of criminal punishments and measures of a criminal legal nature, mandatory method, powers of authority, codified legislation, non-codified legal entities.

References

- Melent'ev, M. P. 1977, *Functions and structure of the Soviet correctional labor law*, Ryazan.
- Yuzhanin, V. E. 2000, *Penal relations*, Ryazan, 45 p.
- Perkov, I. M. 1980, *Correlation of material and procedural norms of correctional labor law in the theory and practice of criminal penalties execution*, Moscow.
- Sevryugin, A. S. 1988, *Correctional labor relations*, Ryazan.
- Golovastova, Yu. A. 2019, *Penal law as a branch of Russian law: subject, method, sources, system*, V. I. Seliverstov (ed.), Jurisprudence, Moscow.
- Baytin, M. I. & Yakovenko, O. V. 2000, 'Theoretical issues of legal procedure', *Journal of Russian Law*, iss. 8, pp. 93–102.
- Bakhrakh, D. N. 2000, 'Legal process and administrative proceedings', *Journal of Russian Law*, iss. 9, pp. 6–17.
- Gurvich, M. A. 1964, *Soviet civil procedure law*, Moscow.
- Mel'nikov, Yu. I. 1976, *The nature and content of procedural law in a socialist society: PhD thesis (Law)*, Moscow.
- Osnovin, V. S. 1982, 'Procedural relations in Soviet State law', *Soviet state and law*, iss. 8, pp. 11–15.
- Balandin, V. N. 1998, *Principles of legal process: PhD thesis (Law)*, Samara.
- Procedural norms and relations in Soviet law (in "non-procedural" branches)* 1985, Voronezh.

Vyacheslav Ivanovich Seliverstov, DSc (Law), Professor, Honored scientist of the Russian Federation, professor of criminal law and criminology department at the faculty of law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: office@law.msu.ru

SOCIAL REHABILITATION OF PERSONS RELEASED FROM PRISON: OPINION OF REPRESENTATIVES OF HUMAN RIGHTS AND PUBLIC ORGANIZATIONS

Recommended citation

Seliverstov, V. I. 2020, 'Social rehabilitation of persons released from prison: opinion of representatives of human rights and public organizations', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 2, pp. 185–199, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.185–199.

Abstract. The article is devoted to the analysis of results of a sociological survey among representatives of human rights and public organizations conducted by the Research and educational center "Problems of penal law" named after Yu. M. Tkachevskiy at Lomonosov Moscow State University in the framework of a scientific study of problems of social rehabilitation among persons released from correctional institutions. The article analyzes opinions of these categories of respondents on issues of achieving the goal of convicts' correction, social values that can ensure the success of social rehabilitation, its subjects, the difficulties of social rehabilitation and measures to improve it.

Keywords: convicted person, social rehabilitation, correction, imprisonment, correctional institutions, public opinion, human rights organizations, public organizations.

References

Belova, E. Yu. 2020, *Social adaptation of juvenile convicts in preferential conditions of serving their sentences: problems of theory and practice*, V. I. Seliverstov (ed.), Urite, Moscow.

Belonosov, V. O. 2017, 'About the purpose of penal law', *Bulletin of the Samara Law Institute*, iss. 4(26), pp. 14–19.

Grushin, F. V. 2017, *Influence of a system of factors on the development of the Penal policy and Penal legislation of the Russian Federation*, V. I. Seliverstov (ed.), INFRA-M, Moscow.

Seliverstov, V. I. (ed.) 2017, *The general part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and justification of theoretical modeling*, Jurisprudence, Moscow.

Popova, E. E. 2015, *Public impact as the main means of convicts' correction*, Urlitinform, Moscow.

Posmakov, P. N. 2018, 'Experience in implementing the "Return" program for resocialization of convicts released from prison by Oleg Deripasi Charitable Foundation "Volnoe Delo" for inclusion in the road map of the draft UNODC guidelines on the implementation, improvement and management of rehabilitation programs in prisons', in *Interaction of state, public and non-profit organizations in issues of resocialization and adaptation of prisoners: collection of conference materials*, Public Chamber of the Russian Federation, Moscow.

Klenova, T. V. (ed.) 2019, *Resocialization and real inclusion of convicts in civil society*, Urlitinform, Moscow.

"The word hurts, the word cures": on successful models of post-penitentiary resocialization of citizens as an important factor in preventing repeated violations: collection of materials of the 4th All-Russian competition among journalists 2019, Public Chamber of the Russian Federation, Moscow.

Seliverstov, V. I. 2017, 'Correction of the goal setting of criminal punishment in the form of imprisonment: myth or reality', *Criminology: yesterday, today, tomorrow*, iss. 2, pp. 30–37.

Seliverstov, V. I. 2018, 'Correctional doctrine and its impact on the situation of persons released from serving a sentence', *Legal Bulletin of Samara State University*, iss. 2, pp. 65–73.

Vyacheslav Efimovich Yuzhanin, DSc (Law), Professor, Honored worker of higher school of Russian Federation, professor of criminal law and procedure at Ryazan State University named for S. A. Yessenin; professor of the department of penal law, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: yuzanin@mail.ru

ON POSITIVE CRIMINAL LIABILITY

Recommended citation

Yuzhanin, V. E. 2020, 'On positive criminal liability', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 2, pp. 200–206, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.200-206.

Abstract. In the article, the author tries to justify the existence of positive criminal responsibility, which many scientists do not perceive. It is understood as an obligation for the legal entity of a citizen not to violate the prohibitions established in the criminal law. Positive liability is not equivalent to a criminal prohibition (static stage), it is manifested in legal relations (dynamic stage). It is argued that positive responsibility, although it determines a person's behavior from the internal side, cannot be properly implemented without external influence: the state defines criminal law prohibitions and promotes the assimilation and compliance of citizens with these prohibitions. This is done through the implementation of preventive and educational functions, informing citizens about the criminal law, law enforcement and judicial practice, execution of punishments, incentive norms of the criminal code, etc. The author is of the opinion that criminal law prohibitions have a regulatory effect on all people, not just on so-called unstable citizens. The state is faced with the task of maximizing the effect of prohibiting norms of criminal law, creating legal and organizational conditions for this. The author substantiates the existence of positive criminal responsibility by using the doctrine of protective norms of law, according to which this norm is perceived as a single norm, but operating in two modes: a) legal entity, which has a preventive effect on citizens (the state of positive responsibility); b) protective, associated with law enforcement activities of law enforcement agencies (retrospective responsibility).

Keywords: positive criminal liability, retrospective criminal liability, criminal law prohibitions, compliance with prohibitions, general prevention of crimes, informing the state of prohibitions, fear of punishment, protective legal relations.

References

Anthology of world legal thought 1999, in 5 vols., vol. 3, Europe, America: XVII–XX centuries, Moscow.

Vasil'chenko, A. 2005, 'General regulatory (general) criminal law relations', *Criminal law*, iss. 4, pp. 19–22.

Philosophy of criminal law 2004, St. Petersburg.

Kondratyuk, L. B. 2008, *Criminological dimension*, Moscow.

Luneev, V. V. 2000, *Subjective imputation*, Moscow.

Martsev, A. I. 1975, *Theoretical bases of general and special crime prevention: PhD thesis (Law)*, Omsk.

Prokhorov, V. S., Kropachev, N. M. & Tarbagaev, A. N. 1989, *Mechanism of criminal law regulation: norm, legal relationship, responsibility*, Krasnoyarsk.

Remenson, A. L. 1950, *Punishment and its goals in soviet criminal law: PhD thesis (Law)*, Leningrad.

Luneev, V. V. (ed.) 2010, *Criminal law. Actual problems of theory and practice: collection of essays*, Moscow.

Petrashev, V. N. (ed.) 1999, *Criminal law. General part*, Moscow.

Criminal law. General part (dictionary of key concepts) 1988, Ryazan.

Yakushin, V. A. 2018, *Punishment and other measures of criminal law influence*, Tolyatti.

Aleksandr Mihailovich Sysoev, PhD (Psychology), Associate Professor, head of the faculty of advanced and initial training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: sam3110@rambler.ru

ON THE ISSUE OF DETERMINING THE PRIORITY GOAL OF THE PENAL LEGISLATION AND MEANS TO ACHIEVE IT

Recommended citation

Sysoev, A. M. 2020, 'On the issue of determining the priority goal of the Penal legislation and means to achieve it', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 2, pp. 207–219, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.207-219.

Abstract. In this article, the author proceeds from the understanding of modern trends in penal policy in general and penitentiary policy in particular as a natural continuation of the development of basic principles of correctional labor law of the Soviet state, which was formed in the course of its evolutionary development and determined the features of the approach to correctional influence on the criminal's personality. Analyzing the modern definition of the goals of punishment by the legislator and considering their correlation with the goals of Penal legislation, the author notes their discrepancy. In this regard, it is considered such a goal of punishment as the restoration of social justice and the possibility of its consolidation in the Penal Code of the Russian Federation. In the course of analysis of scientific sources, the author comes to the conclusion that the direct transfer of punishment goals from the Criminal Code to the Penal Code of the Russian Federation is not a reasonable decision. Due to the fact that in recent years the scientific discussion on the revision of goals to be achieved in the process of punishment execution, the tasks pursued by this process, as well as its ultimate unattainability in the conditions of isolation determined by the prison regime, the author justifies the absence of the need to single out as a single goal of the Penal legislation such a direction of activity as the resocialization of the convicted person. At the same time, there is a high potential for the process of social adaptation of prisoners serving long terms of imprisonment to the conditions of life after their release, provided that effective means and methods of such activities are identified as a necessary element of penitentiary practice aimed at achieving the goal of special prevention. The author proposes to consider the correction and resocialization of convicts as two interrelated processes aimed at achieving the same goal – achieving special prevention, but at the same time having a difference in their orientation and objectives.

Keywords: goals of punishment, penal policy, correction, resocialization, general prevention, private prevention, deprivation of liberty.

References

- Radbrukh, G. 2004, *Philosophy of law, International relations*, Moscow.
- Manns, G. Yu. 1926, *General and special prevention in criminal law*, Power of labor, Irkutsk.
- Lapshin, V. F. (ed.) 2018, *Criminal punishment: socio-legal analysis, systematization and development trends*, Urlitinform, Moscow.
- Kozachenko, I. Ya. & Kozachenko, E. B. 2011, 'Criminal law calculation of the purpose of criminal punishment', in *Punishments in the conditions of humanization of the criminal policy of Russia: collection of materials of the Interdepartmental scientific and practical seminar*, pp. 15–16, Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia, Vologda.

Seliverstov, V. I. (ed.) 2017, *General part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and justification of theoretical modeling*, Jurisprudence, Moscow.

Bytko, S. Yu. 2014, *Effectiveness of the preventive impact of criminal punishment*, Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia, Moscow.

Yuzhanin, V. E. 2015, 'On convicts' resocialization as the goal of the process of ensuring the implementation of the punishment in the form of deprivation of liberty', *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, iss. 32, pp. 9–15.

Fuko, M. 2018, *Discipline and punish: the birth of the prison*, Ad Marginem Press, Moscow.

Karpets, I. I. 1973, *Punishment. Social, legal and criminological problems*, Legal literature, Moscow.

Melent'ev, M. P. 2007, 'Problems of development of the Penal Code of the Russian Federation', in M. P. Melent'ev, *Selected works*, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Kalinin, Yu. I. (ed.) 2006, *Penal law*, in 2 vols, 2nd edn, vol. 1, *General part*, Logos, Moscow.

Gertsenzon, A. A. 1961, *Main provisions of the Criminal code of the RSFSR of 1960*, Gosurizdat, Moscow.

Baranov, Yu. V. 2012, 'About the purposes of criminal and penal legislation', *Man: crime and punishment*, iss. 1, pp. 8–19.

Seliverstov, V. I. (ed.) 2010, *Characteristics of convicts serving imprisonment (based on the materials of the special census of convicts in 2009)*, iss. 1, Jurisprudence, Moscow.

Borsuchenko, S. A. 2018, 'Resocialization and social adaptation of persons convicted to deprivation of freedom: the concept, content, legal regulation', *Legal Bulletin of Samara University*, vol. 4, iss. 2, pp. 74–79.

Golodov, P. V. 2007, 'The process of convicts' resocialization serving sentences of deprivation of liberty: a contextual approach', in *Social work in the light of new European penitentiary rules: theory and practice: proceedings of the International scientific and practical conference (Vologda, April 23–24, 2007)*, pp. 243–248, Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia, Vologda.

ABROAD

Bulatbek Kabdushevich Shnarbaev, DSc (Law), Associate Professor, professor of law department, Kostanay branch of Chelyabinsk State University, Kostanay, Republic of Kazakhstan, e-mail: shnarbaev@mail.ru

ORGANIZATION OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL WORK WITH PROBATION SERVICE PERSONNEL

Recommended citation

Shnarbaev, B. K. 2020, 'Organization of social and psychological work with probation service personnel', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 2, pp. 220–225, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.220-225.

Abstract. The state of socio-psychological work carried out with probation officers is one of the primary issues, which follows from the process of a new institution formation in the Penal system of the Republic of Kazakhstan, designed to assist citizens in correction and subsequent resocialization. A probation officer is primarily a social worker who has the technology to provide social assistance to a supervised person and is able to organize the work of his/her social assistant and the process of educational influence on the supervised person. Taking into account the purpose of probation in these divisions, there should be a normal working atmosphere created on the basis of psychological compatibility of employees. It is necessary to conduct socio-psychological work with employees aimed at improving business, optimal and professional qualities.

Keywords: probation, personnel support, psychological compatibility, social worker, social control, social assistance, professional qualities, resocialization.

References

Geta, M. R. 2004, *Probation in criminal law of foreign countries*, Sarsen Amanzholov EKSU, Ust-Kamenogorsk

Salamatov, E. A. 2017, *Problems of Kazakhstan's probation*, viewed 9 January 2017, <https://www.zakon.kz/4838204-problemy-kazakhstanskojj-probacii.html>.

Natal'ya Sergeevna Maloletkina, PhD (Law), deputy head of state and legal disciplines department, Samara Law Institute of the FPS of Russia, Samara, Russian Federation, e-mail: levkovka707@mail.ru

LEGAL BASES AND ORGANIZATIONAL SUPPORT FOR IMPROVING CRIMINAL PENALTIES EXECUTION IN RUSSIA (TAKING INTO ACCOUNT THE INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PROBATION)

Recommended citation

Maloletkina, N. S. 2020, 'Legal bases and organizational support for improving criminal penalties execution in Russia (taking into account the international experience of probation)', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 2, pp. 226–230, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4). 2.226-230.

Abstract. The purpose of this study is to consider the issues of improving the execution of sentences in Russia, taking into account the foreign experience of probation in countries such as England and the Republic of Kazakhstan. A comparative analysis of activities among employees of Penal inspections of the Russian Federation and employees of the Probation service of foreign countries is partially carried out. There are certain differences in the organization of employees' work for monitoring and supervision of persons sentenced to punishments not connected with deprivation of freedom in Russia and foreign countries. The experience of pre-trial reporting in England and the interaction of the Probation service with the court were interesting. Special attention should be paid to the organization of the Probation service in the Republic of Kazakhstan, since it has been performing its functions for 4 years and has a positive experience. The nature of tasks for the execution of non-custodial sentences in Russia and Kazakhstan has been established. These tasks help employees achieve their main goals and perform their work at the proper level. The tasks defined by the law are part of the job descriptions that employees of both the Probation service and the Penal Inspection are required to observe and implement. The directions of improving criminal penalties execution that are not associated with isolation from society, taking into account foreign experience in the field under study, are defined.

Keywords: probation, convicts, punishments, penal inspection.

References

- Kazak, B. B. 2016, 'Problems of improving the effectiveness of Penal inspections in the execution of freedom restrictions', *The law and the right*, iss. 4, pp. 139–141.
- Krymov, A. A. 2019, 'Criminal procedure aspects of Penal inspections' activities: some regulatory issues', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 4(41), pp. 122–126.
- Skiba, A. P. 2016, 'About regulation of suspension of punishments execution not connected with isolation from society', *International penitentiary journal*, iss. 1(5), pp. 44–50.
- Smirnova, I. N. 2015, 'Actual problems of organization of Penal inspections' activity on execution of correctional labor', *Man: crime and punishment*, iss. 4(91), pp. 48–52.
- Maloletkina, N. S. 2019, 'Organizational and legal bases of activity of Penal inspections of Russia and Probation services of foreign countries', in *IV international penitentiary forum "Crime, punishment, correction" (to the 140th anniversary of the Russian Penal system and the 85th anniversary of the Academy of the Federal penitentiary service of Russia): collection of thesis*

and reports of participants (Ryazan, November 20–22, 2019), in 10 vols, vol. 3, *Materials of international scientific and practical conferences and round tables*, pp. 187–190, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Belik, V. N. & Skiba, A. P. 2018, 'Issues of public-private partnership in the sphere of deprivation of liberty execution: status, analysis and implementation in domestic penal practice', *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia*, iss. 2, pp. 94–99.

Efremova, D. V. & Nasreddinova, K. A. 2018, 'Private prisons in the Russian Federation', in *Problems and prospects of the Russian Penal system development at the present stage: collection of materials of the International scientific conference of adjuncts, postgraduates, cadets and students*, pp. 76–79, Samara law Institute of the FPS of Russia, Samara.

Rodionov, A. V. 2017, 'Strategy for the development of penal policy in the sphere of convicts' labor organization', *Penal law*, vol. 12(1–4), iss. 1, pp. 31–33.

Skiba, A. P. 2010, *Non-state places of liberty deprivation and problems of providing medical care to convicts in Russia: history and modernity*, Yu. A. Kashuba (ed.), Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don.

MANAGEMENT VECTOR

Irina Nikolaevna Smirnova, DSc (Law), Associate Professor, professor of the department of regime organization and operational search activity in the penal system, Pskov branch of the Academy of the FPS of Russia, Pskov, Russian Federation, e-mail: irina_smi69@mail.ru;

Lyudmila Yur'evna Budanova, PhD (Law), senior lecturer of the department of regime organization and operational search activity in the penal system, Pskov branch of the Academy of the FPS of Russia, Pskov, Russian Federation, e-mail: milabudanovapskov@mail.ru;

Vyacheslav Borisovich Shabanov, DSc (Law), Professor, head of criminology department, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: lawcrim@bsu.by

ORGANIZATIONAL AND LEGAL SUPPORT OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF PENAL INSPECTIONS IN THE FIELD OF PREVENTIVE MEASURES ENFORCEMENT

Recommended citation

Smirnova, I. N., Budanova, L. Yu. & Shabanov, V. B. 2020, 'Organizational and legal support of law enforcement activities of Penal inspections in the field of preventive measures enforcement', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 2, pp. 231–236, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.231-236.

Abstract. Based on the analysis of the current legislation, the article considers certain issues of choosing and applying preventive measures in the form of house arrest and prohibiting certain actions against suspects or accused. The authors substantiate the features of setting off the term of a preventive measure in the term of punishment; the distinction between house arrest and the prohibition of certain actions is made. The article reveals the role of the data processing service of electronic monitoring system among controlled persons in preventing their attempts to evade the control of the Penal inspection and hide from the bodies of inquiry, investigation and court, as well as in promptly responding to detected violations. The article deals with the organizational and legal problems that arise in the specified sphere of activity of the Penal inspection revealed in the course of research and analysis of official data.

Keywords: preventive measures, house arrest, prohibition of certain actions, penal inspection, partial isolation of a person, complete isolation of a person, organizational and legal support for the functioning of penal inspections, electronic monitoring system for controlled persons.

References

Smirnova, I. N. 2019, 'Some aspects of specialized state bodies functioning in the sphere of execution of punishments and measures of criminal law without isolation from society', in *IV International penitentiary forum "Crime, punishment, correction" (to the 140th anniversary of the Russian Penal system and the 85th anniversary of the Academy of the Federal penitentiary service of Russia): collection of theses and reports of participants (Ryazan, November 20–22, 2019)*, in 10 vols, vol. 3, *Materials of international scientific and practical conferences and round tables*, pp. 297–304, Ryazan.

Orlov, A. E. 2018, 'Actual problems of implementing house arrest in the light of the introduction of preventive measures in the form of prohibition on certain actions', *Bulletin of the Samara Law Institute of the FPS of Russia*, iss. 5(31), pp. 48–51.

Petrovskikh, A. S. & Smakhtin, E. V. 2018, 'Prohibition of certain actions: interpretation and application problems', *Russian law: education, practice, science*, iss. 4, pp. 19–25.

Nikolaeva, M. I. 2018, 'New measure of restraint "prohibition of certain actions" in the criminal process of Russia', *Bulletin of Vladimir Law Institute*, iss. 2, pp. 117–123.

Novikova, E. A., Cherkasova, E. A. & Lakeeva, E. V. 2018, 'Prohibition of certain actions as a preventive measure in criminal proceedings', *Social and political sciences*, iss. 3, pp. 165–167.

'Honestly and conscientiously serve the Law and the people! (Interview with the head of the UOINIO of the FPS of Russia E. A. Korobkova)' 2019, *Journal of the Penal system*, iss. 5, pp. 3–14.

Aleksandr Yur'evich Dolinin, PhD (Law), Associate Professor, head of the department of management and organization of activities in the Penal system, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: aleksander.dolinin@yandex.ru

PROBLEMS OF APPLYING MANAGEMENT METHODS IN WORK WITH THE PERSONNEL OF THE PENAL SYSTEM

Recommended citation

Dolinin, A. Yu. 2020, 'Problems of applying management methods in work with the personnel of the Penal system', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 2, pp. 237–250, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.237-250.

Abstract. The article is devoted to the problems of applying management methods in work with the personnel of the Penal system and contains suggestions for improving their practical application. This topic is relevant due to the fact that the personnel management system of institutions and bodies of the Penal system does not apply the full range of management methods and influence on employees. Modern science and practice of personnel management developed a wide range of tools for influencing the organization's personnel. Currently used general methods of personnel management include both traditional methods of influence (economic and administrative), and a whole range of socio-psychological methods based on the methods of motivation and moral influence. Administrative methods have a direct impact on the staff, and economic and socio-psychological-indirect, so the effect of their application is not immediately apparent. Private methods are intended for using general methods in specific conditions. They are classified according to various characteristics, most often by elements of the personnel management process. In practice, the greatest effect is achieved with use of the integrated application of management methods. However, despite the theoretical validity of the systematic use of methods of influence on employees in the practice of personnel management in many Russian organizations, including institutions and bodies of the Federal penitentiary service of Russia, most often used methods of coercion, both administrative and economic, are in the form of various disciplinary and monetary sanctions. At present, there are clear problems with the implementation of the method of economic incentives for employees in institutions and bodies of the Penal system. The legal norms of material incentives are regulated at the Federal level, and their amount is determined by the capabilities of the budget of the Russian Federation. However, the lack of significant differentiation in the monetary allowances and social security of various categories of staff in the Penal system, depending on the complexity and intensity of their work, does not allow them to fully disclose all the possibilities of their material incentives. The complexity of effective application of socio-psychological management methods in modern conditions is caused by a number of objective factors: instability of the economic state of many organizations, their financial difficulties, etc. The Penal system is not exception in this case. There is a clear imbalance between the regulation of socio-psychological methods of personnel management in the Penal system and the practice of their application. The performed analysis made it possible to formulate the following main directions for improving the effectiveness of management methods in work with the personnel of institutions and bodies of the Penal system:

it is advisable for heads of institutions and bodies of the Penal system to build operational and service relations with the staff on the basis of principles of industrial democracy and social partnership;

the use of methods of administrative influence on employees of the Penal system should be based on a clear activities regulation of each employee, which makes it possible to apply the most effective methods of administrative and disciplinary management, which are adequately perceived by the staff;

improving methods of economic impact on employees of the penal system should be based on the need to increase the incentive functions of the applied system of monetary allowances and socio-economic benefits;

the applied means of social and psychological influence on employees should help to adjust their goals, interests, views, feelings, aspirations and moods. The use of methods of socio-psychological influence on personnel should be based on the coordination of the interests of institutions and bodies of the Penal system and separate employees.

Keywords: the penal system, work with the staff, the staff of the penal system, management system, personnel management methods.

References

McConnell, C. R. & Brue, S. L. 2003, *Economics: principles, problems, and policy*, 14th edn, INFRA-M, Moscow.

Kibanov, A. Ya. (ed.) 2013, *Managing the organization's personnel*, 4th edn, INFRA-M, Moscow.

Maslov, E. V. 2003, *Personnel management of the company*, INFRA-M, Moscow, NSUEM, Novosibirsk.

Bukhalkov, M. I. 2011, *Personnel management*, 2nd edn, INFRA-M, Moscow.

Krichevskiy, R. L. 1998, *If you are a Manager... Elements of management psychology in everyday work*, Delo, Moscow.

Pugachev, V. P. 2005, *Managing the organization's personnel*, Aspekt Press, Moscow.

Stolyarenko, L. D. 2005, *Psychology of business communication and management*, Phoenix, Rostov-on-Don.

Egorshin, A. P. 2011, *Basis of personnel management*, 3th edn, INFRA-M, Moscow.

Gerchikova, I. N. 2010, *Management*, 4th edn, UNITI, Moscow.

Burganova, L. A. 2009, *Management theory*, INFRA-M, Moscow.

Vesnina, V. R. 2010, *Personnel management. Theory and practice*, Prospekt, Moscow.

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

Nikolay Semenovich Artem'ev, DSc (Law), Professor, Honored worker of the higher school of the Russian Federation, professor of the department of criminology and crime prevention, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: kioppapu@mail.ru;

Maksim Yur'evich Bagnychev, adjunct of the faculty of scientific and pedagogical personnel training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: 201548@mail.ru

CRIMINOLOGICAL RESEARCH OF RECIDIVISTS' PROFESSIONAL CRIME

Recommended citation

Artem'ev, N. S. & Bagnychev, M. Yu. 2020, 'Criminological research of recidivists' professional crime', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 2, pp. 251–263, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.251-263.

Abstract. The authors considers the concept of recidivist professional crime, defines the characteristics of criminal professionalism and types of professional criminals. The socio-demographic personality of a recidivist (professional) is studied. The empirical base of the study covers information about the social status of professional criminals in society before the moment of conviction and directly in prison. Criminological research of recidivists was conducted according to a specially developed research program, which focuses on specific methods and techniques for collecting information for a specific region.

The study of recidivism (professional) crime serves not only as a scientific basis for criminological forecasting and long-term planning, but also for making any managerial decision (orders, instructions, decisions of boards, etc.), as well as current planning, that is, it is the first stage of the management process of fight against recidivism (professional) crime. However, such a study is not only the beginning of the management process, but also completes it, summing up the results of all the work of Internal Affairs bodies and divisions (police), as well as correctional institutions to combat recidivism (professional) crime – it assesses the real results of work. Given the fact, that the state and trends of recidivism established by generalizations and comparisons do not exhaust the entire volume of useful information about this phenomenon, it is necessary to make greater use of statistical data and mathematical methods.

Keywords: professional crime, criminological research of a recidivist, research program and plan, research results.

References

Mikhlin, A. S. 1973, 'Methodology for analyzing data on the convict's personality', *Soviet state and law*, iss. 2, pp. 63–68.

Ol'ga Ivanovna Nesterova, DSc (History), professor of criminal law department, Moscow University of Finance and Law, Moscow, Russian Federation, ORCID/0000-0003-1872-5280, e-mail: nolga.777@yandex.ru

PREVENTION OF GROUP CRIMES COMMITTED IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Recommended citation

Nesterova, O. I. 2020, 'Prevention of group crimes committed in correctional institutions', Man: crime and punishment, vol. 28(1–4), iss. 2, pp. 264–267, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.264-267.

Abstract. In the article, the author considers such an important social problem as group crime of convicts serving sentences in correctional institutions. The purpose of this study was to analyze measures to prevent this category of crime. The object of the study was a group of convicts of criminal (negative) orientation. Research methods: statistical (based on official data on crime); comparative (analysis of crime in Russia and the Penal system); comparative analysis of Russian legislation. The objectives of the study were: to consider the reasons for the formation of groups of convicts; to study the determinants of crimes committed by convicts as part of a group; to assess the existing level of crime of organized criminal groups in places of deprivation of liberty; to determine general and individual preventive measures of group crime of convicts. In the course of the analysis of criminal activity of groups of convicts, it was found that crimes committed in society directly affect crimes in places of detention. The consolidation of convicts into groups of negative orientation can develop into the formation of organized criminal groups with a pronounced leader and hierarchical structure. Crimes committed by organized criminal groups of convicts have already stable character and a very high level of public danger. As part of the group, convicts often commit the following crimes: drug trafficking, fraud, causing harm to health of varying severity, murder, mass riots, actions that disorganize the activities of the correctional institution, escapes. The prevention of group crimes in places of detention is important for the normal functioning of a correctional institution. The reasons for committing crimes as part of a group can be very diverse. The analysis of scientific literature and empirical sources allowed us to identify the following determinants of group crimes: following informal norms of behavior, increasing the authority of the group, the inability to commit a crime alone, the ability to avoid criminal responsibility by one or more members of the group, selfish reasons, and coercion by other convicts. The activities of correctional officers to prevent group crimes are traditionally carried out in two main areas: preventive activities in relation to a group (one) of convicts and preventive activities related to the conditions of serving a sentence, when the commission of crimes becomes simply impossible. In conclusion, the author provides a short list of preventive measures for group crime of convicts.

Keywords: criminal group, convicts, crime, crime prevention, correctional institution, penal system.

References

- Larin, S. B. 2014, *Features of the initial stage of crimes investigation committed by leaders and members of organized criminal groups in places of detention: PhD thesis (Law)*, Moscow.
- Mal'chuk, O. I. & Nuzhdin, A. A. 2018, 'Operational search prevention of crime in correctional institutions: theoretical aspect', *The penal system: law, economics, management*, iss. 1, pp. 29–31.

Nuzhdin, A. A. 2017, 'Crime prevention: theoretical and legal aspect', in *III International penitentiary forum "Crime, punishment, correction" (to mark the 20th anniversary of the entry into force of the Criminal Executive code of the Russian Federation): collection of theses and reports of participants (Ryazan, November 21–23, 2017)*, in 8 vols, vol. 2, *Materials of the International scientific and practical conference "Improving the norms of criminal and penal legislation"*, pp. 183–186, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Andrey Aleksandrovich Degterev, PhD (Law), associate professor of criminal law department, Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation, e-mail: degterevand@rambler.ru

CRIME PREVENTION AGAINST POLITICAL SYSTEM'S FOUNDATIONS

Recommended citation

Degterev, A. A. 2020, 'Crime prevention against political system's foundations', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 2, pp. 268–275, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.268–275.

Abstract. The article considers the institutional and organizational mechanism for countering crimes against state authorities and mass media. The problems of technical and organizational and legal support of preventive activities are identified. The author suggests developing a strategy for countering crimes against the political system's foundations within the framework of preventive activities, which will help to identify existing pain points in society, the state and the political system. Prevention of interference with the legitimate professional activities of journalists and mass media should not be underestimated today. In this regard, it is proposed to finalize the Law of the Russian Federation "On mass media".

Keywords: institutional and organizational mechanism, state power, mass media, crime prevention, preventive work, political system, criminalization of public life, level of corruption, extremist moods, demographic crisis, depopulation of the population.

References

- Luneev, V. V. 2014, *The origins and defects of the Russian criminal legislation*, Moscow.
- Kudryavtsev, V. N. (ed.) 1985, *Course of Soviet criminology*, vol. 1, *Subject. Methodology. Crime and its causes*. Criminal, Legal literature, Moscow.
- D'yakov, S. V. 2012, *Crimes against the foundations of the constitutional system and state security: criminal law and criminological research*, Law center Press, St. Petersburg.
- Alekseev, A. I., Gerasimov, S. I. & Sukharev, A. Ya. 2001, *Criminological prevention: theory, experience, problems*, Norma, Moscow.
- Babaev, M. M. & Pudovochkin E. Yu. 2017, *Russian criminal policy and criminal law: experience of critical analysis*, Uritinform, Moscow.
- Lopashenko, N. A. (ed.) 2014, *The price of crime (methodology for determining it)*, Uritinform, Moscow.
- Akunchenko, E. A., Damm, I. A. & Shchedrin, N. V. 2018, 'Anti-corruption security of the electoral process: status and prospects', *National security*, iss 1, pp. 49–71.
- Agapov, P. V. & Merkur'ev, V. V. 2014, 'Countering the technologies of "color revolutions" in the system of measures to prevent crimes against foundations of the constitutional system and state security', *Criminological journal of the Baikal State University of Economics and law*, iss. 2(28), pp. 63–71.

COMPETITIVENESS ANALYSIS

Tat'yana Nikolaevna Belova, DSc (Economics), Professor, professor of economics and management department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: belova_t_n@mail.ru;

Dmitriy Valer'evich Slyunyaev, junior inspector of the supervision group at security department, Correctional Institution-7 of the FPS of Russia in the Belgorod region, Valuiki, Russian Federation, email: dmitryslunyaev@yandex.ru

MODELING OF THE PRODUCT STRATEGY OF PRODUCTION ACTIVITY OF A CORRECTIONAL INSTITUTION

Recommended citation

Belova, T. N. & Slyunyaev, D. V. 2020, 'Modeling of the product strategy of production activity of a correctional institution', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 2, pp. 276–283, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.276–283.

Abstract. The article considers the method of planning the commodity strategy of economic entities that is relevant for the production units of the penal system. The authors propose a method for developing a product strategy adapted to the peculiarities of production units functioning at correctional colonies – the BCG matrix (Boston consulting group). The essence of the method is to optimize the industry structure of commodity products by segmentation – increasing the share of industries with high efficiency by reducing the output of products with high cost and uncompetitive in the market. The authors consider the modeling of the product strategy of production activity to be a necessary condition for the successful development of a correctional institution in the medium and long term. The research object is the production division of the correctional institution-7 of the FPS of Russia in the Belgorod region, which is a typical economic entity that is concerned with the problem of optimizing the industrial structure of production. Based on the reporting data for the last three years, the BCG matrix was constructed and problematic product segments were identified. The BCG project matrix contains a decision to change the product structure based on the criterion of increasing the mass of the financial result (profit), which will allow the institution to invest in the expansion and modernization of those product segments that are identified as priority. The study and implementation of the described positive results can become an effective tool for further reforming the production units of institutions of the Penal system.

Keywords: product strategy, BCG matrix (Boston consulting group), industry structure of production, economic efficiency, production divisions of correctional institutions.

References

Belova, T. N. 2019, 'Import substitution processes in the agri-food sector', *Regional economy*, vol. 15, iss. 1, pp. 285–297.

Belova, T. & Kupriyanov, V. 2019, 'Modeling the dynamics of Russian agricultural and food markets: assessments and predictions', *Economist*, iss. 12, pp. 28–37.

Belova, T. N. 2018, 'Food security of correctional institutions in the context of regional agri-food market formation', in *Theoretical and practical problems of the development of the penal*

system in the Russian Federation and abroad: a collection of abstracts of speeches and reports of participants of the International scientific and practical conference, vol. 2, pp. 1505–1509, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Belova, T. N. 2016, 'Economics of the penal system as an object of forecasting using mathematical models', *Man: crime and punishment*, iss. 2(93), pp. 102–107.

Buranova, E. A., Ignat'ev, A. I., Rodionov, A. V., Chernyshov, I. N., Balyan, E. V. & Kochinyan, G. E. 2019, *Fundamentals of production planning*, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Kalashnikov, G. M., Grishina, O. Yu. & Abramova, D. N. 2020, 'Improving the competitiveness of products in the production division of the institutions of the Penal system', in *Innovative approach to solving problems in the field of economics and law*, pp. 84–87, Moscow.

Konkina, V. S. 2018, 'Comparative analysis of the main approaches to cost management', *Bulletin of agricultural science*, iss. 1, p. 136.

Konkina, V. S., Ponomareva, E. V. & Kurochkina, E. N. 2016, 'Assessment of the efficiency of agro-industrial complex of the Penal system on the example of the Ryazan region', *Bulletin of the Ryazan State Agrotechnological University named after P. A. Kostychev*, iss. 4(32), pp. 108–113.

Makarova, O. V. & Gasparyan, S. V. 2019, 'Features of organization of food supply planning in institutions of the Penal system', in *IV International penitentiary forum "Crime, punishment, correction" (to the 140th anniversary of the Russian Penal system and the 85th anniversary of the Academy of the Federal penitentiary service of Russia): collection of theses and reports of participants (Ryazan, November 20–22, 2019)*, in 10 vols, vol. 9, *Materials of international scientific and practical conferences and round tables*, pp. 123–126, Academy of the FPS of Russia, Ryazan

Roy, L. V. 2009, *Analysis of industry markets*, INFRA-M, Moscow.

Suglobov, A. E. & Rodionov, A. V. 2019, 'Problems and prospects of ensuring food security in Russia in modern conditions', *Russian Journal of Management*, vol. 7, iss. 4, pp. 41–45.

Scherer, F. & Ross, D. 1997, *The structure of industrial markets*, INFRA-M, Moscow.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

Irina Sergeevna Ganishina, DSc (Psychology), Associate Professor, head of legal psychology and pedagogy department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: irinaganishina@yandex.ru;

Natal'ya Anatol'evna Il'inykh, adjunct of the faculty of scientific and pedagogical personnel training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ilinykh1983@mail.ru

PERSONAL CHARACTERISTICS OF TB-INFECTED CONVICTS OF YOUTH AGE

Recommended citation

Ganishina, I. S. & Il'inykh, N. A. 2020, 'Personal characteristics of TB-infected convicts of youth age', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 2, pp. 284–295, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.284–295.

Abstract. The relevance of the study of the personal characteristics of TB-infected convicts serving criminal sentences in a medical and correctional facility is due to the long-term treatment, the risk of infection of others, the complexity of anti-TB treatment, and the influence of medical drugs on the psychological state of convicts. Some personal characteristics of tubinfected people are considered by L. M. Model' (1962), R. May (1977), N. Yu. Isaeva, V. B. Galkin (1999), A. A. Istomin (2011), A. S. Borzenko, V. V. Delaryu (2013), N. A. Egorova (2014), S. A. Petunova (2015), S. A. Yudin (2017), A. V. Mordyk, T. Yu. Udalova, N. V. Bagisheva (2016), O.E. Dobrovol'skaya, T. Yu. Khabarova (2016), Yu. E. Razvodovskiy, P. B. Zotov, S. V. Kandrychinyy (2017) and others. The authors identified the following features of tubinfected people: increased anxiety, depressive tendencies, mental instability, and low self-esteem. However, the study of personal characteristics of TB-infected convicts of youth age in modern psychological science was conducted. The purpose of this study was the study of personality characteristics of TB-infected convicts of youth age who are serving sentences in a medical correctional institution. An empirical study of TB-infected convicts was organized on the basis of Medical correctional facility No. 8 of the FPS of Russia in the Altai territory. It was attended by 150 TB-infected male convicts of youth age. The following psychodiagnostic methods were used to diagnose the personal characteristics of convicts: praximetric (analysis of personal files and medical records), observation, survey, testing (multi-factor personal questionnaire "Mini-mult" by F. B. Berezin and M. P. Miroshnikov). The computer program Psychometric Expert (version 9.0.7) was used to process the received data. The following personal characteristics of TB-infected convicts of youth age were established: socio-demographic (having mostly secondary or incomplete secondary education; worked to condemnation; not married); criminal law (serving sentences mostly for crimes committed against life and health (Articles 105–125 of the Criminal code); sentenced to mainly in the period from 5 to 10 years of imprisonment; in most cases, reconvicted, recidivists); medical (sick with chronic tuberculosis); psychological (have a higher than average level of hypochondria, hysteria, psychopathy, psychasthenia, schizoid, hypomania; low level of depression and paranoia). The analysis of the personal profile, observation data and a survey of TB-infected youth convicts led to the conclusion that most of

them are characterized by social maladaptation, aggression, conflict, disregard for social norms, unstable mood, resentment, excitability, sensitivity, psychopathy, schizoidism, hypochondriacism, which is due to the difficult curability of the disease, the duration and complexity of treatment.

Keywords: TB-infected convicts, medical and correctional institution, youth age, personal characteristics, socio-demographic characteristics, criminal-legal characteristics, medical characteristics, psychological characteristics.

References

Burlachuk, L. F. & Morozov, S. M. 1999, *Dictionary-reference book on psychological diagnostics*, Piter Kom, St. Petersburg.

Ganishina, I. S. 2017, *Fundamentals of valeology*, Ulyanovsk.

Ganishina, I. S. & Kirilova, T. V. 2018, *Psychology of addictive behavior of convicts*, Zebra, Ulyanovsk.

Dobrovol'skaya, O. E. & Khabarova, T. Yu. 2016, 'Socio-psychological characteristics of patients with tuberculosis', *Medicine*, vol. 1, iss. 3, pp. 11–13.

Egorova, N. A. 2014, 'Influence of socio-psychological factors on the effectiveness of tuberculosis treatment in closed institutions', *New technologies*, iss. 2, pp. 49–53.

Il'inykh, N. A. 2019, 'The relevance of psychological support of TB-infected convicts in places of deprivation of liberty', in *Psychology of the XXI century: challenges, searches, vectors of development: collection of materials of the all-Russian Symposium of psychologists*, pp. 288–291, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Isaeva, N. Yu. & Galkin, V. B. 1999, 'Study of socio-psychological characteristics of adolescents with various manifestations of tuberculosis infection', *Kuban Scientific Medical Bulletin*, vol. 44, iss. 7, pp. 34–35.

Istomin, A. A. 2011, *System of value orientations of persons sentenced to imprisonment: PhD thesis (Psychology)*, Ryazan.

Istratova, O. N. & Eksakusto, T.V. 2008, *Psychodiagnostics: a collection of the best tests*, 5th edn, Phoenix, Rostov-on-Don.

Model', L. M. 1962, *Essays on the clinical pathophysiology of tuberculosis*, Moscow.

Mordyk, A. V., Udalova, T. Yu. & Bagisheva, N. V. 2016, 'Characteristics of depressive tendencies among patients with newly diagnosed tuberculosis', *Bulletin of the North-Western state medical University named after I. I. Mechnikov*, vol. 8., iss. 2, pp. 82–88.

Petunova, S. A. 2015, 'Psychosocial features of the attitude to the disease among patients with pulmonary tuberculosis location', *Bulletin of psychiatry and psychology of Chuvashia*, vol. 11, iss. 4, pp. 60–78.

Petunova, S. A. 2015, 'Psychological factors of compliance among tuberculosis patients', *Modern problems of science and education*, iss. 3, pp. 78.

Razvodovskiy, Yu. E., Zotov, P. B. & Kandrychyn, S. V. 2017, 'Suicides and epidemiological parameters of tuberculosis in Russia: population level of communication', *Suicidology*, iss. 1, pp. 39–46.

Ushatkov, A. I. & Ganishina, I. S. 2015, 'Psychological typology and classification of convicts held in correctional institutions of the Russian Penal system: history and current state', *International penitentiary journal*, iss. 4(4), pp. 76–81.

Yudin, S. A., Borzenko, A. S. & Delaryu, V. V. 2013, 'Implementation of medical recommendations by tuberculosis patients and difficulties encountered during treatment', *Saratov journal of medical research*, vol. 9, iss. 4, pp. 741–743.

May R. 1977, *The Meaning of Anxiety*, Pocket Books, N. Y.

Anatoliy Nikolaevich Sukhov, DSc (Psychology), Professor, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation, head of the department of social psychology and social work, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: a.suhov@365.rsu.edu.ru

TRADITIONAL AND MODERN MEANS OF CRIMINAL COMMUNICATION

Recommended citation

Sukhov, A. N. 2020, 'Traditional and modern means of criminal communication', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 2, pp. 296–303, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4). 2.296–303.

Abstract. The article reveals the essence of the socio-psychological approach to understand organized crime. It is based on a criminal model of success, which, in turn, is not feasible without the creation of a secret criminal organization, and that without traditional and modern means of criminal communication. From the point of view of social psychology, the main mechanism for preparing and committing crimes within the framework of organized crime is criminogenic communication, which is carried out with the help of special means. Traditional means of criminal communication include: jargon, tattoos, secret writing, etc. As for modern means, they are encryption of information messages using mathematical methods of information transformation, and so on. The practice of countering modern means of criminal communication is also discussed in the article.

Keywords: socio-psychological analysis, organized criminal group, theory, criminal organization and model of success, means of criminogenic communication.

References

- Alferov, Yu. A. 1999, *Penitentiary sociotics. The secret of interpersonal relationships in the criminal environment*, Domodedovo.
- Audio-visual diagnostics of convicts* 1997, Ryazan.
- Bronnikov, A. G. 1982, *Tattoos of convicts, their forensic significance*, Moscow.
- Vakutin, Yu. A. 1979, *Dictionary of slang words and expressions. Tattoos*, Omsk.
- Gernet, M. N. 1925, *In prison: sketches of prison psychology*, Moscow.
- Grachev, M. 1992, *Language from the dark. Blatnaya Fenya*, N. Novgorod.
- Kirilenko, G. L. 1987, 'The problem of gesture research in foreign psychology', *Psychological journal*, vol. 8, iss. 4, pp. 138–147.
- Likhachev, D. S. 1992, 'Features of primitive primitivism', in *A dictionary of prison-camp-thieves jargon*, pp. 364–365, Moscow.
- Mil'yanenkov, L. 1992, *On the other side of the law. Encyclopedia of criminal underworld*, Moscow.
- Oleynik, A. I. 2001, *Prison subculture in Russia: from everyday life to state power*, Moscow.
- Pirozhkov, V. F. 2000, *Criminal psychology*, Moscow.
- Sukhov, A. N. 1991, *The psychology of criminal communication among convicts: PhD thesis (Psychology)*, Leningrad.
- Sukhov, A. N. 1993, *Criminal communication in the environment of convicts*, Ryazan.
- Sukhov, A. N. & Ilm, U. R. 1988, *Gestures as nonverbal means of convicts' communication*, Ryazan.

Sukhov, A. N. 2017, *Social psychology of organized crime*, Moscow.

Sukhov, A. N. 2019, 'Criminogenic communication as a mechanism of organized crime: theoretical aspect', *Bulletin of Moscow University of the MIA of Russia*, iss. 5, pp. 303–307.

Sukhov, A. N. 2007, *Social psychology of crime*, Moscow.

PERSONALIA

Konstantin Antonovich Sych, DSc (Law), Professor, professor of criminal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: vladimir_1@inbox.ru

THEORETICAL AND LEGAL VIEW OF PROFESSOR A. S. MIKHLIN ON SOCIALLY USEFUL WORK IN THE SYSTEM OF PUNISHMENT AND THE PRACTICE OF ITS EXECUTION

Recommended citation

Sych, K. A. 2020, 'Theoretical and legal view of Professor A. S. Mikhlin on socially useful work in the system of punishment and the practice of its execution', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 2, pp. 304–310, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.304-310.

Abstract. The article considers the ideas of Professor A. S. Mikhlin on the problem of socially useful work in the system of punishments and the practice of its application. As you know, the use of convicts' labor during punishments execution, especially in the form of deprivation of liberty for a certain period of time, is of the most important not only economic, but also educational (correctional) significance. The right of a convicted person to work is one of the objects of punishment. However, it should be noted that the current Criminal Code of the Russian Federation, fixing penalties related to socially useful work, does not clearly define their legal nature. A number of punishments, such as mandatory, correctional, and forced labor, have a similar legal nature, which is not entirely favorable in judicial practice. The institution of deprivation of liberty also does not have a clear record of socially useful work. It is known that in foreign criminal law, for example in the Criminal Code of Japan, deprivation of liberty is associated with the use of forced labor of convicts. Because of this, the theoretical and legal views of Professor A. S. Mikhlin on socially useful work in the system of punishments and the practice of their execution are of scientific interest.

Keywords: socially useful work, the system of punishments, correctional work, restriction of freedom, imprisonment for a certain period, execution of punishments.

References

Criminal code of the Russian Federation. (General part). Project 1994, Ministry of justice of the Russian Federation; State Legal Department of the President of the Russian Federation, Moscow.

Sydykova, L. Ch. 2000, *Theoretical problems of the system and types of punishments in criminal law of the Kyrgyz Republic: PhD thesis (Law)*, Almaty.

Lysyagin, O. B. 1994, 'Legal regulation of punishment in the form of correctional labor in new socio-economic conditions', in *Legal and methodological support for criminal penalties execution*, pp. 58–59, Moscow.

Mikhlin, A. S. 1991, 'Colonies-settlements and restriction of freedom', *Socialist legality*, iss. 4, pp. 51–53.

Kurganov, S. I. 2002, *Restriction of freedom: pros and cons*, Moscow.

Научное издание

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал

Редактор *А. Ю. Пертли*

Корректор *О. А. Кейзина*

Перевод *О. Р. Белозерова*

Компьютерная верстка *С. В. Ануфриев*

Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 30.06.2020. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 11,38. Усл. печ. л. 10,58. Тираж 1500 экз.

Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Академия ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1
Редакционно-издательский отдел
Тел.: +7 (4912) 93-82-42, 93-46-40
E-mail: editor62@yandex.ru

